

2020
N 4 (54)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Академия управления МВД России

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, associate professor,
Academy of Management of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ГАНАИМ Х.,
LLD, профессор,
Хайфский университет,
Израиль

GHANAYIM Kh.,
LLD, professor, University of Haifa
(Israel)

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Омская академия МВД России	GERASIMENKO Yu.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, honoured lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГУЧОК А.Е., доктор юридических наук, доцент, Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Doctor of Legal Sciences, associate professor, The Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, Университет Фехта (Германия)	SIEGMUNT O.A., PhD, Vechta University (Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Kuban State University
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, Институт государства и права Российской академии наук	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University
ЛУНЕЕВ В.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Институт государства и права Российской академии наук	LUNEEV V.V., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
St. Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed scientific
journals (2015)**

Партнеры:

Международная ассоциация содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Address of the Editorial Board, Publisher

and Printing House: Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редактор Е.В. Карнаухова.

Технический редактор Е.К. Булатова.

Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.

Подписано в печать 15.12.2020. Дата выхода в свет 18.12.2020.

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 14,2. Уч.-изд. л. 13,4.

Тираж 300 экз. Заказ N 070. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2020.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

ЗАЙЦЕВА О.В. Метод профилактического
права как фактор, характеризующий
автономность данной отрасли 6

Раздел 2. Административная деликтология

ЛЕЩИНА Э.Л. Совершенствование
процессуальных основ служебной проверки
в системе государственной службы
Российской Федерации 15

Раздел 3. Уголовный закон

ПОПОВА Ю.П. Некоторые проблемные вопросы
квалификации взяточничества: анализ
позиции Пленума Верховного Суда
Российской Федерации 25

ТУЛИГЛОВИЧ М.А. Цели наказания через
призму пожизненного лишения свободы 34

КОРНЕЕВ С.А. Субсидиарные меры уголовно-
правового характера и их соотношение
с другими формами реализации
уголовной ответственности 44

Раздел 4. Криминологическая наука

МАЙОРОВ А.В. Частная методика
прогнозирования и моделирования
виктимологической ситуации 52

Раздел 5. Уголовно- процессуальное обозрение

БЕРДИНСКИХ С.В. Правовой статус и правовое
положение прокурора в судопроизводстве
при защите публичных интересов в сфере
использования и охраны особо охраняемых
природных территорий 59

Раздел 6. Совершенствование правоохранительной практики

КАЗАЧЕНОК В.В. Организационно-правовой
механизм реагирования дежурных частей
органов внутренних дел на сообщения о побоях 66

Section 1. Methodology of law enforcement activities

ZAITSEVA O.V. The method of preventive
law as a factor characterizing the
autonomy of this branch of law

Section 2. Administrative delictology

LESHCHINA E.L. Improving the procedural
basis of internal investigation in the public
service system of the Russian Federation

Section 3. Criminal Law

POPOVA Yu.P. Some problematic issues of
the qualification of bribery: analysis of the
position of the Plenum of the Supreme
Court of the Russian Federation

TULIGLOVICH M.A. Purposes
of punishment through the prism
of life imprisonment

KORNEEV S.A. Subsidiary measures
of criminal law nature and their correlation
with other forms of implementing
criminal liability

Section 4. Criminology

MAYOROV A.V. Private methodology
for predicting and modeling
the victimological situation

Section 5. Criminal procedural review

BERDINSKIKH S.V. Legal status of the
prosecutor during legal proceedings when
protecting public interests in the sphere of
use and protection of specially protected
natural areas

Section 6. Improving law enforcement practice

KAZACHENOK V.V. Organizational and
legal mechanism for the response of
police dispatch centers to reporting beating

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ДЖАФАРОВА Н.Т. Административно-правовое регулирование отношений, складывающихся в интернет-пространстве

74

Section 7. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

DZHAFAROVA N.T. Regulation of legal relations on the Internet by administrative law

ЖАХИНА Д.А. Классификация рисков в сфере безопасности дорожного движения

82

ZHAKHINA D.A. Classification of risks in the field of road traffic safety

АНДРЕЕВ Д.В. Административно-правовая защита несовершеннолетних от угроз, исходящих от продажи им алкогольной или иной спиртосодержащей продукции

89

ANDREEV D.V. Administrative and legal protection of minors against threats arising from selling alcoholic beverages or other products containing alcohol to them

ЭЙХВАЛЬД Н.Л. Использование дактилоскопических карт, полученных посредством комплекса «Живой сканер» и АДИС «Папилон», при производстве дактилоскопической экспертизы

98

EIKHVALD N.L. The use of fingerprint cards obtained by means of LIVE SCANNER system and PAPILLON AFIS when carrying out fingerprint examination

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

ЛАПШИН В.Ф. Отзыв на диссертацию М.Г. Жилкина «Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики»

105

Section 8. Reviews, critiques

LAPSHIN V.F. Review of M.G. Zhilkin's thesis "Differentiation of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurial activity: problems of theory and practice"

МАЙОРОВ В.И. Рецензия на диссертацию Т.В. Кикоть-Глухodedовой «Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в России, США и странах Европы (сравнительное исследование)»

111

MAYOROV V.I. Review of T.V. Kikot-Glukhodedova's thesis "Administrative and legal support of national security in Russia, the USA and European countries (comparative study)"

Раздел 9. Спецтема: Юбилеи, памятные даты

ХИМИЧЕВА О.В., ШАРОВ Д.В., ТЕРЕХОВ А.Ю. К юбилею выдающегося ученого. Профессор В.Н. Григорьев: концепция задержания подозреваемого

116

Section 9. Special topic: Anniversaries, memorable dates

HIMICHEVA O.V., SHAROV D.V., TEREKHOV A.Yu. To the anniversary of the outstanding scientist. Professor V.N. Grigoriev: the concept of the detention of suspect

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

<p>ЗАЙЦЕВА О.В., кандидат юридических наук, доцент, zaitseva.o@bk.ru Кафедра уголовного и уголовно-исполнительного права; Саратовская государственная юридическая академия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1</p>	<p>ZAITSEVA O.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, zaitseva.o@bk.ru Chair of criminal and penal law; Saratov State Law Academy, Volskaya St. 1, Saratov, 410056, Russian Federation</p>
---	--

МЕТОД ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ПРАВА КАК ФАКТОР, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ АВТОНОМНОСТЬ ДАННОЙ ОТРАСЛИ*

Аннотация. Статья посвящена исследованию метода правового регулирования общественных отношений в сфере профилактики преступлений и правонарушений. В работе представлен подробный анализ его основных признаков, в том числе правовых средств регламентации общественных отношений, входящих в предмет превентивного права; юридических фактов, которые лежат в основе профилактических правоотношений; характера взаимоотношений их участников; способов защиты и средств обеспечения прав и обязанностей субъектов правоотношений. На основании данных характеристик сформулирован вывод о том, что для профилактического права характерен императивный метод правового регулирования. Выделение особого отраслевого метода профилактического права, как и собственного специфического предмета правового регулирования, позволяет обосновать необходимость обособления данной отрасли в качестве новой комплексной отрасли законодательства.

Ключевые слова: отрасль права; профилактическое право; криминологическое законодательство; императивный метод; правонарушение; юридический факт.

Для цитирования: Зайцева О.В. Метод профилактического права как фактор, характеризующий автономию данной отрасли // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 4 (54). С. 6-14.

THE METHOD OF PREVENTIVE LAW AS A FACTOR CHARACTERIZING THE AUTONOMY OF THIS BRANCH OF LAW**

Annotation. The article is devoted to the study of the method of legal regulation of public relations in the field of preventing crimes and offences. The research presents the detailed analysis of its main characteristics, including the legal means of regulating the public relations that are the part of the subject of preventive law; legal facts that are the basis of preventive legal relationships; the nature of the relationship between their participants; the ways of protecting and means of ensuring the rights and obligations of the subjects of legal relations. Taking into account these characteristics, it is concluded that preventive law is characterized by an imperative method of legal regulation. Distinguishing a special method of preventive law, as well as its own specific subject of legal regulation, makes it possible to substantiate the need to distinguish this branch as a new complex branch of law.

Keywords: branch of law; preventive law; criminological legislation; imperative method; offence; legal fact.

For citation: Zaitseva O.V. The method of preventive law as a factor characterizing the autonomy of this branch of law // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 4 (54). P. 6-14.

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект N 20-011-00194 «Теоретико-методологическая модель профилактического права, как новой отрасли законодательства».

** The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 20-011-00194 "Theoretical and methodological model of preventive law as a new branch of legislation".

Проблема профилактики противоправного поведения традиционно является актуальной для юридической науки. Однако если раньше она рассматривалась в основном на уровне разработки концептуальных положений предупреждения правонарушений (понятия и форм противодействия преступности, ее объекта и субъектов, видов предупредительных мер, отдельных проблем деятельности правоохранительных органов), то в последние годы внимание криминологического сообщества все чаще обращено к законодательному аспекту криминологической превенции. Большинство ученых единодушны в том, что следует совершенствовать законодательство в данной сфере, перманентно адаптируя его к современным реалиям.

Обобщение научных взглядов на правовую систему общества, сложившихся в отечественной юриспруденции, показало, что на сегодняшний день в российской системе права профилактическое право не имеет самостоятельного статуса и рассматривается, как правило, в качестве составной части административного права (полицейское право). Однако комплексный анализ совокупности нормативных правовых актов, регулирующих деятельность правоохранительных и иных органов по выявлению и устранению детерминантов преступности, а также регламентирующих порядок применения мер воспитательного воздействия к правонарушителям в целях недопущения противоправного и антиобщественного поведения, показал, что фактически рассматриваемая отрасль уже вышла за административно-правовые рамки и характеризуется не только уникальным предметом, но и специфическим методом правового регулирования.

При этом, если вопросы предмета профилактического права затрагивались ранее в работах таких ученых-криминологов, как Ю.В. Трунцевский [1], В.Н. Орлов [2], Е.Ю. Титушкина [3], то проблема обоснования особого метода правового регулирования профилактических правоотношений поднимается в юридической науке впервые. Вместе с тем, как справедливо указывает Д.Е. Петров, «...разработка вопроса о методе... непосредственно связана с повышением эффективности правового

регулирования и, соответственно, возрастанием роли права в осуществлении политики, реализации задач и функций государства» [4, с. 38].

Под методом правового регулирования в теории права принято понимать совокупность приемов, способов, средств влияния правотворческой воли на социальные отношения [5, с. 234]. «Метод отвечает на вопрос, как право осуществляет свою регулятивную роль, ибо правовые нормы регулируют не только разнохарактерные отношения, но и различным образом» [6, с. 319]. Он позволяет отграничить отрасль права от отрасли законодательства или правового института.

Как правило, в нормативных правовых актах отсутствуют специальные положения, описывающие метод регулирования правовой отрасли. Он определяется исходя из особенностей предмета правового регулирования, социального содержания отношений, составляющих суть соответствующей отрасли права, а не субъективным усмотрением законодателя [7, с. 4].

С учетом специфики предмета профилактического права — общественных отношений, складывающихся в процессе осуществления деятельности по профилактике преступлений и правонарушений [8, с. 150], — под методом в рамках настоящего исследования понимается совокупность предписывающих, запрещающих и дозволильных средств воздействия на причины и условия правонарушений, на лиц, поведение которых носит противоправный или антиобщественный характер, а также на виктимных лиц.

Метод правового регулирования в теории права определяется с учетом:

- а) правовых средств регулирования общественных отношений, входящих в предмет данной отрасли;
- б) юридических фактов, которые лежат в основе правоотношений;
- в) характера взаимоотношений их участников;
- г) способов защиты и средств обеспечения прав и обязанностей субъектов правоотношений.

На основании указанных характеристик формируется структурный тип правового отношения, который отражает особенности отраслевых правоотношений и

является одним из показателей самостоятельности той или иной отрасли права [9, с. 270]. Рассмотрим указанные обстоятельства применительно к профилактическому праву.

Одной из первостепенных характеристик метода правового регулирования является специфика юридических средств, используемых при правовой регламентации общественных отношений, которые служат основанием для выделения уровней государственного регулирования. Для профилактического права характерно сочетание нормативного и индивидуального уровней воздействия.

На нормативном уровне значительную роль в правовом регулировании профилактических правоотношений наряду с федеральными и региональными законодательными актами играют ведомственные (локальные) нормативные правовые акты. Так, согласно ст.ст. 8, 11, 12 Федерального закона от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений») нормативно-правовое регулирование в сфере профилактики правонарушений осуществляют федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также органы местного самоуправления*. Указанные органы отнесены к субъектам профилактики правонарушений и уполномочены издавать локальные (ведомственные) нормативные правовые акты, а также государственные программы в сфере профилактики правонарушений, которые, как известно, к числу нормативных актов не относятся [10, с. 52-53].

При этом субъекты законодательства наделены в сфере профилактики значительным объемом дискреционных полномочий, то есть уполномочены в пределах установленной в рамках закона компетенции действовать по своему усмотрению. По мнению Ю.П. Соловья, высокий уровень дискреционности правового матери-

ала, нормирующего указанную деятельность, предопределяется тем, что ситуации, в которых необходимо применение мер по предупреждению делинквентного поведения, относятся к числу наиболее неопределенных, связанных с множеством труднопрогнозируемых и быстро меняющихся факторов, а поэтому требуют значительной самостоятельности в оценках и действиях их субъектов [11, с. 9].

Однако существенным недостатком ведомственного нормотворчества является отсутствие какой-либо ответственности со стороны органов исполнительной власти и органов местного самоуправления за неосуществление действий по принятию нормативных правовых актов криминологической направленности. Как следствие, две трети федеральных министерств и ведомств в превентивной деятельности фактически не участвуют. «Согласно перечню показателей оценки эффективности деятельности субъектов профилактики за 2019 г., направляемому Правительственной комиссией по профилактике правонарушений федеральным органам исполнительной власти, из 21 министерства только восемь... направляют годовые отчеты о работе в Министерство внутренних дел Российской Федерации, из 28 федеральных служб отчитываются двенадцать, из восемнадцати федеральных агентств – ни одного» [12, с. 78].

Заметим, что субъекты профилактики правонарушений в механизме государственного регулирования выполняют в первую очередь правоприменительные функции. В связи с этим для них определяющим является принятие индивидуально-правовых актов, «то есть документов, которые служат основанием для возникновения прав, обязанностей и мер юридической ответственности конкретных лиц» [13, с. 154] (ситуационное регулирование).

При осуществлении такого рода деятельности уполномоченные органы из достаточно обширного набора мер выбирают именно ту конкретную, которая является наиболее эффективной в нейтрализации детерминантов индивидуального противоправного поведения. В этом случае учитываются разнообразные жизненные обстоятельства: образ жизни, криминологически

* Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

значимые личностные характеристики человека, его окружающая среда. Так, индивидуальная программа реабилитации и адаптации несовершеннолетнего, находящегося в социально опасном положении, разрабатывается с учетом его индивидуально-психологических свойств, качеств, особенностей семейного воспитания и других факторов, влияющих на поведение подростка. При этом уполномоченные органы исходят из рекомендаций психолого-медико-педагогической комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних, органов внутренних дел, органов социальной защиты, опеки и попечительства.

Акты индивидуального ситуационного регулирования правоотношений влекут юридические последствия и выступают в качестве юридических фактов. Фактические обстоятельства (условия, ситуации), которые служат основанием для возникновения профилактических правоотношений, в зависимости от их связи с волей субъектов можно разделить на две группы: юридические деяния и юридические события*.

Главным основанием для возникновения рассматриваемой группы правоотношений являются неправомерные действия лиц, в отношении которых осуществляются профилактические мероприятия. Например, в соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» основаниями для проведения индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними являются: а) совершение несовершеннолетним антиобщественных действий (подп. 2, 4 п. 1 ст. 5); б) совершение им правонарушения (подп. 5, 6 п. 1 ст. 5); в) совершение преступления (подп. 7-9, 13, 14 п. 1 ст. 5)**.

Помимо правонарушающих действий юридически значимое поведение,

* Данная классификация применима к юридическим фактам, которые лежат в основе любых правоотношений, и разделяется большинством ученых.

** См.: Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 26. Ст. 3177.

лежащее в основе профилактических правоотношений, может проявляться в виде неправомерного бездействия, то есть невыполнения профилактируемыми лицами установленных для них обязанностей. Например, неисполнение родителем обязанностей по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетнего является основанием для постановки на профилактический учет в подразделении по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации***.

Правомерные юридические действия, с которыми законодательство связывает возникновение профилактических правоотношений, обусловлены, прежде всего, волевым поведением уполномоченных должностных лиц. Они находят свое выражение в виде юридических актов, отражающих соответствующее решение субъекта профилактики (например, приговор, определение или постановление суда; протокол об административном правонарушении; представление следователя, органа дознания или начальника органа внутренних дел о принятии мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления или других нарушений закона, и т.д.).

Реже основанием для возникновения правовых отношений в сфере профилактики преступлений и правонарушений являются правомерные действия иных участников данных правоотношений, такие как сообщение о совершении преступления, жалоба на противоправное поведение соседей и других жильцов, и т.п.

Вторая группа условий — юридические события — это конкретные жизненные обстоятельства, не зависящие от воли и сознания участников правоотношения. Например, в п. 2 ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 5 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в качестве одного из оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий названы события, создающие угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологи-

*** См.: Пункт 2 ст. 5 Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

ческой безопасности Российской Федерации*. Перечень таких явлений не конкретизирован и имеет оценочный характер, поскольку четкие формализованные критерии, позволяющие отнести то или иное обстоятельство к числу угрожающих национальной безопасности, в действующем законодательстве отсутствуют.

В первую очередь, юридические события становятся основанием для возникновения профилактических правоотношений в тех случаях, когда выступают или могут выступать в качестве причин и условий делинквентного поведения. Например, такие специфические для несовершеннолетних факты-состояния, как безнадзорность и беспризорность. Как справедливо указывает Ю.Р. Орлова, данные факторы являются негативными условиями, способствующими вовлечению детей и подростков в совершение противоправных деяний, оказывают непосредственное влияние на формирование противоправной ориентации их личности, возникновение у них преступного умысла [14, с. 10].

В юридической литературе факты-события принято делить на абсолютные и относительные. Критерием дифференциации в данном случае выступает отсутствие или наличие деятельности людей, влияющей на возникновение этих явлений. Правовой основой профилактических правоотношений абсолютные факты выступают крайне редко, гораздо чаще катализатором служат относительные юридические события, происхождение которых изначально связано с волевыми действиями субъектов, но дальнейшее развитие происходит вне зависимости от их воли. Так, основанием для установления административного надзора является факт освобождения опасного рецидивиста из мест лишения свободы**.

Рассмотрение характера взаимоотношений участников превентивных правоотношений позволило выявить еще одну

* Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 5 авг. 1995 г. N 144-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349.

** См.: Пункт 2 ст. 3 Федерального закона от 6 апр. 2011 г. N 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 15. Ст. 2037).

важную особенность метода профилактического права: в его основе лежат отношения субординации (власти и подчинения). Субъекты данной отрасли не являются равноправными: одни наделены правами, на других возложены обязанности.

Указанные правоотношения складываются на базе управомочивающих и запрещающих норм. При этом взаимоотношения между сторонами указанных отношений носят представительско-обязывающий характер: положительные действия совершаются уполномоченным лицом, а на обязанного возлагается обязанность воздержаться от действий, запрещенных нормами уголовного и административного права. Эти отношения выражают статическую функцию права. «Уполномоченный удовлетворяет интересы своими действиями. Обязанности же в этих правоотношениях играют, так сказать, "оградительную", вспомогательную роль» [15, с. 109].

Таким образом, это пассивные вертикальные отношения, когда у одной стороны имеются юридически властные полномочия, которых нет у другой. В профилактическом праве такими полномочиями наделены субъекты профилактики правонарушений (ст.ст. 5-12 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений»). Иные лица не вправе своими действиями создавать препятствия деятельности уполномоченных государственных органов.

Справедливости ради отметим, что возможность установления горизонтальных правоотношений в профилактическом праве полностью не исключена. В качестве примера можно привести совместную деятельность правоохранительных органов и органов социальной защиты населения, здравоохранения, образования по разработке государственных и муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений. Однако такого рода отношения не столь распространены, как вертикальные.

Важнейшей составной частью метода регулирования отрасли являются средства обеспечения прав и юридических обязанностей. Они служат для организации надлежащей правосубъектности участников превентивных правоотношений, повышения действенности нормативных предписаний, регулирующих данную деятельность.

Средства, используемые в связи с этим профилактическим правом, можно разделить на две группы: меры привлечения к ответственности и меры пресечения причинения вреда.

Первая группа мер не нашла полного и последовательного закрепления в превентивном законодательстве. Санкции за нарушение его нормативных предписаний содержатся в источниках, которые относятся к иным отраслям права: административному, уголовному, трудовому. На практике это еще раз подтверждает тезис о том, что на современном этапе развития системы российского права особое значение приобретает изучение единства отраслей права [16].

Таким образом, одной из особенностей метода указанной отрасли является то, что меры юридической ответственности за неисполнение предписаний субъектов антикриминогенной деятельности носят бланкетный характер. В частности, если должностное лицо, которому направлено представление о принятии мер к устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, умышленно уклоняется от его исполнения, то к нему может быть применена дисциплинарная ответственность, предусмотренная ст. 192 Трудового кодекса Российской Федерации (замечание или выговор)*.

Различные наказания за неисполнение законных требований при осуществлении профилактики правонарушений предусмотрены статьями 17.4, 19.3, 19.5-19.6, 19.24, 19.35, 19.36, 20.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Имеются и региональные нормативные правовые акты об административной ответственности за подобные деяния. Например, неисполнение или нарушение решения антитеррористической комиссии в Саратовской области, антитеррористической комиссии в муниципальном районе (городском округе) области, принятого в пределах компетенции указанных органов, влечет наложение ад-

* См.: Пункт 1.21 приказа Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. N 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации». (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

министративного наказания в виде штрафа на граждан или юридических лиц**.

Однако самих должностных лиц субъектов профилактики за нарушение законодательства в данной сфере в настоящее время привлечь к административной ответственности невозможно, и это является серьезным законодательным пробелом. Вместе с тем анализ материалов административных дел об оспаривании действий (бездействия) сотрудников органов внутренних дел показал, что на практике нередко имеют место случаи необоснованной постановки или снятия граждан с профилактического учета, уклонения от регистрации заявлений о совершении правонарушений, нарушения установленного законом порядка применения мер индивидуальной профилактики. В частности, в республиках Северного Кавказа, стремясь показать служебное рвение, полицейские иногда ставят граждан на учет в качестве потенциальных экстремистов из-за их принадлежности к определенным течениям в исламе, ношения бороды или национальной одежды***. На наш взгляд, целесообразно установить административную ответственность сотрудников правоохранительных органов за подобные деяния.

За самые грубые нарушения, влекущие за собой существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, предусмотрена уголовная ответственность. Например, уклонение от административного надзора или неоднократное несо-

** См.: Статья 7.5 Закона Саратовской области от 29 июля 2009 г. N 104-ЗСО «Об административных правонарушениях на территории Саратовской области». (Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»).

*** См., например: Решение городского суда г. Дагестанские Огни Республики Дагестан от 10 авг. 2015 г. N 2-466/2015; Решение Кизилюртовского городского суда от 29 янв. 2016 г. N 2А-601/2015 2А-82/2016; Апелляционное определение Верховного Суда Республики Дагестан от 18 февр. 2016 г. N 33А-655/2016; Решение Буйнакского районного суда от 31 окт. 2016 г. N 2А-989/2016-М-958/2016; Решение Кизилюртовского районного суда от 11 июля 2019 г. N 2-346/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru>

блюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограниченный наказывается лишением свободы на срок до одного года (ст. 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Вторая группа средств обеспечения прав и юридических обязанностей — меры пресечения причинения вреда. К таковым в профилактическом праве относятся: установление определенных ограничительных режимов, (например, режим контртеррористической операции), применение оружия и боевой техники, приостановление деятельности опасных производств и организаций, приостановление оказания услуг связи и т.п.

Основой для выделения подобных мер, как справедливо указывает Н.В. Щедрин, выступает «наличие источника повышенной опасности и (или) объекта повышенной охраны... Это специфический вид некарательного ограничения деятельности органов, организаций, должностных лиц, а также поведения физических лиц, цель которого — оперативно пресечь вредное воздействие источника повышенной опасности и защитить объект охраны от любых, в том числе криминальных, источников опасности» [17, с. 21].

Правопресекательные меры находят свое выражение в виде возможности причинения вреда правоохраняемым интересам лиц, не исполняющих законных предписаний субъектов профилактики. Однако важной правовой гарантией является то, что такой вред может причиняться только вынужденно, когда все другие способы исчерпаны. Так, в соответствии со ст. 7 Федерального закона от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» Вооруженным Силам Российской Федерации разрешается применять оружие и боевую технику для пресечения полета воздушного судна, которое может быть использовано для совершения террористического акта в случае, если при этом были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, необходимые для его посадки, и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы*.

* О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 11. Ст. 1146.

На наш взгляд, значительным потенциалом в сфере профилактики преступлений и правонарушений могут обладать меры стимулирования. Данные меры предполагают наделение лиц, участвующих в профилактической деятельности, дополнительными (новыми для них) полномочиями, то есть способствуют улучшению (обогащению) их правового состояния. Например, стимулирование работодателей к трудоустройству лиц, освободившихся из мест лишения свободы, посредством предоставления налоговых льгот. Однако в профилактическом праве в настоящее время данное средство обеспечения прав и юридических обязанностей фактически не используется.

Таким образом, анализ основных элементов отраслевого метода профилактического права позволяет прийти к выводу о том, что для него характерен императивный метод правового регулирования, и это подтверждается следующими его особенностями:

1. Участники превентивных правоотношений не равны, а находятся в отношениях субординации.

2. Правовая регламентация осуществляется «сверху» путем принятия нормативных правовых актов на федеральном и ведомственном уровнях. При этом, с одной стороны, субъекты профилактики наделены значительным объемом дискреционных полномочий, а с другой стороны, лица, в отношении которых осуществляются предупредительные мероприятия (профилактируемые лица), имеют ограниченный объем прав, которые сводятся лишь к двум видам: а) право на информацию; б) право на обжалование действий (бездействия) и решений субъектов профилактики правонарушений и их должностных лиц, а также лиц, участвующих в профилактике правонарушений**.

3. Среди юридических фактов, служащих основаниями для установления профилактических правоотношений, преобладают властные предписания индивидуального характера, издаваемые компетентными органами.

4. В качестве основных средств правового регулирования используются меры

** См.: Статья 28 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений».

привлечения к ответственности и меры пресечения причинения вреда.

С учетом изложенного можно констатировать, что в профилактическом праве применяется особый отраслевой метод, отличающийся своеобразным сочетанием правовых средств регулирования общественных отношений; юридических фактов, которые лежат в основе правоотношений; характера взаимоотношений между их участниками, а также средств

правового обеспечения их субъективных прав и обязанностей. Это обусловлено природой превентивных отношений, затрагивающей экономические, социально-психологические, идеологические, политические и организационно-управленческие процессы и явления, которые могут детерминировать совершение правонарушений и криминальную виктимизацию граждан (выступать в качестве факторов, причин и условий).

Список литературы

1. Трунцевский Ю.В. Российское уголовно-превентивное право: признаки отрасли // Российский криминологический взгляд. 2010. N 3. С. 165-173.
2. Орлов В.Н. Основы криминологического права: учебник. М.: Криминологическая б-ка; Ставрополь: АГРУС, 2016. 666 с.
3. Титушкина Е.Ю. Новый этап формирования «профилактического права» // Труды Академии управления МВД России. 2016. N 4 (40). С. 23-26.
4. Петров Д.Е. Метод и способ правового регулирования: вопросы соотношения // Известия высших учебных учреждений. Поволжский регион. Общественные науки. Сер.: Право. 2016. N 1 (37). С. 37-42.
5. Общая теория государства и права: акад. курс: в 2 т. Т. 2 / под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. 622 с.
6. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2007. 540 с.
7. Сырых В.М. Метод – системообразующий компонент образовательного права // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2018. Т. 13. N 18. С. 4-22.
8. Зайцева О.В. Профилактическое право как самостоятельная отрасль законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. N 3 (122). С. 148-154.
9. Алексеев С.С. Собр. Соч.: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. 781 с.
10. Концевая Л.В. Является ли целевая программа нормативным правовым актом? // Общество и право. 2013. N 1 (43). С. 52-54.
11. Соловей Ю.П. Полицейское право и его место в системе современного административного права // Полицейское право. 2005. N 1. С. 6-11.
12. Герасимов С.И. На пути к созданию государственной системы профилактики преступлений и правонарушений // Вестник Московского университета МВД России. 2019. N 6. С. 73-82.
13. Черников В.В. Нормотворческая функция МВД России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. N 5. С. 154-159.
14. Орлова Ю.Р. Криминологическое изучение безнадзорности несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2004. 32 с.
15. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 359 с.
16. Коваленко А.Ю. Комплексные отрасли права на современном этапе развития системы российского права // BAIKAL RESEARCH JOURNAL. 2013. N 4. URL: <https://brj-bguer.ru> (дата обращения: 8 июня 2020 г.).
17. Щедрин Н.В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности // Государство и право. 2008. N 7. С. 16-24.

References

1. Truntsevsky Yu.V. Russian criminal preventive law: signs of the industry. Russian criminological view, 2010, no. 3, pp. 165-173. (In Russ.).
2. Orlov V.N. Fundamentals of criminological law. Moscow, Kriminologicheskaya biblioteka Publ.; Stavropol, AGRUS Publ., 2016. 668 p. (In Russ.).
3. Titushkina E.Yu. New Evolution Stage of "Preventative Law". Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, no. 4 (40), pp. 23-26. (In Russ.).
4. Petrov D.E. The method and ways of legal regulation: issues of correlation. University proceedings. Volga region. Social sciences. Law, 2016, no. 1 (37), pp. 37-42. (In Russ.).
5. The General Theory of state and law. Academic Course. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow, 1998. 622 p. (In Russ.).
6. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Theory of State and Law. Moscow, Yurist' Publ., 2005. 540 p. (In Russ.).

7. Syryh V.M. The method – is a system-forming component of the educational law. Yearbook of Russian educational legislation, 2018, vol. 13, no. 18, pp. 4-22. (In Russ.).
8. Zaitseva O.V. Preventive right as an independence branch of legislation. Bulletin Saratov State Law Academy, 2018, no. 3 (122), pp. 148-154 (In Russ.).
9. Alekseev S.S. Collected work. In 10 volumes. Vol. 3: Problems of the theory of law. Moscow, 2010. 781 p. (In Russ.).
10. Kontsevaya L.V. Whether is the target program the normative legal act? Society and law, 2013, no. 1 (43), pp. 52-54. (In Russ.).
11. Solovey Yu.P. Police law and its place in the system of modern administrative law. Police law, 2005, no. 1, pp. 6-11. (In Russ.).
12. Gerasimov S.I. Towards a crime and crime prevention system. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2019, no. 6, pp. 73-82. (In Russ.).
13. Chernikov V.V. The rulemaking function of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2016, no. 5, pp. 154-159. (In Russ.).
14. Orlova Yu.R. Criminological study of child neglect. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2004. 32 p. (In Russ.).
15. Alekseev S.S. General theory of law. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow, 1982. 359 p. (In Russ.).
16. Kovalenko A.Yu. Complex branches of law in the current system of Russian law. BAIKAL RESEARCH JOURNAL, 2013, no. 4. Available at: <https://brj-bguep.ru> (Accessed June 8, 2020). (In Russ.).
17. Shchedrin N.V. A source of increased danger, an object of increased protection and security measures. State and Law, 2008, no. 7, pp. 16-24. (In Russ.).

Раздел 2. Административная деликтология

ЛЕЩИНА Э.Л., кандидат юридических наук, доцент, leshina74@mail.ru Кафедра правоохранительной деятельности и национальной безопасности; Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 454080, Челябинск, просп. Ленина, 76	LESHCHINA E.L., Candidate of Legal Sciences, associate professor, leshina74@mail.ru Chair of law enforcement activities and national security; South Ural State University (National Research University), Lenin Ave. 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
--	--

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОСНОВ СЛУЖЕБНОЙ ПРОВЕРКИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается порядок назначения и проведения служебной проверки по фактам нарушения законности и дисциплины в системе государственной гражданской службы Российской Федерации, государственной службы иных видов. Охарактеризованы цели и задачи проверки, порядок ее назначения и проведения, основы административно-процессуального статуса ее субъектов и участников, виды обеспечительных мер, порядок сбора доказательств, порядок оформления и утверждения заключения проверки, ознакомления заинтересованных лиц с результатами проверки. Особое внимание уделено гарантиям государственному служащему, в отношении которого проводится проверка. На основании действующего законодательства и практики его применения формулируются предложения по совершенствованию процессуальной регламентации порядка назначения и проведения служебной проверки в системе государственной службы Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная служба; дисциплинарный проступок; дисциплинарная ответственность; административный процесс; административно-процессуальная деятельность; дисциплинарное принуждение; дисциплинарное производство; служебная проверка.

Для цитирования: Лещина Э.Л. Совершенствование процессуальных основ служебной проверки в системе государственной службы Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 4 (54). С. 15-24.

IMPROVING THE PROCEDURAL BASIS OF INTERNAL INVESTIGATION IN THE PUBLIC SERVICE SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The author of the article considers the procedure for launching and conducting an internal investigation on the facts of violation of law and discipline in the system of the state civil service of the Russian Federation, and other types of public service. To achieve the purpose of the research, the aims and objectives of the internal investigation, the procedure for launching and conducting such investigation, the basics of administrative and procedural status of its subjects and participants, the types of interim measures, the procedure for collecting evidence, the procedure for writing the investigation report, presenting and approving its findings, as well as providing the results of the investigation to the parties involved, are characterized. Particular attention is paid to the guarantees provided to the civil servant being the subject of the internal investigation. Basing on the analysis of the current legislation and the practice of its application, proposals are formulated to improve the regulation of the procedure for launching and conducting an internal investigation in the system of the public service of the Russian Federation.

Keywords: public service; disciplinary offence; disciplinary liability; administrative procedure; administrative procedure activities; disciplinary coercion; disciplinary proceedings; internal investigation.

For citation: Leshchina E.L. Improving the procedural basis of internal investigation in the public service system of the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 4 (54). P. 15-24.

Служебная проверка является факультативным видом процессуальной деятельности на стадии возбуждения производства по дисциплинарному делу [1, с. 494]. Проверка может не назначаться в случае очевидности обстоятельств совершения дисциплинарного проступка. Вместе с тем в силу существующих законодательных установлений проведение служебной проверки, независимо от вида, характера и последствий проступка, обязательно в случаях нарушений законности и дисциплины прокурорскими работниками*, государственными гражданскими служащими и сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации**.

От состояния процессуальной регламентации института служебной проверки, полноты, качества и объективности ее проведения, правильности оформления материалов зависит судьба дела о дисциплинарном проступке государственного служащего, а также возможные перспективы оспаривания акта о наложении дисциплинарного взыскания.

Проведенный анализ федерального законодательства о порядке прохождения государственной гражданской службы Российской Федерации, государственной службы иных видов в части закрепления общего механизма служебной проверки, изданных на его основе ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок проведения служебной проверки, позволил сделать вывод о наличии разных подходов к правовому регулированию отдельных элементов служебной проверки в системах различ-

ных административных ведомств в части определения целей и задач проверки, порядка назначения и проведения, закрепления статуса субъектов и участников, в части применения обеспечительных мер, оформления и утверждения заключения, ознакомления заинтересованных лиц с результатами проверки***. В ходе рассмотрения материалов практики по вопросам привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности выявлены разные подходы судов к оценке законности процессуальной деятельности в ходе проведения служебной проверки и ее результатов, значимости заключения служебной проверки для наложения дисциплинарного взыскания, необходимости его самостоятельного оспаривания для отмены приказа о наложении дисциплинарного взыскания.

Эти обстоятельства актуализируют необходимость изучения процессуальной основы служебной проверки с целью выявления недостатков, пробелов и использования полученных результатов для совершенствования служебного законодательства.

Нормативные правовые акты, регламентирующие порядок прохождения государственной службы, не содержат определения понятия служебной проверки, но закрепляют ее задачи, а в отдельных случаях – цели.

Целями служебной проверки являются:

а) необходимость выявления причин, характера и обстоятельств совершенного сотрудником органов внутренних дел дисциплинарного проступка, подтверждения наличия или отсутствия фактов соблюдения ограничений, запретов и обязанностей, связанных со службой в ОВД (ч. 1 ст. 52 Федерального закона от 30 но-

* Часть 2 ст. 58 Федерального закона от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (см.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 31. Ст. 3215) (далее – Федеральный закон N 79-ФЗ); пункт 2.1 Инструкции о порядке проведения служебных проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации, утв. приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 апреля 2016 г. N 255 (далее – Инструкция Генпрокуратуры России от 28 апреля 2016 г.) (См.: Законность. 2016. N 7).

** Согласно ч. 2 ст. 58 Федерального закона N 79-ФЗ «перед применением взыскания проводится служебная проверка».

*** В статье рассмотрены правовые основы служебной проверки в отношении государственных гражданских служащих, в системе МВД России, органах прокуратуры Российской Федерации, Следственном комитете Российской Федерации, Таможенных органах Российской Федерации. Кроме того, проанализированы отдельные вопросы правовой регламентации проверки в Федеральной противопожарной службе, уголовно-исполнительной системе, органах принудительного исполнения.

ября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* (далее – Федеральный закон N 342-ФЗ);

б) выявление фактов, обстоятельств, причин совершения сотрудниками таможенных органов дисциплинарных проступков (п. 1 Инструкции об организации и о проведении служебной проверки в таможенных органах Российской Федерации, утвержденной приказом Федеральной таможенной службы от 2 августа 2012 г. N 1557** (далее – Инструкция ФТС России от 2 августа 2012 г.).

К задачам служебной проверки, проводимой по фактам совершения дисциплинарных проступков государственными служащими, относится следующее:

1. Объективно и всесторонне установить:

а) факт совершения дисциплинарного проступка, время, место, обстоятельства его совершения;

б) государственного служащего, совершившего дисциплинарный проступок, и лиц, причастных к его совершению;

в) вину государственного служащего в совершении дисциплинарного проступка или степень вины каждого служащего при его совершении несколькими лицами;

г) причинно-следственную связь между действиями (бездействием) государственного служащего, совершившего дисциплинарный проступок, и наступившими последствиями;

д) характер и размер вреда (ущерба), причиненного государственным служащим в результате совершения дисциплинарного проступка;

е) отношение государственного служащего к совершенному им дисциплинарному проступку и его последствиям;

ж) причины и условия, которые способствовали совершению дисциплинарного проступка.

2. Подготовить предложения о мере дисциплинарной или материальной ответственности государственного служащего, совершившего дисциплинарный проступок.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 49 (ч. I). Ст. 7020.

** Рос. газ. 2012. 24 окт.

3. Разработать предложения об организации и о проведении предупредительно-профилактических мероприятий, направленных на устранение причин и условий, способствовавших совершению дисциплинарного проступка;

4. Оформить документально все сведения о дисциплинарном проступке***.

Важной характеристикой служебной проверки выступает и то, что она проводится в отношении членов организованных административных коллективов в порядке подчинения по службе, носит принудительный характер, порядок ее проведения регламентируется административно-процессуальными нормами, входящими в законодательство о государственной службе соответствующего вида. Помимо случаев нарушения служебной дисциплины, служебная проверка может проводиться в связи с совершением государственным служащим коррупционного правонарушения, порочащего проступка, иного нарушения законности.

Порядок назначения и проведения служебной проверки характеризуется следующим.

Поводами к назначению служебной проверки являются сведения, указывающие на наличие признаков совершения дисциплинарного или порочащего проступка, коррупционного правонарушения. Служебная проверка также может проводиться по заявлению государственного служащего для опровержения порочащих сведений, касающихся предполагаемого нарушения дисциплины, совершения коррупционного правонарушения.

Решение о назначении служебной проверки принимает лицо, наделенное правом назначения государственного служащего на должность. Срок для принятия решения о проведении служебной проверки в различных органах не одинаков. Например, в ОВД служебная проверка долж-

*** Часть 3 ст. 52 Федерального закона N 342-ФЗ; пункт 3 Инструкции об организации служебных проверок в Министерстве юстиции Российской Федерации и его территориальных органах, утв. приказом Минюста России от 2 декабря 2009 г. N 415 (см.: Рос. газ. 2009. 19 февр.); пункт 2.11 Инструкции Генпрокуратуры России от 28 апреля 2016 г.; пункт 2 Инструкции ФТС России от 2 августа 2012 г.

на быть назначена не позднее двух недель с момента получения соответствующим руководителем информации, являющейся основанием для ее проведения*; в органах принудительного исполнения – в течение четырнадцати дней**; в таможенных органах Российской Федерации – в течение пяти рабочих дней***; в Следственном комитете Российской Федерации – не позднее трех рабочих дней****. В ряде случаев этот срок не определен (например, для органов прокуратуры Российской Федерации). Такая информация не содержится и в Федеральном законе N 79-ФЗ, закрепляющем механизм служебной проверки в отношении гражданских служащих.

В целях формирования единого порядка назначения проверок для всех видов государственной службы представляется, что решение о проведении служебной проверки должно быть принято в течение двух недель (десяти рабочих дней) с момента получения соответствующим руководителем документа, содержащего основания для ее проведения, в виде резолюции на этом документе. Учет принятых решений о назначении проверки предусмотрен только в Следственном

комитете Российской Федерации, где они регистрируются в книге регистрации материалов служебных проверок (п. 5 Инструкции СК РФ от 3 февраля 2015 г.). Виды сведений, указываемых в данной книге, определяет п. 5.1 Инструкции СК РФ от 3 февраля 2015 г.

На основании решения о назначении проверки в соответствии с установленным порядком делопроизводства издается приказ (в органах прокуратуры и Следственном комитете Российской Федерации – распоряжение). Приказ может не издаваться при проведении разбирательства (проверки) по факту нарушения дисциплины в системе МВД России, Росгвардии, ФСИН России, в Федеральной противопожарной службе, органах принудительного исполнения одним сотрудником. Однако для данных организаций издание приказа обязательно при проведении проверки в составе комиссии.

В письменном акте о назначении проверки указываются:

- основания для ее проведения;
- данные государственного служащего, в отношении которого (либо по письменному заявлению которого) проводится служебная проверка;
- сроки проведения;
- состав комиссии для проведения служебной проверки.

В таможенных органах Российской Федерации в приказах также указываются сроки представления материалов служебной проверки и заключения по ее результатам руководителю (п. 5 Инструкции ФТС России от 2 августа 2012 г.).

Срок проведения служебной проверки является пресекательным, исчисляется со дня принятия решения о ее проведении, или со дня издания приказа о ее проведении, и составляет:

- в системе государственной гражданской службы – один месяц со дня принятия решения о ее проведении (ч. 6 ст. 59 Федерального закона N 79-ФЗ);
- в органах прокуратуры служебная проверка должна быть завершена в срок, установленный руководителем, ее назначившим, но не позднее пятнадцати рабочих дней со дня ее назначения (п. 3.5 Инструкции Генпрокуратуры России от 28 апреля 2016 г.);

* Пункт 15 Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации, утв. приказом МВД России от 26 марта 2013 г. N 161 (далее – Порядок проведения служебной проверки в ОВД). (См.: Рос. газ. 2013. 14 июля).

** Пункт 8 Порядка проведения служебной проверки в отношении сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации, утв. приказом Минюста России от 30 марта 2020 г. N 65 (далее – Порядок проведения служебной проверки в отношении сотрудника органов принудительного исполнения). (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

*** Пункт 4 Инструкции ФТС России от 2 августа 2012 г.

**** Пункт 6 Инструкции о проведении служебных проверок в Следственном комитете Российской Федерации, утв. приказом Следственного комитета Российской Федерации от 3 февраля 2015 г. N 11 (далее – Инструкция СК РФ от 3 февраля 2015 г.). (См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>).

– в таможенных органах – не позднее месяца со дня издания приказа о ее проведении (п. 6 Инструкции ФТС России от 2 августа 2012 г.). Более короткий срок может быть установлен приказом;

– в ОВД служебная проверка проводится в течение тридцати дней со дня принятия решения о ее проведении (ч. 4 ст. 52 Федерального закона N 342-ФЗ, п. 16 Порядка проведения служебной проверки в ОВД).

Полагаем, что срок проведения служебной проверки должен исчисляться единообразно – со дня принятия решения о ее проведении, то есть с момента возбуждения производства по делу о дисциплинарном проступке, без учета времени на издание соответствующего приказа. При этом для проведения проверки достаточно наличия решения руководителя – административного акта управления.

Возможность продления срока проведения проверки еще на тридцать дней предусмотрена в МВД России (ч. 4 ст. 52 Федерального закона N 342-ФЗ), Росгвардии (п. 17 Порядка проведения служебной проверки в войсках национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 30 января 2018 г. N 25* МЧС России (п. 19 Порядка проведения служебной проверки в системе МЧС России, утвержденного приказом МЧС России от 17 октября 2016 г. N 550)**, ФСИН России (п. 19 Инструкции об организации и проведении служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 12 апреля 2012 г. N 198 (далее – Инструкция ФСИН

России от 12 апреля 2012 г.)***, в органах принудительного исполнения Российской Федерации (ч. 4 ст. 52 Федерального закона от 1 октября 2019 г. N 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»****, п. 9 Порядка проведения служебной проверки в отношении сотрудника органов принудительного исполнения).

Минимальный срок проведения проверки – пять рабочих дней – установлен только для органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (п. 16 Инструкции ФСИН России от 12 апреля 2012 г.).

Что касается исчисления сроков проведения проверки в календарных днях или в течение месяца, то здесь с учетом общих правил исчисления процессуальных сроков в месяцах и с целью избежать путаницы в определении дней окончания проверки, видится более уместным использование календарных месяцев. Проведение проверки может быть приостановлено на время отсутствия на службе по уважительным причинам лица, в отношении которого она проводится, по рапорту должностного лица, проводящего проверку. Также проверка может быть продлена на десять дней при необходимости замены проводящего ее лица, не уведомившего о наличии прямой или косвенной заинтересованности в ее результатах (ч. 5 ст. 59 Федерального закона N 79-ФЗ; ч. 2 ст. 52 Федерального закона N 342-ФЗ).

Нет сомнения в том, что в нормативных актах порядок продления проверки следует определить единообразно. Как видится, для этого должностное лицо, проводящее проверку, не менее чем за пять

* Порядок проведения служебной проверки в войсках национальной гвардии Российской Федерации: утв. приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 30 янв. 2018 г. N 25 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Порядок проведения служебной проверки в системе МЧС России: утв. приказом МЧС России от 17 окт. 2016 г. N 550. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

*** Инструкция об организации и проведении служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: утв. приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 12 апр. 2012 г. N 198 // Рос. газ. 2012. 7 сент.

**** О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 1 окт. 2019 г. N 328-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

дней до истечения срока проведения проверки должно вместе с материалами проверки представить обоснование необходимости такого продления руководителю, назначившему данную проверку. Также руководитель (начальник) вправе самостоятельно принять решение о продлении срока проведения проверки еще на один месяц при рассмотрении ее заключения.

Окончанием срока проведения проверки считается день утверждения письменного заключения по ее результатам должностным лицом, принявшим решение о ее проведении. Как правило, срок предоставления заключения проверки определяется руководителем при ее назначении, а в ОВД заключение предоставляется руководителю в трехдневный срок со дня ее завершения. Срок утверждения заключения служебной проверки руководителем ОВД составляет пять дней со дня его представления (п. 39 Порядка проведения служебной проверки в ОВД), для проверок, проводимых в отношении гражданских государственных служащих, прокурорских работников и сотрудников таможенных органов данный срок не определен. Полагаем, что в последнем случае сроки направления (передачи) заключения на утверждение и сроки утверждения заключения должны «вписываться» в общий срок проведения служебной проверки.

Круг субъектов и участников проверки зависит от вида проступка, его последствий, вида государственной службы, существующей в государственных органах практики проведения служебной проверки и нормативной регламентации. К субъектам, правомочным проводить служебную проверку, относятся государственные служащие, обладающие необходимыми профессиональными знаниями и опытом, должностные лица кадровых подразделений, подразделений по противодействию коррупции, подразделений собственной безопасности, представитель выборного профсоюзного органа в системе государственной гражданской службы, должностные лица иных структурных подразделений государственного органа. Комиссия формируется в количестве трех и более сотрудников. Включение в состав комиссии лица, по рапорту которого назначена проверка, может свидетельствовать о пря-

мой либо косвенной заинтересованности в исходе проверки*.

Обязательным участником служебной проверки, как и производства по дисциплинарному делу, является государственный служащий, в отношении которого проводится проверка. Иные участники служебной проверки — заявитель (потерпевший), свидетель, специалист, государственные служащие — непосредственно не участвуют в проведении проверки и не являются ее инициаторами.

Основные обязанности и права лиц, проводящих служебную проверку, аналогичны для различных государственных органов. Кроме того, данный вопрос имеет надлежащую правовую регламентацию и поэтому не требует развернутой характеристики.

Государственный служащий, в отношении которого проводится служебная проверка, вправе:

1) ознакомиться с решением о проведении служебной проверки и документами, содержащими основания для ее назначения;

2) предоставлять устные и письменные объяснения лицу, проводящему служебную проверку;

3) заявлять мотивированные отводы лицам, проводящим служебную проверку**;

4) представлять заявления, ходатайства и иные документы, которые приобщаются к материалам служебной проверки;

5) обжаловать решения и действия (бездействие) государственных служащих, проводящих служебную проверку, долж-

* Апелляционное определение Астраханского областного суда от 3 сент. 2014 г. по делу N 33-2655/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение судебной коллегии Алтайского краевого суда от 27 апр. 2016 г. по делу N 33-4752/2016. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

** Не могут участвовать в проведении служебной проверки: непосредственный подчиненный государственного служащего, в отношении которого проводится проверка, близкий родственник государственного служащего, в отношении которого проводится проверка; лицо, имеющее дружеские (неприятные отношения) с государственным служащим, в отношении которого проводится проверка; лицо, выявившее факт нарушения дисциплины (инициировавшее служебную проверку).

ностному лицу, принявшему решение о проведении служебной проверки;

б) ознакомиться по окончании служебной проверки с заключением служебной проверки, другими материалами по результатам, если это не противоречит требованиям неразглашения сведений, составляющих государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну.

Представляется, что данный перечень может быть дополнен правом на получение копии заключения проверки до наложения дисциплинарного взыскания и правом требования рассмотрения возражений на заключение служебной проверки.

Законодательными актами о государственной службе, за исключением государственной гражданской службы (п. 3 ч. 8 ст. 59 Федерального закона N 79-ФЗ), не предусмотрено право государственного служащего, в отношении которого проводится служебная проверка, ознакомиться, помимо заключения, с иными материалами проверки (например, с показаниями свидетелей, иными документами). Закрепление этого права для иных видов государственных служащих, проходящих государственную службу в соответствии с федеральными законами, с учетом правовых позиций, выраженных судами при разрешении служебных споров*, как видится, может способствовать более полному обеспечению принципов гласности и состязательности дисциплинарного производства. Для совершенствования механизма служебной проверки следует установить порядок рассмотрения ходатайств.

Сотрудник органов внутренних дел, в отношении которого проводится служебная проверка, обязан давать объяснения в письменной форме по обстоятельствам проведения служебной проверки, если это не связано со свидетельствованием против самого себя (п. 1 ч. 6 ст. 52 Федераль-

ного закона N 342-ФЗ). Законодательство о государственной гражданской службе подобного требования не содержит.

Общий порядок проведения проверки. Должностные лица проводят проверку по основаниям, изложенным в приказе (решении о назначении проверки). В этих целях председатель и члены комиссии:

- изучают нормативные правовые акты по вопросам, относящимся к служебной проверке;

- разрабатывают план проведения служебной проверки;

- составляют перечень вопросов государственному служащему, в отношении которого (по письменному заявлению которого) проводится служебная проверка;

- производят сбор доказательств и их документальное закрепление;

- обобщают и анализируют необходимую для подготовки заключения информацию;

- готовят заключение служебной проверки и предоставляют его для утверждения.

Следует отметить, что затребование объяснений и сбор доказательств возможны только после назначения проверки. Объяснение от государственного служащего проверяющим истребуется после ознакомления его с приказом (решением) о назначении проверки и должно содержать конкретные вопросы, задаваемые лицу, предоставляющему объяснение, ответы на них и (или) его пояснения об обстоятельствах, подлежащих установлению в ходе служебной проверки. Для предоставления объяснения установлен двухдневный срок. Если по истечении данного срока объяснение не предоставлено, то составляется соответствующий акт. Как показывает правоприменительная практика, при наличии устного отказа от предоставления объяснения должен быть составлен соответствующий акт, порождающий юридические последствия до истечения срока для предоставления объяснения**.

** См. подробнее: Определение Московского городского суда от 17 февр. 2014 г. N 4г-788/14; определение Алтайского краевого суда от 20 нояб. 2013 г. N 33-9355/2013; Определение Ростовского областного суда от 5 апр. 2012 г. N 33-3664. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Аналогичной позиции придерживается и Верховный Суд Российской Федерации (Определение от 30 июля 2008 г. N 36-В08-23. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»).

* Решение Майкопского городского суда Республики Адыгея от 10 февр. 2014 г. N 2-4014/2013 М-3966/2013 2-299/2014(2-4014/2013;)-М-3966/2013 2-299/2014 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>; Апелляционное определение Московского городского суда от 16 февр. 2015 г. по делу N 33-4721/2015; Апелляционное определение Самарского областного суда от 19 февр. 2019 г. по делу N 33-1796/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В ходе служебной проверки уполномоченное лицо таможенного органа вправе проводить осмотр места совершения дисциплинарного проступка, находящихся там вещей и документов, предметов; осуществлять временное изъятие вещей и документов*. Следует отметить, что виды и порядок применения возможных обеспечительных мер в рамках дисциплинарного производства, служебной проверки, в нормативных актах, за исключением таможенных органов и Вооруженных Сил Российской Федерации, отсутствует.

Также производятся сбор и закрепление доказательств, изучение документов, личного дела государственного служащего, направление запросов, совершение иных проверочных действий, фиксирование полученных результатов.

Результаты служебной проверки сообщаются руководителю, ее назначившему, в виде заключения, которое составляется на основании имеющихся в материалах служебной проверки данных (документов) и состоит из трех частей – вводной, описательной и резолютивной. Содержание заключения определяется законодательными и иными нормативными правовыми актами применительно к каждому государственному органу и отражает сведения о проведенной проверке, установленные факты и обстоятельства, итоговые выводы и предложения (рекомендации) проверяющих.

Письменное заключение по результатам служебной проверки подписывается лицами, ее проводившими, утверждается уполномоченным руководителем и приобщается к личному делу государственного служащего, в отношении которого проводилась служебная проверка.

Порядок ознакомления государственного служащего с заключением служебной проверки также различается:

1. В системе МВД России предусмотрена обязанность лица, проводившего служебную проверку, ознакомить сотрудника, в отношении которого проведена

служебная проверка, в случае его обращения, оформленного в письменном виде, с заключением по ее результатам в течение пяти рабочих дней с момента обращения (п. 30.15 Порядка проведения служебной проверки в ОВД).

2. В органах прокуратуры Российской Федерации не позднее двух рабочих дней со дня утверждения заключения прокурорский работник письменно уведомляется об окончании служебной проверки и ее результатах, одновременно ему разъясняется порядок ознакомления с заключением и материалами служебной проверки (п. 4.3 Инструкции Генпрокуратуры России от 28 апреля 2016 г.). Ознакомление с материалами проверки, если это не противоречит требованиям неразглашения сведений, составляющих государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну, производится по просьбе прокурорского работника в срок не более двух рабочих дней (п. 4.4 Инструкции Генпрокуратуры России от 28 апреля 2016 г.).

3. В Следственном комитете Российской Федерации порядок ознакомления сотрудника с материалами аналогичен для прокурорских работников (п. 32 Инструкции СК РФ от 3 февраля 2015 г.). Однако срок для направления уведомления составляет пять дней, время для ознакомления не устанавливается.

4. В таможенных органах Российской Федерации председатель комиссии обязан ознакомить с утвержденным заключением сотрудника, совершившего дисциплинарный проступок, в части, его касающейся, с проставлением его подписи или в этих целях направить копию заключения начальнику таможенного органа, в котором проводилась служебная проверка (подп. 9 п. 16 Инструкции ФТС России от 2 августа 2012 г.).

Для единообразного регулирования этого вопроса предлагается закрепить обязанность должностного лица, проводившего проверку, в пятидневный срок с момента утверждения заключения письменно уведомить государственного служащего об утверждении заключения проверки и о его праве на основании письменного заявления в пятидневный срок ознакомиться с заключением и иными материалами служебной проверки, получить копию заключения служебной проверки, если оно

* Инструкцией ФТС от 2 августа 2012 г. предусмотрена возможность временного изъятия служебных документов или имущества таможенного органа (подп. 7 п. 18; п. 19), обязанность члена комиссии при проведении проверки составлять справки об осмотре предметов (подп. 4 п. 17).

не содержит сведений, составляющих государственную тайну.

В случае если государственный служащий, в отношении которого проводилась служебная проверка, не согласен с выводами и (или) содержанием заключения (его части), он вправе изложить свое особое мнение (возражения) в письменной форме, которое приобщается к заключению служебной проверки.

Также следует представить позиции авторов по совершенствованию процедуры проведения проверки. Например, Л.В. Завгородняя в целях совершенствования административной процедуры проведения служебных проверок в системе государственной гражданской службы предлагает раскрыть структуру заключения о проведении служебных проверок, более четко обозначить стадии проведения служебной проверки [2, с. 48]. Следует обратить внимание автора на ч. 9 ст. 59 Федерального закона N 79-ФЗ, определяющую общее содержание заключения проверки, а также на то обстоятельство, что конкретизация положений указанной нормы осуществляется ведомственными нормативными правовыми актами о порядке проведения служебной проверки. Относительно «стадийности» проверки необходимо отметить следующее. В нашем понимании стадии являются конститутивными элементами административного производства, его процессуальной формы, служебная проверка состоит из этапов и действий.

К.А. Занин считает необходимым решить вопрос о доказательствах, которые должны быть собраны в ходе проверки [3, с. 421]. Д.М. Михалев предлагает определить перечень документов, составляемых в ходе и по результатам проведения служебной проверки [4, с. 145]. Н.А. Овчинников предлагает решить вопрос о возможности использования в ходе проверки технических средств [5, с. 54]. Полагаем, что виды доказательств и порядок их собирания зависят от вида и характера проступка, создание каких-либо «шаблонов» здесь невозможно. Более целесообразно в законодательстве о службе закрепить виды доказательств по делу о дисциплинарном проступке и общие требования к ним.

В заключение следует предложить унифицировать порядок проведения служебной проверки по фактам нарушения государственными служащими законности и дисциплины. В этих целях возможно издание Президентом Российской Федерации типового (примерного) положения, на основании которого административные ведомства (органы государства) издадут свои положения (инструкции), упорядочив тем самым процессуальные основы проведения служебной проверки.

Итоговые выводы и предложения

1. Служебная проверка выступает видом процессуальной деятельности по дисциплинарным делам государственных служащих, на основании ее заключения решается вопрос о виновности или невиновности государственного служащего в совершении дисциплинарного проступка. От уровня процессуальной регламентации института служебной проверки, полноты, качества и объективности ее проведения, правильности оформления материалов зависят дальнейшая судьба дела о дисциплинарном проступке государственного служащего, решение в установленном порядке вопроса о возможности наложения справедливого дисциплинарного взыскания, а также возможные перспективы оспаривания акта о наложении дисциплинарного взыскания.

2. Общий порядок назначения и проведения служебной проверки регулируется федеральными законами о видах государственной службы, конкретизируется ведомственными нормативными правовыми актами и при внешней схожести различается в различных государственных органах, что обусловлено рядом обстоятельств, в том числе и ведомственными интересами.

3. С учетом тождества элементов служебной проверки и аналогичными подходами в определении порядка ее проведения в системе государственной службы Российской Федерации представляется возможным единообразно урегулировать следующие вопросы (элементы):

- 1) цели и задачи служебной проверки;
- 2) порядок назначения, проведения, продления, приостановления служебной проверки;
- 3) сроки: а) назначения; б) проведения служебной проверки проверки (минималь-

ный и предельный); в) рассмотрения и разрешения отдельных ходатайств; г) утверждения заключения руководителем; д) ознакомления государственного служащего с заключением и материалами проверки;

4) права государственного служащего, в отношении которого проводится служебная проверка, на ознакомление с документами, ставшими основанием для проведения проверки, на ознакомление с заключением и материалами проверки, на получение копии заключения проверки.

Тем самым может быть обеспечено достижение баланса интересов как государственного служащего в части соблюдения гарантий его законных прав и защиты от необоснованного привлечения к дисциплинарной ответственности, так и государства в лице представителя нанимателя (соответствующего руководителя) — в целях поддержания правовыми средствами дисциплинарного принуждения служебной дисциплины и законности, воспитания государственных служащих.

Список литературы

1. Каплунов А.И. Развитие теории административного процесса как условие совершенствования нормативной основы административно-процессуальной деятельности // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12 (1-4). N 4. С. 490-497.
2. Завгородняя Л.В. Служебная проверка в механизме привлечения государственных гражданских служащих к дисциплинарной ответственности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. N 12 (31). С. 43-49.
3. Занин К.А. Некоторые процессуальные аспекты проведения служебной проверки в УИС как стадии привлечения к дисциплинарной ответственности // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф., Воронеж, 6-7 июня 2012 г. Воронеж: Научная книга, 2012. С. 415-423.
4. Михалев Д.М. О проведении служебной проверки как обязательной стадии дисциплинарного производства // Военное право. 2017. N 3 (43). С. 140-146.
5. Овчинников Н.А. Служебная проверка как способ обеспечения законности и дисциплины в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Административное и муниципальное право. 2011. N 2 (38). С. 52-56.

References

1. Kaplunov A.I. Development of the theory of administrative process as a condition for improving the regulatory framework of administrative procedural activity. Criminal executive law, 2017, vol. 12 (1-4), no. 4, pp. 490-497. (In Russ.).
2. Zavgorodnyaya L.V. Service check in the mechanism of bringing state civil servants to disciplinary responsibility. Science and Education: Economy and Economy; entrepreneurship; law and governance, 2012, no. 12 (31), pp. 43-49. (In Russ.).
3. Zanin K.A. Some procedural aspects of an official inspection in the penal system as a stage of bringing to disciplinary responsibility. Actual problems of the activity of the penal system divisions. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2012. Pp. 415-423. (In Russ.).
4. Mihalev D.M. On conducting an official audit as a mandatory stage of disciplinary proceedings. Military law, 2017, no. 3 (43), pp. 140-146. (In Russ.).
5. Ovchinnikov N.A. Service check as a way to ensure legality and discipline in the activities of employees of internal affairs bodies. Administrative and municipal law, 2011, no. 2 (38), pp. 52-56. (In Russ.).

Раздел 3. Уголовный закон

ПОПОВА Ю.П., кандидат юридических наук,
popova1976@yandex.ru
Кафедра уголовного права и процесса;
Тюменский государственный университет,
625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38

POPOVA Yu.P., Candidate of Legal Sciences,
popova1976@yandex.ru
Chair of criminal law and procedure;
Tyumen State University,
Lenina St. 38, Tyumen, 625000,
Russian Federation

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА: АНАЛИЗ ПОЗИЦИИ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается отграничение группового взяточничества от посредничества с использованием своего служебного положения, провокации взятки от незаконных действий сотрудников правоохранительных органов и другие вопросы, связанные с анализом положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. N 59. Особое внимание уделено толкованию моментов окончания взяточничества, совершаемого группой лиц, при получении взятки только одним должностным лицом; посредничества – при фактической передаче взятки должностному лицу либо получении ценностей самим посредником, а также провокации взяточничества с момента передачи хотя бы части предмета взятки. На основе положений Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» делается вывод об отсутствии отличия провокации взятки от незаконных действий сотрудников правоохранительных органов, склоняющих должностных лиц к принятию вознаграждения. Обосновывается возможность квалифицировать в ряде случаев «спонсорскую» помощь должностному лицу как легализацию имущества, полученного преступным путем.

Ключевые слова: групповое взяточничество; посредничество во взяточничестве; спонсорство; провокация взяточничества; коррупционное преступление.

Для цитирования: Попова Ю.П. Некоторые проблемные вопросы квалификации взяточничества: анализ позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 4 (54). С. 25-33.

SOME PROBLEMATIC ISSUES OF THE QUALIFICATION OF BRIBERY: ANALYSIS OF THE POSITION OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The author of the article analyzes the issues concerning the delimitation of group bribery from bribery intermediation by using one's official position, provocation of bribery from illegal actions of law enforcement officers, and other issues related to the analysis of the provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 24, 2019 No. 59. Particular attention is paid to the interpretation of the moments of the completion of bribery committed by a group of persons in case when the bribe is received by one official only; as for the bribery intermediation – in case of actual giving a bribe to an official or receiving something valuable by an intermediary himself, as well as provocation of bribery from the moment of transfer of at least some part of the bribe. Basing on the provisions of Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FL "On operational search activities", it is concluded that there is no difference between the provocation of a bribe and illegal actions of law enforcement officers persuading officials to accept remuneration. The possibility to qualify "sponsorship" assistance to an official as legalization of property obtained by crime is substantiated.

Keywords: group bribery; bribery intermediation; sponsorship; provocation of bribery; corruption crime.

For citation: Popova Yu.P. Some problematic issues of the qualification of bribery: analysis of the position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 4 (54). P. 25-33.

Одним из самых распространенных коррупционных преступлений является взяточничество. Правильная уголовно-правовая оценка данного противоправного деяния — важная задача для следственных и судебных органов, решение которой оказывает влияние на формирование в обществе доверия к правосудию и власти в целом. В связи с этим необходима согласованность законодательных норм с положениями постановлений, выражающими официальную позицию Верховного Суда Российской Федерации, для формирования единообразной судебной практики.

24 декабря 2019 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации принято постановление N 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 24 “О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях” и от 16 октября 2009 г. N 19 “О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий”»* (далее — Постановление N 59). Анализ разъяснений, данных высшей судебной инстанцией, позволяет выявить некоторые противоречия.

Например, в пункте 12 Постановления N 59 предлагается новая редакция пункта 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее — Постановление N 24)**. В ней отсутствует такой ранее обязательный признак группового должностного взяточничества, как «принятие каждым из членов группы части незаконного вознаграждения за совершение каждым из них действий по службе...». Для квалификации по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ достаточно (согласно существующей редакции постановления), чтобы взятку получило одно лицо, входящее в

группу должностных лиц. С этого момента преступление считается оконченным.

В случае признания совершения преступления группой лиц по предварительному сговору акцент делается на совершении каждым из них действий (бездействия) по службе в пользу передавшего такое вознаграждение лица или представляемых им лиц. Прочие признаки остались неизменными: участие двух и более должностных лиц, предварительная договоренность о совместном совершении преступления. Однако при этом нарушаются положения закона (ст. 29 УК РФ). Для признания преступления оконченным необходимо наличие всех признаков его состава.

Указанный недостаток Постановления N 59 является существенным, так как под взяточничеством понимается прежде всего получение вознаграждения. Выполнение в интересах взяткодателя каких-либо деяний по службе взяткополучателем — вторично (согласно смыслу закона). В.Н. Борков обоснованно полагает, что поведение чиновника, в котором заинтересован дающий, в структуре состава преступления образует обстановку совершения преступления [1, с. 7]. Должностное положение взяткополучателя только обуславливает взятку [2, с. 6]. В случае незаконности характера выполняемых деяний квалификация осуществляется самостоятельно. Подтверждением являются разъяснения пункта 22 Постановления N 24.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод об отсутствии единообразия применения закона и указаний высшей судебной инстанции. Например, приговором от 22 января 2019 г. по делу N 1-50/2019 действия подсудимой квалифицированы только по ст. 290 УК РФ (хотя в ходе судебного заседания злоупотребление должностными полномочиями, выразившееся в незаконной выдаче аттестата о среднем образовании, помимо незаконного получения денежных средств, установлено)***. В приговоре от 15 ноября 2018 г. по делу N 1-1003/2018 судьей вообще не была дана квалификация незакон-

* Рос. газ. 2019. N 296.

** О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 24; ред. от 24 дек. 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2013. N 9; Рос. газ. 2019. N 296.

*** Приговор N 1-50/2019 1-552/2018 от 22 янв. 2019 г. по делу N 1-50/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

ных действий подсудимого по предоставлению осужденным за вознаграждение мобильных телефонов в исправительных учреждениях*. Приговор от 26 декабря 2019 г. по делу N 1-906/2019 демонстрирует точное исполнение уголовного закона и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в части совокупности преступлений коррупционной направленности**.

Вряд ли можно считать правильной квалификацию деяния как получения группой лиц по предварительному сговору взятки, если предмет подкупа получило только одно должностное лицо. Вызывает сомнения и правильность предложенной высшей судебной инстанцией квалификации, если одно должностное лицо предварительно договорилось с другим должностным лицом о том, что вся сумма взятки останется у него, и второе должностное лицо с этим согласилось, выполнив действия в пользу взяткодателя или представляемых им лиц без получения от них какого-либо вознаграждения. В данном случае ответственность второго должностного лица должна возникать не по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ, а по ст. 285 УК РФ или другим специальным составам злоупотребления (если его деяния преступны), или ответственность отсутствует (если действия были правомерно совершены). Действия первого должностного лица следует квалифицировать по ст. 290 УК РФ без признака такой формы соучастия, как группа лиц.

В связи с этим возникает вопрос о разграничении посредничества во взяточничестве с использованием своего служебного положения и группового получения взятки. Отличительными признаками являются отсутствие или недоказанность получения незаконного вознаграждения в связи с использованием служебных обязанностей либо несовершение посредником действий или бездействия, входящих в его служебные полномочия, в интересах взяткодателя, а также отсутствие или недоказанность группового сговора. Являясь посредником, лицо использует свои лич-

ные или служебные связи либо авторитет занимаемой должности для того, чтобы передать взятку, договориться с взяткодателем или взяткополучателем об условиях ее передачи. И даже если часть передаваемой взятки оно берет себе в качестве «оплаты» незаконно совершенных посреднических услуг, но при этом не совершает действий по службе в пользу взяткодателя, то совершенное им соисполнительскими действиями по получению взятки в составе группы назвать нельзя. Аналогично необходимо расценивать случай с отсутствием имущественного вознаграждения за совершение действий по службе и использование «служебного знакомства».

Например, председатель комитета по управлению имуществом Д. согласился передать деньги С., занимавшему должность заместителя главы города по имуществу и правовым вопросам, курировавшему выделение земельных участков, по просьбе Н. в интересах Б., желавшего получить земельный участок под гостиницу. Доказательства, указывающие на то, что Д. еще до передачи взяткодателем первой части взятки договорился с С. о получении денежного вознаграждения за действия в пользу взяткодателя Б., в материалах дела отсутствуют. Кроме того, суду не представлены доказательства, подтверждающие факт получения Д. этих денег либо их части. В связи с этим из осуждения вышестоящим судом был исключен такой квалифицирующий признак, как получение взятки группой лиц по предварительному сговору. Д. был признан посредником***.

Требующим разрешения представляется также противоречие, выявленное в п. 10 Постановления N 59. В дополненном абзаце 3 п. 13.2 Постановления N 24 предлагается считать оконченным преступлением момент получения ценностей посредником, если по предварительной договоренности со взяткополучателем взятка, полученная от взяткодателя, остается у посредника. Считаем, что это прямое несоответствие закону, поскольку соглас-

* Приговор N 1-1003/2018 от 15 нояб. 2018 г. по делу N 1-1003/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

** Приговор N 1-906/2019 от 26 дек. 2019 г. по делу N 1-906/2019 // Там же.

*** Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу N 48-О12-65 от 9 авг. 2012 г. // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru>

но УК РФ именно с моментом получения должностным лицом хотя бы части взятки связано окончание корреспондирующих преступлений — получения и дачи взятки. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 5 Постановления N 59, излагая новую редакцию п. 10 Постановления N 24, поддерживает данную позицию закона. Соответственно, и действия посредника, как второстепенного лица, считаются оконченными с момента принятия должностным лицом хотя бы части взятки.

В связи с этим примененная в некоторых положениях постановления терминология, на наш взгляд, неверна. В частности, когда посредничество в виде непосредственной передачи взятки квалифицируется как оконченное преступление при условии ее фактической передачи (абз. 3 п. 13.2 Постановления N 24 в новой редакции). А если должностное лицо передумало и передаваемую ему взятку отказалось взять, то действия посредника образуют неоконченную преступную деятельность. В этом случае требуется ссылка на ч. 3 ст. 30 УК РФ.

В качестве подтверждения можно привести следующий пример. Врач-хирург В., используя свои связи и получив денежные средства, отправленные ему посредником дачи взятки через банкомат, совершил поступок, направленный на передачу взятки заведующему кафедрой за действия, выражающиеся в проставлении положительной отметки в зачетную книжку и зачетно-экзаменационную ведомость при сдаче экзамена. Тем самым он осуществил покушение на передачу взятки в значительном размере в сумме 30 000 рублей через знакомого, но не смог довести свой преступный умысел до конца по не зависящим от него обстоятельствам в связи с отказом экзаменатора получить взятку*. Таким образом, приговор свидетельствует о незавершенном умысле посредника. В связи с этим суд квалифицировал его деяния со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ.

Следующим моментом, на который необходимо обратить внимание, является исключение из п. 23 Постановления N 24

второго предложения (о возможности квалификации по ст. 285 или ст. 286 УК РФ незаконного принятия должностным лицом спонсорской помощи). Высшей судебной инстанцией вообще не предложено каких-либо вариантов уголовно-правовой оценки таких случаев. Полагаем, что это не способствует унифицированной правильной квалификации подобных деяний.

Приговором Верховного Суда Республики Башкортостан от 18 ноября 2015 г. по делу N 22-12683/2015 деяние гражданина М. переквалифицировано с пункта «в» ч. 5 ст. 290 на ч. 2 ст. 285 УК РФ. М., являющийся главой органа местного самоуправления, оказал содействие гражданину В. в получении земельного участка за денежное вознаграждение. Мотивы и цели на реализацию данного денежного вознаграждения у М. выразились в покупке трактора и лошади для нужд сельского поселения. Поскольку из полученного вознаграждения М. не извлек личную выгоду либо выгоду для родных или близких, то суд решил, что содеянное не может квалифицироваться как получение взятки. Действия данного должностного лица были квалифицированы как злоупотребление должностными полномочиями**.

Спонсорством или благотворительностью, на чем настаивал в суде в свое оправдание М., изложенное в приводимом примере назвать нельзя. В российском законодательстве регламентируются отдельные аспекты спонсорства. Согласно п. 9 ст. 3 Федерального закона от 13 марта 2006 г. N 38-ФЗ «О рекламе» спонсором является лицо, предоставившее средства либо обеспечившее предоставление средств для организации и (или) проведения спортивного, культурного или иного любого мероприятия, создания и (или) трансляции телепередачи или радиопередачи либо создания и (или) использования иного результата творческой деятельности***. Таким образом, спонсорство — это деятельность спонсора, предоставившего средства для определенного мероприятия.

** Приговор N 22-12683/2015 от 18 нояб. 2015 г. по делу N 22-12683/2015 // Там же.

*** О рекламе: федер. закон от 13 марта 2006 г. N 38-ФЗ: ред. от 13 июля 2020 г. // Рос. газ. 2006. 15 марта. N 51; 2020. 16 июля.

* Приговор N 1-1090/2017 1-36/2018 от 16 февр. 2018 г. по делу N 1-1090/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

Следовательно, нельзя признать спонсорством предоставление средств для покупки имущества.

Назвать рассматриваемое деяние благотворительностью также нельзя, поскольку оно не соответствует ее целям, исчерпывающий перечень которых законодательно закреплен. Согласно ст. 1 Федерального закона от 11 августа 1995 г. N 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» под благотворительностью понимается бескорыстная передача организациям денег*. В приводимом случае глава органа местного самоуправления за передачу денежных средств выделил земельный участок.

Квалификация по ст. 285 УК РФ, данная Верховным Судом Республики Башкортостан, по нашему мнению, неверна. В материалах дела не приведены доказательства, характеризующие поведение должностного лица как использование главой органа местного самоуправления своих полномочий вопреки интересам службы.

Согласно ч. 2 ст. 11 Земельного кодекса Российской Федерации органами местного самоуправления осуществляются управление и распоряжение земельными участками, находящимися в муниципальной собственности. В связи с этим М., предоставляя земельный участок В., осуществлял полномочия, которыми он был наделен законом. Преступный характер его действий обнаруживается в получении от В. незаконного вознаграждения, подрывающем авторитет органов власти. Кроме того, покупка и последующая передача трактора и лошади сельскому поселению, главой которого он являлся, обнаруживает цель сокрытия незаконно полученного им вознаграждения в форме придания правомерного вида распоряжению указанными денежными средствами.

Единственно верной в этом случае представляется следующая уголовно-правовая оценка: п. «в» ч. 5 ст. 290 и п. «б» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ. М. как глава органа местного самоуправления получил взятку в крупном размере в виде денег за со-

вершение действий в пользу взяткодателя. В силу своего должностного положения он способствовал получению В. земельного участка. Противоправность действий М. заключается в том, что должностное лицо не имеет права получать вознаграждение за действия по службе от физических и юридических лиц. Оно получает законное вознаграждение от государства в виде заработной платы.

Кроме того, получение взятки считается оконченным с момента принятия должностным лицом хотя бы части денежных средств вне зависимости от того, как оно ими распорядится. Впоследствии для сокрытия незаконно полученного вознаграждения М. приобрел для сельского поселения трактор и лошадь. Тем самым были легализованы денежные средства в крупном размере, приобретенные им как лицом, использующим свое служебное положение, в результате совершения преступления — получения взятки.

Целью легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем, является придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами**. Правомерность в рассматриваемом случае выразилась в покупке лошади и трактора для нужд сельского поселения. В материалах дела нет доказательств того, что лошадь и трактор были переданы в собственность поселения. А значит, правом владения, пользования и распоряжения М. продолжает обладать. Он предоставил лошадь и трактор только в пользование селу. Даже в случае передачи этого имущества в собственность поселения М. как его руководитель сможет распоряжаться им в силу своего должностного положения, а также, например, списать данное имущество и обратить его в свою собственность.

В связи с этим здесь необходим такой квалифицирующий признак, как использование своего служебного положения.

* О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): федер. закон от 11 авг. 1995 г. N 135-ФЗ: ред. от 31 июля 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3340; 2020. N 31 (ч. I). Ст. 5041.

** О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. N 32: ред. от 26 февр. 2019 г. // Рос. газ. 2015. 13 июля; 2019. 7 марта.

Помимо предложенной нами квалификации, глава сельского поселения может быть признан виновным в превышении своих должностных полномочий, если не имел права предоставления земельного участка, который по закону должен быть предоставлен главой муниципального района. В последнем случае наличие данного обстоятельства свидетельствует о необходимости указания в обвинительном приговоре и на такой квалифицирующий признак, как получение взятки за заведомо незаконные действия.

Таким образом, с точки зрения действующего законодательства является верной позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации об исключении из обязательной квалификации статьи 285 (286) УК РФ в отношении принятия «спонсорской» помощи должностным лицом. Единообразной судебной практики в данном случае быть не может.

Третьим моментом является проблема квалификации незаконных действий сотрудников оперативных служб, нарушающих требования ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»* (далее – Закон об ОРД). В анализируемом постановлении предлагается лишь ограничивать преступление, предусмотренное ст. 304 УК РФ, от таких незаконных действий. Здесь следует отметить, что и ученые всегда рассматривали соотношение данных противоправных деяний [3, с. 163; 4, с. 15; 5, с. 243].

В качестве отличительных признаков приводятся следующие аргументы. Провокация взятки имеет место, если, во-первых, не было предварительной договоренности с должностным лицом о его согласии принять предмет взятки [5, с. 241], во-вторых, данное лицо не совершало никаких действий, свидетельствующих о его согласии принять взятку, в-третьих, оно ранее прямо отказалось от получения незаконного вознаграждения.

С незаконными действиями, нарушающими ст. 5 Закона об ОРД, Пленум Вер-

* Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ: ред. от 2 авг. 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349; 2019. N 31. Ст. 4470.

ховного Суда Российской Федерации связывает передачу взятки с согласия либо по предложению должностного лица. Однако высшая судебная инстанция поясняет, что такое предложение или согласие взять ценности возможно в результате склонения этого лица при фактических данных, которые доказывают, что без влияния сотрудников оперативных служб умысел на их получение не возник бы.

Полагаем, что подобную ситуацию следует рассматривать как получение взятки без ведома должностного лица либо заведомо вопреки его желанию как условие провокационных действий. Если должностное лицо думает, что в отношении его возможна провокация со стороны сотрудников правоохранительных органов, то оно откажется от взятки. Этимология слова «ведомо» предполагает предварительное уведомление, согласие, разрешение. Следовательно, словосочетание «без ведома» означает, что должностное лицо, принимая взятку, направлялось сотрудниками правоохранительных органов, о чем не догадывалось.

Е.В. Фоменко правильно отмечает, что создание доказательств и шантаж как желаемые результаты провокационной деятельности придают ей определенную направленность [6, с. 79]. Фактически содержание поведения провокатора определяется тем, что он посредством активного воздействия на подозреваемое лицо подталкивает или направляет его деятельность на совершение конкретного преступления [7, с. 40].

Считаем, что отличие в уголовно-правовой оценке действий сотрудников правоохранительных органов, склоняющих к получению взятки, отсутствует. При этом уместен вопрос о цели оперативных служб, побуждающих должностное лицо совершить противоправные действия. Как представляется, цель – одна из тех, которые указаны в ст. 304 УК РФ. В связи с этим данное деяние должно быть расценено как провокация взятки. О схожести понятий провокации взятки и провокации как формы «незаконных действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» свидетельствует следующее.

В Законе об ОРД провокация рассматривается только как одно из возможных

незаконных деяний сотрудников правоохранительных органов, наряду с фальсификацией, разглашением сведений, составляющих семейную или личную тайну и т.д., исчерпывающий перечень которых представлен в ст. 5. Соответственно, разграничить ст. 304 УК РФ и ч. 4 ст. 303 или ч. 2 ст. 137, ч. 2 ст. 138 УК РФ несложно. Под провокацией как частным случаем незаконных действий в Законе об ОРД понимается «подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий». Сопоставление с дефиницией провокации взятки позволяет судить, что смысл ее также заключается в побуждении должностного лица совершить преступление.

При недоказанности целей провокации (шантажа или искусственного создания доказательств совершения преступления) незаконные действия сотрудников правоохранительных органов, заключающиеся в склонении должностного лица принять взятку, должны, по нашему мнению, расцениваться как подстрекательство к получению взятки — ч. 4 ст. 33 и ст. 290 УК РФ. Аналогичного мнения придерживаются и другие исследователи [8, с. 34].

О противоречивости выводов Пленума Верховного Суда Российской Федерации свидетельствует следующее положение постановления. Так, если Верховный Суд Российской Федерации считает, что при провокации принятие должностным лицом взятки указывает на отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), то уже при незаконных действиях сотрудников правоохранительных органов, нарушающих ст. 5 Закона об ОРД, принятие должностным лицом ценностей Пленум Верховного Суда Российской Федерации предлагает оценивать как отсутствие состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

По мнению В.В. Демидова, если попытка передачи взятки удалась, то принявшее ее должностное лицо подлежит ответственности за покушение на получение взятки (ч. 3 ст. 30 и ст. 290 УК РФ) [9, с. 191]. Полагаем, что сторонников этой позиции больше, чем противников, поскольку она соответствует основам теории уголовного права. Цель провокатора — получить фактические данные, которые

станут основой доказательств, уличающих «взякополучателя». Последний, не зная об этом, соглашается взять материальные ценности. Непосредственные действия по получению взятки должностное лицо выполнило, а преступный результат не наступил — лицо не обратило ее в свою собственность по не зависящим от него причинам.

В теории о стадиях совершения преступления данная квалификация расценивается как покушение на получение взятки. Кроме того, наше мнение подтверждается учением о субъективной стороне состава, поскольку мнимое совершенное преступление оценивается по правилам квалификации о фактической ошибке в действиях субъекта преступления. А значит, должностное лицо не должно избежать ответственности, будучи введенным в заблуждение противоправными действиями сотрудников оперативных органов. Уголовно-правовая характеристика его действий выражается в покушении на получение взятки. Данная точка зрения была аргументирована в юридической литературе и ранее [10, с. 322].

При этом еще больше увеличивает неопределенность Пленум Верховного Суда Российской Федерации, указывая в п. 10 новой редакции постановления на отсутствие значимости получения субъектом реальной возможности пользоваться или распоряжаться переданными ценностями по своему усмотрению. В связи с этим также считаем неверной позицию высшей судебной инстанции, которая предлагает считать оконченным деяние, если взятодателем помещает ценности в условленное с взякополучателем место. Полагаем, что это лишь покушение на получение взятки.

Кроме того, о непоследовательной позиции высшей судебной инстанции по рассматриваемому вопросу свидетельствует терминологическая неоднозначность. Так, согласно абзацу 2 п. 34 толкуемого постановления «указанные действия совершаются... когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступле-

ние не было бы совершено». Хотя уже в следующем абзаце анализируемого пункта говорится о том, что деяние должностного лица в этом случае не может быть признано уголовно наказуемым. При этом не ясно, о каком преступлении должностного лица идет речь. Е.В. Фоменко, отвечая на этот вопрос, предлагает уточнить диспозицию ст. 304 УК РФ [6, с. 83].

Еще одним доказательством непроработанности разъяснений по ст. 304 УК РФ является неудачная, по нашему мнению, редакция рассматриваемого постановления в части определения момента окончания этого преступления. В новой редакции абзац 2 п. 32 сформулирован следующим образом: «Преступление, предусмотренное статьей 304 УК РФ, является оконченным с момента передачи хотя бы части имущества либо начала оказания услуг имущественного характера».

Провокация взятки, хотя и близкое к взяточничеству преступление, но не корреспондирует ему. По этой причине понятие момента окончания получения и дачи взятки к данному преступлению неприменимо. В этом смысле предыдущая редакция положения Постановления о взяточничестве не противоречила разъяснениям самого Пленума: «Провокация... является оконченным преступлением с момента передачи имущества...»*. Более того, предложенная высшей судебной инстанцией редакция противоречит законодательной формулировке провокации взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспече-

ния государственных или муниципальных нужд, под которой понимается попытка передачи материальных благ. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 25 постановления от 10 февраля 2000 г. N 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» разъяснял, что оконченным данное преступление считается с момента попытки передачи материальных ценностей**.

Многие ученые, посвятившие свои труды вопросам уголовной ответственности за служебные преступления, никогда не дискутировали о полной или частичной передаче предмета взятки при ее провокации [11, с. 270; 12, с. 95; 13, с. 26]. Законодательная формулировка «без согласия должностного лица» свидетельствует об отсутствии предварительной договоренности последнего с субъектом преступления, в том числе и о размерах предмета должностного правонарушения.

Таким образом, проанализировав некоторые положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. N 59, можно сделать вывод о том, что легальное толкование, которое дает высшая судебная инстанция, содержательно противоречиво и иногда не соответствует действующему законодательству и теории уголовного права.

** О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февр. 2000 г. N 6: ред. от 22 мая 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». (Постановление утратило силу).

* См.: Постановление N 24.

Список литературы

1. Борков В.Н. Получение взятки за общее покровительство и попустительство по службе // Уголовное право. 2003. N 3. С. 7-9.
2. Комаров В.Б. Предмет взяточничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 24 с.
3. Сальникова Н.А. Оперативный эксперимент или провокация // Закон и право. 2019. N 6. С. 163-165.
4. Борков В. Провокация взятки или допустимость оперативного эксперимента // Уголовное право. 2004. N 1. С. 14-15.
5. Семин А.А. Провокация и инсценировка преступления: понятие, правовая оценка и отграничение от оперативно-розыскного мероприятия // Вестник Полоцкого госуниверситета. Сер.: Д. Экономические и юридические науки. Уголовное право и криминалистика. 2010. N 10. С. 239-244.
6. Фоменко Е.В. Юридический анализ признаков субъективной стороны состава преступления, связанного с подкупом, в контексте необходимости правильной квалификации наиболее опасных преступлений коррупционной направленности // Правовая культура. 2019. N 2. С. 71-84.
7. Дубоносов Е.С. Провокация взятки при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Известия Тульского госуниверситета. Экономические и юридические науки. 2016. N 3-2. С. 34-42.

8. Арутюнов А. Провокация преступления // Российский следователь. 2002. N 8. С. 33-34.
9. Преступления против правосудия: толкование уголовного закона; комментарии статей УК РФ; материалы судебной практики; статистика / под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2005. 416 с.
10. Новое уголовное право России. Особенная часть: учеб. пособие / Г.Н. Борзенков [и др.]; под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. 391 с.
11. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. 368 с.
12. Яни П.С. Провокация взятки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. N 1. С. 95-103.
13. Егорова Н. Провокация взятки либо коммерческого подкупа // Российская юстиция. 1997. N 8. С. 26-29.

References

1. Borkov V.N. Receiving a bribe for General patronage and connivance in the service. Criminal law, 2003, no. 3, pp. 7-9. (In Russ.).
2. Komarov V.B. Subject of bribery. Autoabstract Cand. Diss. Yekaterinburg, 2018. 24 p. (In Russ.).
3. Sal'nikova N.A. Operational experiment or provocation. Law and Right, 2019, no. 6, pp. 163-165. (In Russ.).
4. Borkov V. Provocation of a bribe or the permissibility of an operational experiment. Criminal law, 2004, no. 1, pp. 14-15. (In Russ.).
5. Semin A.A. Provocation and staging of a crime: the concept, legal assessment and differentiation from operational search activities. Bulletin of Polotsk state University. The D-Series. Economic and legal Sciences. Criminal law and criminalistics, 2010, no. 10, pp. 239-244. (In Russ.).
6. Fomenko E.V. Legal analysis of signs of the subjective side of the composition of the crime related to bribery, in the context of the need for proper qualification of the most dangerous corruption-related crimes. Legal culture, 2019, no. 2, pp. 71-84. (In Russ.).
7. Dubonosov E.S. Provocation of a bribe in the implementation of operational search activities. News of Tula state University. Economic and legal Sciences, 2016, no. 3-2, pp. 34-42. (In Russ.).
8. Arutyunov A. Provocation of a crime. Russian investigator, 2002, no. 8, pp. 33-34. (In Russ.).
9. Crimes against justice: interpretation of the criminal law; comments on articles of the criminal code of the Russian Federation; materials of judicial practice; statistics. Moscow, Norma Publ., 2005. 416 p. (In Russ.).
10. Borzenkov G.N. [i dr.]. New criminal law of Russia. Special part. Moscow, Zertsalo: TEIS Publ., 1996. 391 p. (In Russ.).
11. Volzhenkin B.V. Official crimes. Moscow, Yurist Publ., 2000. 368 p. (In Russ.).
12. Yani P.S. Provocation of a bribe. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2007, no. 1, pp. 95-103. (In Russ.).
13. Egorova N. Provocation of a bribe or commercial bribery. The Russian justice, 1997, no. 8, pp. 26-29. (In Russ.).

ТУЛИГЛОВИЧ М.А., кандидат юридических наук, доцент, tu-m-an@yandex.ru Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия, 680014, г. Хабаровск, Восточное шоссе, 49	TULIGLOVICH M.A., Candidate of Legal Sciences, associate professor, tu-m-an@yandex.ru Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice, East Highway 49, Khabarovsk, 680014, Russian Federation
---	---

ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. Пожизненное лишение свободы является самой строгой из действующих мер государственного принуждения, применяемых к лицу, совершившему преступление. Автор статьи, используя методологию интегративного правопонимания, отвечает на вопрос о целях государства при реализации пожизненного лишения свободы, анализирует не только законодательство и практику его применения, но и сформировавшиеся в теории уголовного права доктринальные подходы к решению данной проблемы. Обосновывается, что прогнозирование эффективности предупредительного воздействия наказания и исправительного эффекта возможно лишь по истечении продолжительного периода времени, когда накопится достаточно сведений для всестороннего анализа уровня рецидива среди лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, в частности по результатам исследования института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Вместе с тем карательный потенциал, заложенный в рассматриваемом наказании, позволяет ему выступать эффективным средством в предупредительных и профилактических мероприятиях, осуществляемых правоохранительными органами.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы; цели наказания; восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение преступлений; карательный потенциал.

Для цитирования: Тулиглович М.А. Цели наказания через призму пожизненного лишения свободы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 4 (54). С. 34-43.

PURPOSES OF PUNISHMENT THROUGH THE PRISM OF LIFE IMPRISONMENT

Annotation. Life imprisonment is the most severe action of the existing measures of state coercion applied to a person who has committed a crime. Using the methodology of integrative legal thinking, the author of the article answers the question about the goals of the state when sentencing people to life imprisonment, analyzes not only the legislation and the practice of its application, but also the approaches to solving this problem developed in the theory of criminal law. It is substantiated that predicting the effectiveness of the preventive effect of punishment is possible only after a long period of time, when enough information has been accumulated for a comprehensive analysis of the level of recidivism among the persons sentenced to life imprisonment, in particular, according to the results of the study of the practice of release on parole. At the same time, the punitive potential inherent in the analyzed form of punishment allows it to be an effective means in preventive measures carried out by law enforcement agencies.

Keywords: life imprisonment; purposes of punishment; restoration of social justice; correction of the convicted person; crime prevention; punitive potential.

For citation: Tuliglovich M.A. Purposes of punishment through the prism of life imprisonment // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 4 (54). P. 34-43.

Общие подходы к проблеме целей наказания для пожизненного лишения свободы

Применительно к уголовному наказанию характеристика целеполагания представляется исключительно нужным и важным действием. Через результат, на

достижение которого направлена любая мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, можно с достаточной долей вероятности не только определить общий вектор уголовной политики, степень реализации стоящих перед ней задач, но и выявить реальные

возможности, а также эффективность уголовного наказания. В свое время Н.С. Таганцев отмечал: «...нельзя наказывать ради наказания. Зло, причиняемое преступнику, лишения, которым его подвергает государство, затраты государства на устройство дорогостоящих тюрем, на все отправления уголовного правосудия, должны быть оправданы только той действительной или предполагаемой пользой, которую государство ожидает от наказания» [1, с. 79].

Законодательная регламентация целей, стоящих перед уголовным наказанием (ч. 2 ст. 43 УК РФ), проектируется на всю его систему. Данный подход получил широкую поддержку как среди теоретиков (В.С. Комиссаров [2, с. 297], Е.Л. Кирихина [3, с. 59], О.В. Захарихина [4, с. 38] и др.), так и среди представителей правоохранительных органов. Это особенно ярко проявляется при изучении приговоров по осуждению лиц к пожизненному лишению свободы. Например, «...необходимо назначить наказание только в виде пожизненного лишения свободы. Такое наказание будет отвечать целям восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений»*.

Применяя самую строгую из действующих в настоящий момент мер принуждения, государство стремится достичь конкретных результатов. Однако возникает вопрос о том, достигаются ли при этом общие цели, поставленные перед наказанием, или, как отмечается в литературе, указанный вид наказания, обладая спецификой, преследует свои конкретные цели. О сложности разрешения этого вопроса свидетельствует, в частности, отсутствие консенсуса по различным аспектам этой проблемы – от количества целей, стоящих перед пожизненным лишением свободы, до их эффективности и достижимости.

И.Я. Фойницкий, рассуждая о целях наказания и их достижимости, указывает: «ни одна карательная мера в ее исключительном применении не может достигать всех тех разнообразных целей, к которым

стремится институт наказания» [5, с. 69]. Этот теоретический посыл был воспринят и современными теоретиками. Например, М.С. Рыбак, исследуя проблемы смертной казни и ее взаимосвязи с пожизненным лишением свободы, отмечает, что «оно объективно не решает и не может решать тех целей, которые стоят перед наказанием» [6, с. 73].

Принимая во внимание строгость этого вида наказания, обусловленную ответной реакцией государства на гибель людей, преступления, посягающие на половую неприкосновенность малолетних, здоровье населения и общественную нравственность, нарушение общественной безопасности, перед ним должны стоять такие цели, которые будут отражать не только тяжесть преступления, но и исключительную общественную опасность лица, его совершившего. Рассмотрим цели, стоящие перед наказанием, через призму пожизненного лишения свободы.

Восстановление социальной справедливости

Первой целью, стоящей перед наказанием, законодательно определено восстановление социальной справедливости. Указание на нее в качестве ключевой цели наказания выступает новым для российского уголовного законодательства подходом.

Применительно к пожизненному лишению свободы возможность восстановления социальной справедливости рассматривается в уголовно-правовой науке неоднозначно. Представляется, что проблема здесь отчасти семантическая. Ученые по-разному определяют сущность и содержание восстановления социальной справедливости. Очевидно, что ответ на вопрос о восстановлении социальной справедливости при пожизненном лишении свободы и ее достижимости прямо пропорционален объему того, что вкладывается исследователем в понятие этой цели уголовного наказания. Учитывая отсутствие законодательной интерпретации и инвариантность научных подходов к данной проблеме, проанализируем реализацию цели «восстановление социальной справедливости» применительно к пожизненному лишению свободы на нескольких уровнях. За основу взята многоуровневая система реализации

* См.: приговор Иркутского областного суда от 18 апр. 2014 г. по делу N 2-69/2014 // Иркутский областной суд: официальный сайт. URL: <https://obsud-irk.sudrf.ru>

социальной справедливости в обществе [7, с. 127-128].

Первый уровень включает в себя требования к восстановлению социальной справедливости, предъявляемые обществом с позиции ожидания адекватных мер от государства в ответ на факты совершения преступления. Еще Н.С. Таганцев писал, что государство должно заботиться о том, чтобы преступник, проявивший особенно опасные для общества привычки, склонность к рецидиву и т.д., был поставлен, по крайней мере, на известное время, в такие условия, чтобы он не мог вредить обществу, чтобы общество имело основание предполагать, что он почувствует значение совершенного им [1, с. 121].

Ключевым фактором в обеспечении восстановления социальной справедливости в рамках этого уровня служит соразмерность наказания преступлению. Чем более тяжкое преступление совершается, чем выше характер и степень его опасности, тем суровее, по мнению общества, должно быть назначенное наказание. На данном уровне восстановление социальной справедливости приобретает характер возмездия [8, с. 109]. Именно поэтому большей частью общества достаточно адекватно оценивается соответствие характера и степени общественной опасности преступления и наказания, предусматривающего самую строгую на сегодня его разновидность – пожизненное лишение свободы.

Второй уровень определяет предъявляемые государством требования к восстановлению социальной справедливости, которые находят отражение в санкциях, предусмотренных уголовным законом за совершение конкретных преступлений.

Именно санкция обеспечивает корреляционное соответствие предполагаемого наказания общественной опасности преступления. Генезис пожизненного лишения свободы в санкциях статей Особенной части УК РФ свидетельствует, что уже при их конструировании закладываются необходимые пропорции соотношения характера, степени общественной опасности деяния и соответствующий карательный потенциал наказания, а через него – предпосылки для восстановления социальной справедливости. Подтверждением этому служит трансформация рассматриваемого

вида наказания из альтернативного (применительно к смертной казни) к самостоятельному виду наказания, а также значительное расширение количества статей, санкции которых предусматривают пожизненное лишение свободы.

Третий уровень отражает требования к восстановлению социальной справедливости, подлежащие учету со стороны суда при назначении наказания. «Всякое наказание должно быть справедливо, применяясь только к виновному и соответствуя как объективной тяжести посягательства, так и субъективной виновности», – отмечает И.Я. Фойницкий [5, с. 68-69]. При определении достижения цели восстановления социальной справедливости суду необходимо учитывать соответствие характера и степени общественной опасности деяния личности виновного и обстоятельствам совершения преступления (ст.ст. 6, 60 УК РФ). При этом следует принимать во внимание, что назначение наказания с учетом принципа справедливости, согласно указанию Верховного Суда Российской Федерации, выступает только одним из элементов достижения рассматриваемой цели*. В судебных приговорах это положение формулируется следующим образом: «...суд считает, что, несмотря на наличие у З. смягчающих наказание обстоятельств, применение по пунктам “а”, “ж”, “з” части 2 статьи 105 УК наказания в виде изоляции от общества на определенный срок не будет соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, то есть не будет отвечать принципам справедливости»**.

Следовательно, только вынесение справедливого судебного решения может способствовать восстановлению социальной справедливости.

* Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. N 58 (ред. от 18 декабря 2018 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». (См.: Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2016. N 2; Рос. газ. 2018. 26 дек.).

** См.: Приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 21 окт. 2015 г. по делу N 2-5/2015 // Верховный Суд Республики Татарстан: официальный сайт. URL: <https://vs--tat.sudrf.ru>

Четвертый уровень предполагает учет интересов потерпевшего.

Восстановление социальной справедливости применительно к потерпевшим, а ими по делам данной категории могут выступать не только физические лица, но и государство (например, в случаях совершения преступлений против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности), происходит при соблюдении определенных условий. Причем в зависимости от совершаемого преступления, личности виновного их количество может отличаться. Итак, справедливость восстанавливается, с одной стороны, за счет назначения справедливого наказания виновному. По данным исследования, проведенного С.Б. Карамашевым, 98 % потерпевших связывают восстановление справедливости с фактом применения справедливого наказания [9, с. 57].

С другой стороны, потерпевший желает возмещения причиненного ему материального и морального вреда. Здесь необходимо уточнение. Уголовное право не восстанавливает нарушенные права и не возмещает материальный вред, в отличие, например, от гражданского права. Однако если гражданский иск разрешается в рамках уголовного судопроизводства, считаем, что это можно признать в качестве одного из условий восстановления социальной справедливости, поскольку вред был причинен непосредственно преступлением. Кроме того, если суд, разрешая уголовное дело, не может принять решение по материальному возмещению вреда, то в приговоре об этом содержится прямое указание*. Учитывая, что потерпевшим может выступать государство, «компенсационный» характер социальной справедливости тоже может быть реализован за счет поступления изъятых, конфискованных при исполнении пожизненного лишения свободы у осужденных материальных ценностей и денежных средств, которые, в соответствии с законом, поступают в доход государства.

* Приговор Верховного Суда Республики Тыва от 30 нояб. 2010 г. по делу N 2-32/2010 // Верховный Суд Республики Тыва: официальный сайт. URL: <https://vs--tva.sudrf.ru>

Еще одним условием выступает принятие во внимание мнения потерпевшего при изменении наказания, особенно при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы. В этом проявляется убедительное подтверждение стремления государства достичь восстановления социальной справедливости**. Вместе с тем следует помнить о необходимости соблюдения баланса прав осужденных и лиц, пострадавших от преступлений. В связи с этим при рассмотрении ходатайств об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания мнение потерпевшего учитывается в совокупности с другими обстоятельствами***.

Пятый уровень определяет учет законных интересов осужденного. Здесь необходимо учитывать, что, восстанавливая социальную справедливость, государство не должно нарушать права виновных на справедливое наказание. Именно поэтому содержание данного уровня характеризуется соответствующими взаимоотношениями между лицом, совершившим преступление, и государством.

Таким образом, восстановление социальной справедливости как цель наказания – сложное и многоаспектное явление. Его отражение на различных уровнях социального взаимодействия предполагает учет общественных, государственных и личных интересов в соответствующем балансе и пропорциях. И пожизненное лишение свободы выступает тем наказанием, в котором этот баланс наиболее достижим.

** Пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. N 8 (ред. от 17.11.2015) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания». (См.: Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2009. N 7; Рос. газ. 2015. 30 нояб.).

*** См.: По делу о проверке конституционности части второй.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 марта 2014 г. N 5-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 13. Ст. 1526.

Исправление осужденного

Особенности пожизненного лишения свободы, проявляющиеся в бессрочном характере назначаемого наказания, исключительной опасности личности осужденного, обуславливают необходимость анализа отдельных аспектов исправления применительно к данному наказанию.

Процесс формирования социально полезных качеств человеческого общежития у осужденных к пожизненному лишению свободы и, соответственно, достижение цели исправления неоднозначно оцениваются как представителями теории уголовного права, так и сотрудниками правоохранительных органов. Комплексный анализ исследований, в которых прямо или косвенно освещается данная проблема, свидетельствует о наличии двух направлений, в рамках которых ведутся дискуссии относительно целесообразности постановки перед пожизненным лишением свободы цели исправления осужденного.

Представители первого направления убеждены, что указанная цель есть заблуждение относительно ее истинных возможностей (В.И. Зубкова [10, с. 78]), неприемлема для нашей современной уголовно-правовой политики (А.В. Минин [11, с. 201]), не достигается (В.Ф. Ширяев [12, с. 310], В.И. Андреева [13, с. 107]) или практически недостижима (Н.В. Желоков [14, с. 70], Ю.Е. Мазурина [15, с. 79]).

Однако высказываются и более сдержанные суждения. Например, А.П. Детков полагает, что «исправительная цель пожизненного лишения свободы в целом не может отвергаться, однако о ее реальном достижении говорить пока не имеет смысла» [2, с. 41].

Можно выделить несколько причин неоднозначной оценки в теории. Во-первых, неопределенность срока лишения свободы лишает смысла весь исправительный потенциал данного наказания. Из основных средств исправления, установленных законом, как констатирует Ю.Е. Мазурина, в полном объеме используется только режим, другие средства исправления применяются достаточно ограниченно или не используются вообще [15, с. 73-75]. Например, правом дистанционного обучения в высших учебных заведениях пользуется не так много осужденных — 42 че-

ловека (2 % осужденных к пожизненному заключению) [17].

Во-вторых, отсутствуют четкие критерии оценки наступления желаемого результата, поэтому о достижении рассматриваемой цели можно говорить лишь предположительно.

В-третьих, цель исправления отсутствует в качестве материального основания условно-досрочного освобождения от наказания лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы (ч. 5 ст. 79 УК РФ).

В-четвертых, наличие повышенных характера и степени общественной опасности преступления, исключительная общественная опасность лиц, осуждаемых к данному виду наказания. Согласно результатам опроса, проведенного В.Ф. Цепелевым и Е.Н. Казаковой среди работников судов, сотрудников исправительных учреждений, исполняющих данный вид наказания, о возможности исправления этой категории осужденных положительно высказались только 8 % опрошенных [18, с. 258].

По состоянию на 1 июля 2020 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы России отбывали наказание в виде пожизненного лишения свободы 1999 заключенных 23 % отбывают наказание второй раз*. Примерно 42 % осуждены в третий раз и более [17]. Эти сведения и дают отдельным исследователям основание для выводов о труднодостижимости цели исправления.

В связи с этим представители второй группы, рассуждая об исправлении лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, отмечают возможность его достижения с учетом особого механизма реализации исправительной функции, в который входят исключительно специфические по содержанию средства и формы воздействия на указанных лиц, взвешенное соотношение мер убеждения и принуждения, применение средств педагогического характера [19, с. 21]. При этом особое внимание уделяется вопросам достижения цели исправления через призму условно-досрочного освобождения от от-

* См.: Уголовно-исполнительная система России: краткая характеристика по состоянию на 1 июля 2020 г. // ФСИН России: официальный сайт. URL: <http://www.fsin.gov.ru>

бывания наказания, поскольку именно наличие возможных перспектив условно-досрочного освобождения от отбывания рассматриваемого вида наказания должно придавать значительный импульс соответствующим государственным органам в реализации комплекса мер, направленных на исправление лиц данной категории, нейтрализацию их исключительной общественной опасности.

Свою систему исправления осужденных рассматриваемой категории предложила Е.Л. Кирюхина, представившая четыре группы аргументов, основанных на анализе уголовно-исполнительного законодательства [3, с. 58].

Учитывая ежегодный рост количества осужденных к пожизненному лишению свободы в среднем на 70 человек, введение моратория на смертную казнь, представляется справедливым замечание Б.З. Маликова о том, что «расширять практику применения этого вида наказания нецелесообразно, если иметь в виду, что процесс исполнения этого вида изоляции не предполагает реализацию цели исправления осужденного» [20, с. 78].

Предупреждение совершения новых преступлений

Исправление осужденного имеет значение и для реализации другой важной цели наказания — предупреждения совершения новых преступлений.

Выступая сегодня самым строгим из применяемых наказаний, характеризуясь высоким устрашающим потенциалом, пожизненное лишение свободы отвечает цели общего предупреждения преступлений. Дополнительным фактором, оказывающим влияние на достижение обозначенной цели, служит и практика его назначения (неотвратимость наказания в случаях, когда исправление лица невозможно без пожизненной изоляции от общества).

И если для достижения стоящих перед нами целей анализ вопросов общей превенции представляется относительно посильной задачей, то исследование специальной превенции при пожизненном лишении свободы вызывает определенные сложности.

Проблема заключается в том, что прогнозирование эффективности его предупредительного воздействия и исправительного эффекта возможно лишь по истечении продолжительного периода времени, когда накопится достаточно сведений для всестороннего анализа уровня рецидива лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, в частности по результатам исследования института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

В теории достижение этой цели должно обеспечиваться не только особым режимом отбывания наказания осужденных к пожизненному лишению свободы, но и условиями исполнения наказания в сочетании с его индивидуализацией. Этому могут способствовать и отдельные уголовно-правовые средства, в частности положение, запрещающее условно-досрочное освобождение при совершении тяжких и особо тяжких преступлений в период отбывания данного вида наказания (ч. 5 ст. 79 УК РФ). Перспектива отбывать наказание до конца жизни без права ходатайствовать о досрочном освобождении выступает внушительным сдерживающим фактором, обеспечивающим специальную превенцию. Впрочем, следует констатировать, что даже самый строгий контроль за поведением осужденных к пожизненному лишению свободы не исключает совершения ими новых преступлений.

Не представляется возможным в полной мере согласиться с В.Ф. Ширяевым, который указывает, что преступник должен находиться пожизненно в местах лишения свободы не для устрашения других и не для воздаяния или восстановления социальной справедливости, а в первую очередь для обезвреживания и исключения его дальнейшей опасности для общества [12, с. 310]. Проведенное исследование показало, что подавляющее большинство лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, совершили квалифицированные убийства (см. табл. 1). Кроме того, обстоятельства совершенных преступлений свидетельствуют об исключительной опасности таких лиц для общества.

Таблица 1

**Удельный вес лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы
за совершение квалифицированного убийства (2003–2019 гг.)***

Год	Количество лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы за совершение квалифицированного убийства	Удельный вес лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы за совершение квалифицированного убийства, %
2003	91	97,85
2004	85	95,51
2005	59	92,19
2006	45	100,00
2007	60	88,24
2008	66	98,51
2009	63	86,30
2010	60	90,91
2011	59	92,19
2012	52	78,79
2013	57	85,07
2014	55	80,88
2015	50	81,97
2016	72	76,60
2017	57	87,69
2018	52	76,47
2019	35	70

* См.: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2007 годы и 2008-2019 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

В связи с этим уместен вопрос о степени эффективности данного вида наказания в системе предупреждения преступлений. Анализ литературных источников свидетельствует, что с учетом складывающейся в стране криминогенной ситуации исследователи прогнозировали рост числа осужденных к пожизненному лишению свободы ежегодно на 250-300 человек. По данным В.Н. Андреевой, к пожизненному лишению свободы будет осуждаться ежегодно 500-800 человек. Расчет проводился из общего количества регистрируемых убийств (30 тысяч), в том числе 10 тысяч убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. При этом, по ее мнению, пожизненное лишение свободы будет применяться к 5-10 % лиц, совершивших такие убийства [13, с. 105].

Однако статистические данные не подтверждают эту тенденцию. Их анализ

показывает, что число лиц, осуждаемых ежегодно в Российской Федерации к пожизненному лишению свободы, колеблется в среднем от 64 до 70 человек (см. табл. 2). И если тенденция снижения количества осужденных к реальному лишению свободы на определенный срок прослеживается достаточно четко, то ситуация с пожизненным лишением свободы в целом стабильна, не демонстрируя ни положительной, ни отрицательной динамики за исключением резких скачков в 2003 году (93 чел.), в 2004 году (89 чел.) и в 2016 г. (94 чел.). Можно высказать предположение о том, что рост числа осужденных в эти периоды связан, в частности, с изменениями в уголовном законодательстве, направленными на увеличение количества составов, санкции которых предусматривают пожизненное лишение свободы.

Таблица 2

**Соотношение количества лиц, осужденных к лишению свободы
на определенный срок и пожизненному лишению свободы (2003–2019 гг.)***

Год	Количество лиц, осужденных к лишению свободы на определенный срок	Количество лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы	Удельный вес лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, %
2003	252 041	93	0,04
2004	257 284	89	0,03
2005	306 841	64	0,02
2006	312 473	45	0,01
2007	301 428	68	0,02
2008	312 137	67	0,02
2009	289 202	73	0,03
2010	265 843	66	0,02
2011	227 050	64	0,03
2012	206 254	66	0,03
2013	209 728	67	0,03
2014	209 447	68	0,03
2015	211 425	61	0,03
2016	206 372	94	0,05
2017	200 225	65	0,03
2018	190 325	68	0,04
2019	175 122	50	0,02

* См.: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003-2007 годы и 2008-2019 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

Таким образом, учитывая достаточно стабильные (без резких скачков и тенденции к росту) ежегодные показатели количества лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, можно сделать вывод, что общая превенция играет в этом процессе определенную роль. В сознании обывателей (лиц с конформистским поведением), а также тех, кто склонен к маргинальному поведению, страх применения уголовного наказания выступает основным сдерживающим противоправное поведение фактором. И чем суровее наказание, чем более оно неотвратимо, тем выше профилактический эффект среди данной группы населения. В связи с этим «устрашающий» потенциал пожизненного лишения свободы как наиболее сурового вида в действующей системе наказаний в рамках

общей и специальной превенции представляется наиболее значительным (весомым). Данный вывод подтверждается и результатами исследования, проведенного Ю.Е. Мазуриной. Больше половины опрошенных осужденных к пожизненному лишению свободы (53,8 %) перспективы пожизненного заключения пугали, 46,2 % респондентов не считали, что им удастся избежать наказания [15, с. 79].

На основании представленных данных можно заключить, что карательный потенциал, заложенный в уголовном наказании, в частности в пожизненном лишении свободы, позволяет ему выступать эффективным средством в предупредительных и профилактических мероприятиях, осуществляемых правоохранительными органами.

Список литературы

1. Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть). Т. 2. По изданию 1902 года. М., 2003. 446 с.
2. Комиссаров В.С. Глава 17. Понятие и цели наказания // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012.
3. Кирюхина Е.Л. Реализация целей уголовного наказания применительно к пожизненному лишению свободы // Российский следователь. 2006. N 11. С. 58-59.
4. Захарихина О.В. Исполнение наказания в виде пожизненного лишения свободы в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2005. 208 с.
5. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. 514 с.
6. Рыбак М.С. Эволюция системы уголовного наказания в России // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. N 6 (58). С. 70-79.
7. Филимонов О.В. Глава 15. Понятие и цели наказания. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. М.: Юстицинформ, 2009. С. 127-128.
8. Флетчер Д., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. 511 с.
9. Карамашев С.Б. Восстановление справедливости как цель головного наказания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Красноярск, 2004. 200 с.
10. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М., 2002. 296 с.
11. Минин А.В. О социальной справедливости как цели уголовного наказания // Власть: Криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 199-203.
12. Ширяев В.Ф. Цели лишения свободы на длительный срок // Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: нормотворчество, правоприменение, правосознание. Вологда, 2002.
13. Андреева В.Н. Смертная казнь и пожизненное лишение свободы как ее альтернатива: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2002. 186 с.
14. Желоков Н.В. Пожизненное лишение свободы в системе наказаний УК РФ и его назначение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2007. 197 с.
15. Мазурина Ю.Е. Уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы и его объект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2010. 207 с.
16. Детков А.П. Пожизненное лишение свободы: уголовно-правовые и уголовно-исправительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Томск, 1996. 181 с.
17. Шашков А. Каждый восьмой пожизненно осужденный уже имеет право на УДО (интервью с начальником Управления исполнения приговоров и специального учета ФСИН России генерал-майором внутренней службы Игорем Вединяпиным (27.04.2018) // Информационное агентство России «ТАСС»: официальный сайт. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 27 окт. 2020 г.).
18. Цепелев В.Ф., Казакова Е.Н. Международные стандарты в области прав человека и их реализация в процессе назначения и исполнения пожизненного лишения свободы в России // Российский криминологический взгляд. 2008. N 3. С. 249-260.
19. Шамис А.В. Пожизненное лишение свободы как комплексная правовая, нравственная и психолого-педагогическая проблема // Проблемы острова помилованных убийц. Вологда, 1996.
20. Маликов Б.З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2004. 482 с.

References

1. Tagantsev N.S. Criminal law (General part). Volume 2. According to the 1902 edition. Moscow, 2003. 446 p. (In Russ.).
2. Komissarov V.S. Chapter 17. Concept and objectives of punishment. Criminal law of the Russian Federation. General part. Moscow, Statute Publ., 2012. (In Russ.).
3. Kiryukhina E.L. Implementation of the goals of criminal punishment in relation to life imprisonment Russian investigator, 2006, no. 11, pp. 58-59. (In Russ.).
4. Zakharikhina O.V. Execution of punishment in the form of life imprisonment in Russia. Cand. Diss. Moscow, 2005. 208 p. (In Russ.).
5. Foinitsky I.Ya. The Doctrine of punishment in connection with prison studies. St. Petersburg, 1889. 514 p. (In Russ.).
6. Rybak M.S. Evolution of the criminal punishment system in Russia. Bulletin of the Saratov state Academy of law, 2007, no. 6 (58), pp. 70-79. (In Russ.).
7. Filimonov O.V. Chapter 15. Concept and goals of punishment. Criminal law of Russia. General part. Moscow, Yustitsinform, Publ., 2009. Pp. 127-128. (In Russ.).
8. Fletcher D., Naumov A.V. Basic concepts of modern criminal law. Moscow, 1998. 511 p. (In Russ.).
9. Karamashev S.B. Restoration of justice as the goal of head punishment. Cand. Diss. Krasnoyarsk, 2004. 200 p. (In Russ.).

10. Zubkova V.I. Criminal punishment and its social role: theory and practice. Moscow, 2002. 296 p. (In Russ.).
11. Minin A.V. On social justice as the goal of criminal punishment. Power: Criminological and legal problems. Moscow, 2000. Pp. 199-203. (In Russ.).
12. Shiryayev V.F. Goals of long-term imprisonment. Long-term and life-long Imprisonment: rule-making, law enforcement, legal awareness. Vologda, 2002. (In Russ.).
13. Andreeva V.N. Death penalty and life imprisonment as its alternative. Cand. Diss. Krasnodar, 2002. 186 p. (In Russ.).
14. Zhelokov N.V. Life imprisonment in the penal system of the Criminal Code of the Russian Federation and its purpose. Cand. Diss. Saratov, 2007. 197 p. (In Russ.).
15. Mazurina Yu. E. Criminal punishment in the form of life imprisonment and its object. Cand. Diss. Ryazan, 2010. 207 p. (In Russ.).
16. Detkov A.P. Life imprisonment: criminal-legal and criminal-correctional aspects. Cand. Diss. Tomsk, 1996. 181 p. (In Russ.).
17. Shashkov A. Every eighth life-sentenced person already has the right to parole (interview with the head of the Department of Execution of Sentences and Special Registration of the Federal Penitentiary Service of Russia, Major General of the Internal Service Igor Vedinyapin (04.27.2018). Russian Information Agency "TASS": official website. Available at: <https://tass.ru> (Accessed October 27, 2020). (In Russ.).
18. Tsepelev V.F., Kazakova E.N. International human rights standards and their implementation in the process of appointing and enforcing life imprisonment in Russia. Russian criminological view, 2008, no. 3, pp. 249-260. (In Russ.).
19. Shamis A.V. Life imprisonment as a complex legal, moral, psychological and pedagogical problem. Problems of the island of pardoned murderers. Vologda, 1996. (In Russ.).
20. Malikov B.Z. Theoretical problems of the essence and content of deprivation of liberty and their expression in the criminal and criminal Executive legislation of Russia. Doct. Diss. Ryazan, 2004. 482 p. (In Russ.).

КОРНЕЕВ С.А., KORNEEV S.A.,
kornei_lam@mail.ru kornei_lam@mail.ru
Факультет подготовки Faculty of scientific
научно-педагогических кадров; and pedagogical staff training;
Академия права и управления Academy of Law and Management
Федеральной службы of the Federal Penitentiary Service
исполнения наказаний, of the Russian Federation,
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1 Sennaya St. 1, Ryazan, 390000,
Russian Federation

СУБСИДИАРНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА И ИХ СООТНОШЕНИЕ С ДРУГИМИ ФОРМАМИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы определения сущности уголовной ответственности и форм ее реализации. Констатируется, что данный вопрос до сих пор остается открытым в науке уголовного права. В соответствии с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации формами реализации уголовной ответственности выступают наказание и иные меры уголовно-правового характера, однако в юридической литературе указанный перечень представлен иначе. Новизна работы обусловлена рассмотрением лишений и ограничений, которые испытывает лицо в рамках освобождения от наказания, как субсидиарных мер уголовно-правового характера. Автором статьи обосновывается сделанный по результатам исследования вывод о наличии трех самостоятельных форм реализации уголовной ответственности – наказания, субсидиарных мер уголовно-правового характера и судимости.

Ключевые слова: уголовная ответственность; реализация уголовной ответственности; наказание; субсидиарные меры уголовно-правового характера; судимость.

Для цитирования: Корнеев С.А. Субсидиарные меры уголовно-правового характера и их соотношение с другими формами реализации уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 4 (54). С. 44-51.

SUBSIDIARY MEASURES OF CRIMINAL LAW NATURE AND THEIR CORRELATION WITH OTHER FORMS OF IMPLEMENTING CRIMINAL LIABILITY

Annotation. The article is devoted to the study of the problem of determining the essence of criminal liability and the forms of its implementation. It is stated that this issue still remains unsolved in criminal law. According to the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, the forms of implementing criminal liability are punishment and other measures of criminal law nature, however, this list is presented differently in the scientific literature. The novelty of the research is determined by analyzing the deprivations and restrictions that a person experiences within the process of release from punishment as subsidiary measures of criminal law nature. The author of the article substantiates the conclusion, based on the results of the study, that there are three independent forms of implementing criminal liability – punishment, subsidiary measures of criminal law nature and a criminal record.

Keywords: criminal liability; implementation of criminal liability; punishment; subsidiary measures of criminal law nature; criminal record.

For citation: Korneev S.A. Subsidiary measures of criminal law nature and their correlation with other forms of implementing criminal liability // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 4 (54). P. 44-51.

Уголовная ответственность является емкой категорией уголовно-правового воздействия, к содержанию которой относятся как наказание, так и отличные от него меры государственного принуждения, применяемые в отношении лица,

признанного виновным в совершении преступления. Первое упоминание о данном юридическом феномене относится к 1885 году (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года, разд. II). Позднее он нашел свое отражение в нор-

мах Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года (ст. 5, примечания 1 и 2 к ст. 14). Однако ни один из обозначенных источников уголовного законодательства не раскрывал сущностные признаки уголовной ответственности, не указывал основания ее наступления и т.д.

Впервые в истории уголовного права в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года было определено основание уголовной ответственности: уголовной ответственности и наказанию подлежит лицо, признанное виновным в совершении преступления (ст. 3)*, и это окончательно решило вопрос о недопустимости ее отождествления с наказанием.

В настоящее время, ввиду отсутствия нормативной дефиниции уголовной ответственности, в доктрине уголовного права продолжается дискуссия относительно вопросов определения понятия, сущности, целей и форм реализации рассматриваемого явления.

В теории уголовного права нет и единого или превалирующего мнения относительно определения сущности уголовной ответственности. Например, отдельные исследователи склонны полагать, что она сводится к уголовному наказанию (Эстрин А.Я., 1935); к уголовному правоотношению между государством и лицом, совершившим преступление (Огурцов Н.А., 1979); к обязанности лица, совершившего преступление, дать отчет в содеянном перед государством и подвергнуться неблагоприятным уголовно-правовым последствиям (Галкин М.В., 1983); к сложному институту, регламентированному уголовным законом и источниками иных отраслей российской системы права и состоящему из четырех компонентов, который включает материальный уголовно-правовой компонент: обязанность дать отчет в содеянном перед государством в лице уполномоченных органов; уголовно-процессуальный компонент: отрицательная оценка совершенного деяния и порицание лица, его совершившего, выраженные в обвинительном приговоре суда; матери-

альный уголовно-правовой и уголовно-исполнительный компонент: назначенная виновному мера уголовно-правового воздействия; материальный уголовно-правовой и уголовно-исполнительный компонент: судимость как специфическое правовое последствие осуждения с отбыванием наказания (Рарог А.И., 1997); к мере государственного принуждения, применяемой в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления (Наумов А.В., 1973).

В рассмотренных концепциях, определяющих сущность уголовной ответственности, есть свое обоснованное и аргументированное видение, однако, не вдаваясь в широкую дискуссию по опровержению того или иного доктринального подхода, отметим, что следует согласиться с мнением авторов, определяющих сущность уголовной ответственности в качестве меры государственного принуждения, применяемой в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления. Как представляется, это суждение в наибольшей степени соответствует развитию отечественного уголовного законодательства в части государственного принуждения, которое применяется к лицу, совершившему преступление. В то же время необходимо исключить отождествление понятия «наказание» как меры государственного принуждения, назначаемой по приговору суда (ст. 43 УК РФ), и понятия «уголовная ответственность»: во-первых, последняя является более емкой категорией — в соответствии с уголовным законом освобождение лица от наказания не подразумевает освобождение от уголовной ответственности (главы 11 и 12 УК РФ); во-вторых, уголовная ответственность возникает раньше реализации наказания — в момент установления правового статуса лица, совершившего преступление (подозреваемый, обвиняемый), и прекращается позже — после погашения либо снятия судимости; в-третьих, в уголовном законе предусмотрены иные меры уголовно-правового воздействия, применяемые исключительно в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, и реализуемые за рамками уголовного наказания. Соответственно, наказание и уголовная ответственность соотносятся друг с другом как часть и целое.

* Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: утв. Законом СССР от 25 дек. 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. N 1. Ст. 6.

Таким образом, уголовная ответственность — это мера государственного принуждения, применяемая в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления. В теории уголовного права неоднозначно решается вопрос относительно определения мер, представляющих собой материальное выражение уголовной ответственности, в рамках которых указанное лицо испытывает лишения и ограничения.

Для осуществления задач, стоящих перед уголовным законом, нормы последнего за совершение преступлений определяют меру ответственности в виде наказания и иных мер уголовно-правового характера (ч. 2 ст. 2, ст. 6, ч. 2 ст. 7 УК РФ). Из этого следует, что с определенной долей условности указанные институты являются обособленными формами реализации уголовной ответственности, однако в доктрине уголовного права представлен более широкий подход к решению заявленного вопроса.

Например, по мнению некоторых исследователей, к самостоятельным формам реализации уголовной ответственности, кроме наказания и иных мер уголовно-правового характера, необходимо относить судимость [1, с. 34]; условное осуждение и отсрочку отбывания наказания [2, с. 62]; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и принудительные меры воспитательного воздействия [3, с. 31, 45]; принудительные меры медицинского характера, применяемые к ограниченно вменяемым лицам [4, с. 6]; замену неотбытой части уголовного наказания (более мягким или более строгим) [5, с. 120]; меры уголовно-процессуального [6, с. 14], уголовного и уголовно-исполнительного принуждения [7, с. 104].

Обобщая мнения авторов юридической литературы, к формам реализации уголовной ответственности следует относить все меры государственного принуждения, предусмотренные как УК РФ, так и источниками иных отраслей российской системы права и применяемые к лицу, совершившему преступление.

Наказание и иные меры уголовно-правового характера

Концепция законодательства и точка зрения отдельных исследователей о

наказании как самостоятельной, преобладающей форме реализации уголовной ответственности являются справедливыми. Однако сложно согласиться с отнесением иных мер уголовно-правового характера к материальному выражению уголовной ответственности.

Иными мерами уголовно-правового характера в соответствии с законодательством являются принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества и судебный штраф, то есть меры, отличающиеся друг от друга по основанию их применения, целевому назначению, социально-правовой природе и т.д.

Следует поддержать точку зрения исследователей, относящих к институту иных мер уголовно-правового характера только принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия [8, с. 17; 9, с. 13]. Лицо, страдающее психическим расстройством, как и несовершеннолетний в силу социальной незрелости, не в состоянии подвергнуться мерам уголовной ответственности за свои объективно опасные для общества поступки, осознать общественную опасность совершаемого деяния, отдавать отчет своим действиям, понимать суть происходящего и применяемого к нему наказания и в связи с этим не является субъектом преступления.

Указанные институты находятся в иной плоскости, имеют отличные от уголовной ответственности основания применения, цели и социально-правовую сущность, но в то же время, как и уголовная ответственность, они назначаются лицам за совершение деяний, запрещенных уголовным законом; предусмотрены уголовным законом (в исключительных случаях — в УК РФ и в нормах иных отраслей российской системы права).

Не вдаваясь в дискуссию относительно определения социально-правовой природы «иных» мер уголовно-правового характера, отметим, что конфискация имущества:

— по сути, представляет собой уголовное наказание, однако таковым, согласно законодательству, не является (ст. 44 УК РФ);

— ввиду принудительного безвозмездного изъятия и обращения в соб-

ственность государства на основании обвинительного приговора имущества и (или) доходов от этого имущества (на которые возникло право собственности), полученного в результате совершения определенного нормой уголовного закона преступления (ст. 104.1 УК РФ), представляет собой карательную форму реализации уголовной ответственности;

— не является иной мерой уголовно-правового характера, так как, во-первых, основание ее применения — совершение преступления; во-вторых, применяется в отношении лица, которое способно нести уголовную ответственность; в-третьих, применяется с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений, а не с целью лечения либо улучшения психического состояния лица.

Идентичной конфискации имущества является «иная» мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, который:

— по сути, представляет собой уголовное наказание, однако таковым с позиции законодательства не является (ст. 44 УК РФ);

— является карательной формой реализации уголовной ответственности, так как, во-первых, не предусматривает рассрочку уплаты суммы по решению суда; во-вторых, в случае его неуплаты лицо привлекается к уголовной ответственности, причем уплаченная сумма не является основанием какого-либо зачета при применении другой меры уголовно-правового воздействия;

— не относится к иным мерам уголовно-правового характера, так как, во-первых, основанием его применения является совершение преступления; во-вторых, применяется в отношении лица, которое способно нести уголовную ответственность; в-третьих, применяется с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений.

Таким образом, конфискация имущества и судебный штраф — меры уголовно-правового характера, реализуемые в рамках уголовной ответственности исключительно в отношении лица, совер-

шившего преступление. Соответственно, нецелесообразно относить к форме реализации уголовной ответственности иные меры уголовно-правового характера, в объем которых включаются принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия.

Уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные меры государственного принуждения

Установление правового статуса (подозреваемый, обвиняемый) подразумевает претерпевание лицом, совершившим преступление, лишений и ограничений уголовно-процессуального характера, срок действия которых засчитывается в срок назначенного судом наказания (ч. 3 ст. 72 УК РФ). По справедливому убеждению некоторых исследователей, процессуальные меры принуждения являются материальным выражением уголовной ответственности лишь при условии вступления в силу обвинительного приговора суда [см., например: 10, с. 247]. В иной ситуации (в случае вынесения оправдательного приговора) уголовная ответственность не реализуется, следовательно, лишения и ограничения, испытываемые лицом на стадии предварительного расследования, не включаются в ее объем.

Процедура уголовного преследования направлена на установление истины по конкретному уголовному делу и сопровождается возложением определенных лишений и правоограничений. Таким образом, процессуальные меры принуждения не предполагают достижение целей по восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденного и превенции совершения новых преступлений, не определяют соразмерность, например, меры пресечения и тяжести преступления, в котором подозревается или обвиняется лицо, а выполняют функцию сопроводительных мер. Уголовно-исполнительные меры государственного принуждения также не имеют самостоятельного юридического характера.

Как верно отмечает М.В. Бавсун, объединение в рамках одного института конкретных, предусмотренных различными отраслями права мер воздействия на лицо, совершившее преступление, каж-

дая из которых при этом преследует свои собственные цели и решает поставленные перед ней задачи, приводит к постоянным разногласиям, причем разногласиям, имеющим базовый, методологический характер [11, с. 77].

Следовательно, меры уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного принуждения непосредственно входят в содержание уголовной ответственности, выполняют функцию некой компенсации, восстановления справедливости, однако самостоятельными формами ее реализации не являются.

Условное осуждение

Необходимо полагать, что условное осуждение, исходя из свойственных ему сущностных признаков, не может быть представлено в качестве отдельного вида наказания и освобождения от него или в качестве новой, самостоятельной формы реализации уголовной ответственности. По сути, назначенное судом наказание не меняется, меняется лишь форма его исполнения. Следовательно, условное осуждение – это специфическая форма исполнения (реализации) определенных нормой уголовного закона наказаний: исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет (ст. 73 УК РФ).

Таким образом, условное осуждение не может быть представлено в качестве обособленной формы реализации уголовной ответственности, поскольку имеет глубоко процедурное значение, заключающееся в специфической форме исполнения назначенного судом наказания.

Виды освобождения от отбывания наказания

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) – это виды освобождения от наказания, обстоятельство, юридический факт, с которым нормы уголовного закона связывают прекращение назначенного судом наказания, фактически сводящееся к существенному снижению интенсивности реализации правоограничительных мер уголовно-правового воздействия. По этой причине их не

следует рассматривать в качестве самостоятельных форм реализации уголовной ответственности.

Судимость

Представляется справедливой точка зрения авторов юридической литературы в части отнесения судимости к самостоятельной форме реализации уголовной ответственности. Лицо, признанное виновным в совершении преступления и отбывшее определенный судом срок меры уголовно-правового воздействия, испытывает лишения и ограничения, но уже в рамках института судимости. Согласно справедливому замечанию некоторых исследователей судимость представляет собой факт осуждения лица, его правовое состояние, а ее содержание составляют предусмотренные федеральным законодательством ограничения общеправового, уголовно-правового и уголовно-исполнительного характера [12, с. 11]. Таким образом, судимость следует рассматривать в качестве обособленной формы реализации уголовной ответственности.

Наказание и судимость – это самостоятельные формы реализации уголовной ответственности [13, с. 73]. Кроме указанных институтов в уголовном законе предусмотрены иные лишения и ограничения, не входящие в объем рассматриваемых категорий, но применяемые в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, и реализуемые в процессе освобождения последнего от отбывания наказания.

В соответствии с уголовным законом в отношении лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, суд возлагает исполнение определенных обязанностей, перечень которых не является исчерпывающим и может быть дополнен на основании предложения контролирующего органа исходя, например, из развернутой характеристики осужденного, обстоятельств совершения преступления, общественной опасности содеянного и т.д.: не менять постоянное место жительства, место работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании

или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации (ст. 79 УК РФ) и др.

Осуществление контроля (надзора) за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных судом запретов и ограничений, является обязанностью полиции (п. 26 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»)*. В процессе реализации своих полномочий сотрудники органов внутренних дел систематически осуществляют контроль за выполнением поднадзорным лицом установленных судом обязанностей; беспрепятственно проникают в его жилое помещение; запрашивают необходимую информацию и материалы о данном лице; проверяют законность пребывания (следования) на железнодорожном, водном и воздушном транспорте и др.**

Необходимо отметить, что при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания срок погашения судимости исчисляется исходя из фактически отбытого срока наказания с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказаний (ч. 4 ст. 86 УК РФ).

Таким образом, лишения и ограничения, испытываемые лицом в результате применения условно-досрочного освобождения, не относятся ни к наказанию, ни к судимости. В связи с этим они представляют собой часть уголовно-правовой категории, которая является самостоятельной формой реализации уголовной ответственности.

Применяя норму об отсрочке отбывания наказания в отношении беременной женщины, женщины, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчины, имеющего ребенка в возрасте до четыр-

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

** Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федер. закон от 6 апр. 2011 г. N 64-ФЗ // Там же. 2011. N 15. Ст. 2037; Порядок осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: утв. приказом МВД России от 8 июля 2011 г. N 818 // Рос. газ. 2011. 26 авг. N 189.

надцати лет и являющегося единственным родителем, суд вменяет в обязанность лиц указанных категорий воспитание ребенка до достижения им четырнадцатилетнего возраста (ст. 82 УК РФ). Это существенным образом отличается от ответственности родителей за воспитание и развитие своих детей, регламентированной нормами семейного законодательства (ч. 1 ст. 63 СК РФ).

В целях контроля и надзора за соблюдением указанными лицами условий отсрочки отбывания наказания сотрудники уголовно-исполнительной инспекции ФСИН России:

– систематически посещают осужденных лиц по месту жительства с целью проверки материально-бытовых условий проживания и выявления фактов уклонения от воспитания ребенка и ухода за ним;

– информируют о результатах органы опеки и попечительства, социальной защиты населения, организации, в которых работают данные лица;

– проводят иные мероприятия, связанные с осуществлением контроля за поведением осужденных лиц, образом их жизни и отношением к воспитанию ребенка, уходом за ним и др.***

При отсрочке отбывания наказания лицом, признанным больным наркоманией, суд возлагает на него обязанность в виде прохождения курса лечения от наркомании, а также медицинской и социальной реабилитации (ст. 82.1 УК РФ).

В целях контроля и надзора за соблюдением указанной категорией лиц условий отсрочки отбывания наказания сотрудники уголовно-исполнительной инспекции ФСИН России:

– посещают осужденного по месту жительства, работы и (или) учебы с целью контроля за его поведением, выявления фактов уклонения от прохождения курса лечения от наркомании, а также медицинской либо социальной реабилитации;

– запрашивают необходимую информацию в органах МВД России; в медицинской организации; в организации, осу-

*** Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: утв. приказом Минюста России от 20 мая 2009 г. N 142 // Там же. 2009. 14 авг. N 151.

ществляющей социальную реабилитацию больных наркоманией;

— вызывают для проведения бесед различного характера и др.*

Необходимо отметить, что по общему правилу лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым (ч. 2 ст. 86 УК РФ). Таким образом, применение отсрочки отбывания наказания не порождает судимости, а лишения и ограничения, испытываемые лицом, обособлены как от наказания, так и от судимости.

Рассмотренные случаи свидетельствуют о том, что в рамках освобождения от отбывания наказания осужденное лицо претерпевает лишения и ограничения, которые:

— так же, как наказание и судимость, предусмотрены уголовным законом, являются уголовно-правовыми мерами государственного принуждения;

— как наказание и судимость, применяются к лицу, признанному виновным в совершении преступления, то есть реализуются в процессе уголовной ответственности;

— как наказание и судимость, направлены на восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и превенцию совершения новых преступлений;

— обособлены от института наказания, поскольку применяются к лицу в

рамках освобождения от отбывания наказания;

— обособлены от института судимости, поскольку их применение либо не порождает судимости, либо предшествует лишениям и ограничениям в рамках судимости;

— имеют дополнительный характер лишений и ограничений.

Следовательно, рассматриваемые меры государственного принуждения, применяемые в процессе освобождения от отбывания наказания, носят самостоятельный, обособленный от наказания и судимости характер, но в то же время реализуются в рамках уголовной ответственности. Считаем, что данный объем лишений и ограничений необходимо объединить в общую юридическую, уголовно-правовую категорию, представляющую собой самостоятельную форму реализации уголовной ответственности.

В уголовно-правовой литературе широко используется слово «субсидиарный», определяющее дополнительный, вспомогательный характер ответственности [14, с. 77; 15, с. 7; 16, с. 133]. Это позволяет утверждать, что лишения и ограничения, испытываемые лицом в рамках освобождения от наказания, — это субсидиарные меры уголовно-правового характера, которые являются самостоятельной формой реализации уголовной ответственности.

Подводя итог, следует отметить, что уголовная ответственность — это мера государственного принуждения, применяемая в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, и реализуемая посредством наказания, субсидиарных мер уголовно-правового характера и судимости.

* Порядок осуществления контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания осужденными, признанными в установленном порядке больными наркоманией: утв. приказом Минюста России и Минздрава России от 7 июля 2015 г. N 169/425н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Список литературы

1. Фильченко А.П. Реализация уголовной ответственности: проблемы отраслевого и межотраслевого согласования / рассогласования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2014. 44 с.
2. Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1990. 176 с.
3. Якушин В.А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия: монография. Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2018. 337 с.
4. Ведмидь С.Э. Проблемы реализации уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 17 с.
5. Шеслер А.В. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации // Вестник Владимирского юридического института. 2018. N 3. С. 116-121.

6. Чистяков А.А. Теоретические и методологические проблемы учения об уголовной ответственности и механизме, формирующем ее основание: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2003. 56 с.
7. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. Минск: Высшая школа, 1976. 384 с.
8. Скрипченко Н.Ю. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. N 2. С. 16-21.
9. Павлова А.А. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.
10. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: БЕК, 1996. 560 с.
11. Бавсун М.В. Уголовная ответственность как юридическая фикция // Российское правосудие. 2017. N 5. С. 68-78.
12. Зинин Г.Ю. Судимость как последствие уголовно-правового осуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 23 с.
13. Лапшин В.Ф., Корнеев С.А. Формы реализации уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2019. N 4. С. 68-76.
14. Кругликов Л.Л. О видах дифференциации наказуемости «по вертикали» и некоторых вопросах ответственности за противоправные деяния // Евразийский юридический журнал. 2009. N 9. С. 77-84.
15. Кругликов Л.Л. Становление учения об уголовно-правовой охране прав и свобод пациента // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2015. N 4. С. 3-11.
16. Шеслер А.В. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации об уголовных наказаниях // Вестник Кузбасского института. 2015. N 3. С. 129-135.

References

1. Fil'chenko A.P. Implementation of criminal liability: problems of sectoral and cross-sectoral coordination / mismatch. Autoabstract Doct. Diss. Ryazan', 2014. 44 p. (In Russ.).
2. Pohmelkin V.V. Social justice and criminal responsibility. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University Press, 1990. 176 p. (In Russ.).
3. Yakushin V.A. Punishment and other measures of criminal law. Togliatti, 2018. 337 p. (In Russ.).
4. Vedmid' S.E. Problems of the implementation of criminal liability. Autoabstract Cand. Diss. Krasnoyarsk, 2004. 17 p. (In Russ.).
5. Shesler A.V. Criminal liability: concept and forms of implementation. Bulletin of the Vladimir Institute of Law, 2018, no. 3, pp. 116-121. (In Russ.).
6. Chistyakov A.A. Theoretical and methodological problems of the doctrine of criminal responsibility and the mechanism that forms its basis. Autoabstract Doct. Diss. Ryazan, 2003. 56 p. (In Russ.).
7. Bagriy-Shahmatov L.V. Criminal liability and punishment. Minsk, Vysshaya shkola Publ., 1976. 384 p. (In Russ.).
8. Skripchenko N.Yu. The concept and types of other measures of a criminal-legal nature. Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction, 2011, no. 2, pp. 16-21. (In Russ.).
9. Pavlova A.A. Other measures of a criminal-legal nature as an institution of criminal law. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2011. 27 p. (In Russ.).
10. Naumov A.V. Russian criminal law. A common part. Moscow, BEK Publ., 1996. 560 p. (In Russ.).
11. Bavsun M.V. Criminal liability as a legal fiction. Russian justice, 2017, no. 5, pp. 68-78. (In Russ.).
12. Zinin G.Yu. Conviction as a consequence of criminal conviction. Autoabstract Cand. Diss. Ryazan, 2014. 23 p. (In Russ.).
13. Lapshin V.F., Korneev S.A. Forms of implementation of criminal liability. Bulletin of the Kuzbass Institute, 2019, no. 4, pp. 68-76. (In Russ.).
14. Kruglikov L.L. On the types of differentiation of punishability "along the vertical" and some issues of responsibility for unlawful acts. Eurasian legal journal, 2009, no. 9, pp. 77-84. (In Russ.).
15. Kruglikov L.L. Formation of the doctrine of criminal legal protection of the rights and freedoms of the patient. Actual problems of criminal law at the present stage (issues of differentiation of responsibility and legislative technique), 2015, no. 4, pp. 3-11. (In Russ.).
16. Shesler A.V. The concept of criminal law policy of the Russian Federation on criminal penalties. Bulletin of the Kuzbass Institute, 2015, no. 3, pp. 129-135. (In Russ.).

Раздел 4. Криминологическая наука

МАЙОРОВ А.В., кандидат юридических наук, доцент, AB_Majorov@mail.ru Кафедра прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности; Челябинский государственный университет, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129	MAYOROV A.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, AB_Majorov@mail.ru Chair of prosecutorial supervision and organization of law enforcement activities; Chelyabinsk State University, Brothers Kashirinyh St. 129, Chelyabinsk, 454001, Russian Federation
--	--

ЧАСТНАЯ МЕТОДИКА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ*

Аннотация. В статье представлена частная методика прогнозирования и моделирования виктимологической ситуации, обозначена область ее возможного применения в науке и правоохранительной практике. Основываясь на научных познаниях в области криминологии и виктимологии, автор приходит к выводу о том, что виктимологическое прогнозирование — это систематическое получение информации о состоянии виктимизации в обществе в будущем с учетом анализа виктимологической обстановки (ситуации) прошлого и настоящего посредством метода моделирования. Основное внимание уделено построению и анализу модели виктимологической ситуации, раскрытию взаимодействия ее основных элементов в условиях реализации виктимологического противодействия преступности и снижения уровня виктимизации в обществе. В заключении сформулирован вывод относительно возможного использования представленной частной методики прогнозирования и моделирования виктимологической ситуации.

Ключевые слова: методика виктимологического прогнозирования; виктимологическое моделирование; виктимологическое прогнозирование; виктимологическая ситуация; криминология.

Для цитирования: Майоров А.В. Частная методика прогнозирования и моделирования виктимологической ситуации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 4 (54). С. 52-58.

PRIVATE METHODOLOGY FOR PREDICTING AND MODELING THE VICTIMOLOGICAL SITUATION**

Annotation. Private methodology for predicting and modeling the victimological situation is presented in the article. The scope of its possible application in science and law enforcement practice is identified. Using scientific knowledge in the field of criminology and victimology, the author of the article comes to the conclusion that victimological forecasting is the systematic receiving the information about the state of victimization in society in the future, taking into account the analysis of the victimological situation of the past and present by using the modeling method. Particular attention is paid to developing and analyzing the model of the victimological situation. The author also reveals the interaction of its main elements in the context of the implementation of victimological counteraction to crime and reducing the victimization rates. As the result of the research, the conclusion concerning the possible use of the presented private methodology for predicting and modeling the victimological situation is formulated.

Keywords: methods of victimological forecasting; victimological modeling; victimological forecasting; victimological situation; criminology.

For citation: Mayorov A.V. Private methodology for predicting and modeling the victimological situation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 4 (54). P. 52-58.

* Статья подготовлена при поддержке фонда перспективных научных исследований Челябинского государственного университета.

** The article was prepared with the support of the Foundation for Advanced Scientific Research of Chelyabinsk State University.

Введение. Такой метод, как прогнозирование, присущ многим наукам. «Прогнозирование — это процесс, в результате которого мы получаем вероятностные данные о будущем состоянии прогнозируемых событий и объектов» [1, с. 114]. Следует отметить, что в современной криминологии сформулирована устойчивая методика изучения преступности и ее прогнозирования. В различные периоды формирования науки методике криминологического прогнозирования посвящены научные исследования Г.А. Аванесова [2], Т.В. Варчук [3], М.П. Клейменова [4], А.В. Миллера [5], С.Г. Олькова [6], А.В. Петровского [7], Ю.В. Солопанова [8], Э.Г. Юзихановой [9] и других исследователей.

Научное криминологическое прогнозирование вытекает из современного состояния криминальных явлений, изучение характеристик которых позволяет проследить их изменения в будущем и предположить то, что объективно следует из развития изучаемых явлений, основываясь на анализе прошлого и настоящего. В литературе справедливо отмечается, что «криминологическое прогнозирование является процессом познания будущего состояния преступности и влияющих на ее изменения факторов. Криминологический прогноз — научно обоснованное вероятностное суждение о будущем состоянии явления (уровень, структура преступности, ее детерминанты и возможности противодействия ей), включающее качественную и количественную оценку предполагаемых изменений» [10, с. 123].

Однако, как представляется, при криминологическом прогнозе необходимо изучать и учитывать характеристики не только преступности как основного объекта при таком прогнозировании, но и изменения виктимизации в обществе, характеризующиеся своими явлениями и процессами.

Методология исследования. Наибольшее распространение в современной прогностической практике получил *метод экстраполяции*, сущность которого состоит в изучении истории прогнозируемого объекта и перенесении закономерностей его развития в прошлом и настоящем на будущее. Прогнозы преступности, основанные на линейной экстраполяции, важны

лишь как первоначальный ориентир, позволяющий обнаружить неблагоприятные тенденции и продолжить их дальнейшее изучение и анализ с помощью других методов.

Одним из таких методов является *метод моделирования*, который состоит в создании упрощенного образа прогнозируемого криминологического объекта, отражающего его существенные свойства и стороны. Данный метод позволяет абстрагироваться от несущественных свойств прогнозируемого явления и сосредоточить внимание на наиболее важных сторонах изучаемого объекта. Метод моделирования, используемый при криминологическом прогнозировании, вполне приемлем и для настоящего исследования.

Кроме того, при прогнозировании в криминологии активно применяется *метод экспертных оценок*, который заключается в обобщении мнений специалистов, базирующихся на их профессиональном мастерстве, интуиции, научном и практическом опыте в области борьбы с преступностью. Ценность этого метода состоит в том, что высококвалифицированный специалист, высказывая свое суждение о прогнозируемом явлении или событии, использует не только «официальные данные», но и свои опыт и интуицию. Следует отметить, что в нашей стране есть ряд ученых-виктимологов, которые могли бы выступить в качестве таких экспертов при составлении виктимологического прогноза. Анализ научных публикаций ведущих ученых-виктимологов позволяет, по нашему мнению, представить модель развития виктимологической ситуации и описать ее элементы.

Как справедливо отмечает Э.Г. Юзиханова, «на сегодняшний день в криминологической науке имеется довольно много методов прогнозирования: экстраполяция, моделирование, экспертные и интуитивные методы». При этом качество прогноза, по мнению автора, «...зависит не только от методов, применяемых для целей прогнозирования, но и во многом определяется объектом исследования и надежностью первичной информации» [9, с. 149].

В качестве первичной информации в настоящем исследовании использованы опубликованные статистические данные о состоянии преступности на территории

Российской Федерации за период с 2013 по 2019 год. Анализ полученных данных был представлен автором настоящей статьи в ранее опубликованных научных трудах. Результаты полученных данных стали основой для построения модели виктимологической ситуации и выработки частной методики прогнозирования.

Описание исследования. Исследования в области криминологической (криминальной) виктимологии позволяют говорить о том, что «отдельные российские специалисты обращают внимание на необходимость теоретической разработки вопросов виктимологического прогнозирования, необходимого не только для прогнозирования последствий от преступности в виде общего количества жертв, но и для сугубо правоприменительных целей...» [11, с. 20].

Основываясь на научных познаниях в области криминологии и виктимологии, можно утверждать, в частности, что виктимологическим прогнозированием необходимо признать систематическое получение информации о будущем состоянии виктимизации в обществе с учетом анализа виктимологической обстановки прошлого и настоящего посредством научных методов и процедур. При этом виктимологическая обстановка включает в себя такие элементы, как состояние преступности (количественные и качественные характеристики) и виктимогенная ситуация, а также виктимогенный потенциал (прогнозирование группы риска и типичные реакции потерпевших на совершенные преступления) и способы реагирования государства и общества на преступные проявления.

Однако следует отметить, что «степень объективности такого прогноза зависит от ряда обстоятельств: качества и достоверности полученной информации, используемой при прогнозировании; методов обработки полученной информации; глубины анализа полученных результатов и сроков прогнозирования». При этом «основной задачей виктимологического прогнозирования будет являться не только получение статистически представленного по объему и информационному содержанию материала, основанного не на простой фиксации ряда виктимологически значимых признаков» [12, с. 17], но

и на выявлении упорядочивающих связей между ними, с последующей организацией программно-профилактических мероприятий в целях снижения уровня виктимности отдельных граждан и устранения факторов виктимизации общества. С этой целью при проведении виктимологического прогнозирования необходимо использовать комплекс различных методов, позволяющих решить поставленные перед исследователем задачи. В нашем случае основной задачей виктимологического прогнозирования является изучение процесса виктимологического противодействия преступности в условиях снижения виктимности отдельных лиц и виктимизации общества.

Основным методом прогнозирования в рамках виктимологического противодействия преступности следует считать широко применяемый в различных прогнозах метод моделирования. Модель — «это аналог (схема, структура, знаковая система) определенного фрагмента природной и социальной реальности» [13, с. 131]. Такой аналог служит для хранения и расширения знаний об оригинале, его свойствах и структуре для преобразования и управления им [14, с. 16]. Основа моделирования — теория подобия, согласно которой «важнейшим критерием подобия модели и моделируемого объекта является адекватность отображения исследуемой стороны функционирования объекта» [1, с. 113]. Применительно к рассматриваемому вопросу представляют интерес виктимность и виктимизация как виктимологические явления, которые в теории виктимологического моделирования должны изучаться в качестве объектов моделирования с целью построения их моделей. «В зависимости от формы представления объекта моделирование делится на мыслительное и реальное. При этом мыслительное моделирование реализуется в виде наглядного, символического и математического» [1, с. 113].

Разделяя мнение Т.В. Варчук о том, что «виктимологическая модель может представлять собой не только математическое уравнение, но и графическое отображение различных факторов, таблицы коррелирующих явлений и процессов» [12, с. 19], предлагаем собственное графическое восприятие моделирования виктимо-

логической ситуации в условиях прогнозирования виктимологического противодействия преступности (см. рис. 1).

Особенностью представленной модели виктимологической ситуации является то, что реализуемая модель преобразует значения одних признаков (независимых) социально-правового явления в значения других признаков (зависимых). При этом содержательность проектируемой модели виктимологической ситуации зависит от точности прогнозирования изменений виктимологических явлений (зависимых признаков) в условиях новых объективных значений (независимых признаков). Прогнозирование виктимологической и криминологической ситуации позволит своевременно выявить слабые направления и взаимосвязи элементов модели виктимологического прогнозирования ситуации (рис. 1). При этом в качестве модели используется искусственно созданный объект в виде знаков (схемы), который является аналогом исследуемого объекта, отражает и воспроизводит в более простом виде свойства, взаимосвязи и отношения между элементами исследуемого объекта при определенных условиях, созданных различными факторами.

Данная схема позволяет отразить идеальную совокупность при взаимоотношении элементов модели виктимологического прогнозирования ситуации в условиях противодействия преступности. В качестве элементов взаимодействия представлены:

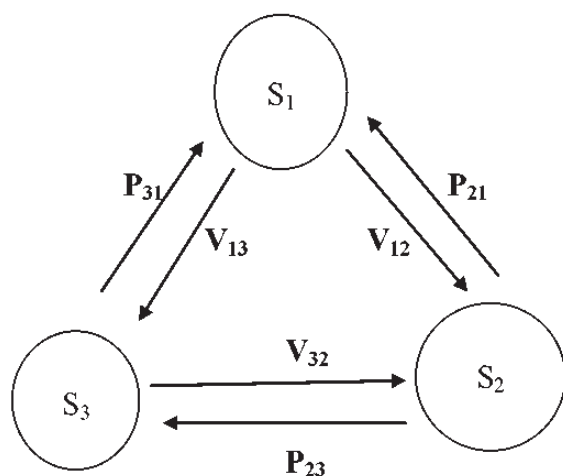

Рис. 1. Структурная схема взаимодействия элементов модели прогнозирования виктимологической ситуации

S_1 – государство (правоохранительный орган);

S_2 – жертва преступления (потерпевший);

S_3 – преступник (лицо, совершающее или совершившее преступление);

P_{21} – фактор противодействия между S_2 и S_1 ;

P_{23} – фактор противодействия между S_2 и S_3 ;

P_{31} – фактор противодействия между S_3 и S_1 ;

V_{12} – фактор воздействия S_1 на S_2 ;

V_{32} – фактор воздействия S_1 на S_2 ;

V_{13} – фактор воздействия S_1 на S_3 .

В целях исследования состояния представленной модели необходимо выделить количественные и качественные характеристики ее элементов, которые характеризуют исследовательскую часть модели. Количественные и качественные характеристики ее элементов могут быть представлены определенными показателями, которые имеют свойство изменяться при условии факторного воздействия.

К качественным характеристикам предлагаем отнести:

– для S_1 – соотношение долей тяжких, средней тяжести и небольшой тяжести преступлений; видовую характеристику преступности; территориальную распределенность;

– для S_2 – гендерные признаки потерпевших от преступлений; возрастные характеристики; социальные и ролевые признаки; ущерб, причиненный в результате совершенного преступления; общее количество жертв преступлений; уровень общей виктимности; уровень виктимной безопасности (социально-виктимологическая характеристика);

– для S_3 – гендерные признаки лиц, совершивших преступления; возрастные характеристики; социальные и ролевые признаки; правовые (наличие или отсутствие судимости); виды применяемых наказаний (социально-криминологическая характеристика).

К количественным характеристикам следует отнести:

– для S_1 – количество зарегистрированных преступлений; количество возбужденных уголовных дел; количество раскрытых преступлений; количество нераскрытых преступлений;

– для S_2 – количество лиц, признанных в качестве потерпевших от преступлений; размер причиненного вреда; количество лиц, в отношении которых применялись государственные меры безопасности; количество лиц, которым была оказана государственная поддержка для восстановления социальной справедливости;

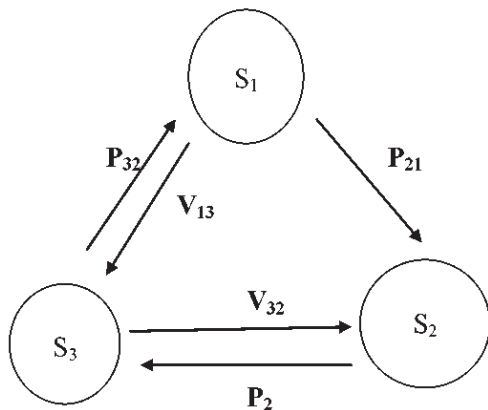
– для S_3 – количество лиц, совершивших преступления; количество выявленных лиц; количество лиц, находящихся в розыске; количество лиц, в отношении которых возбуждены уголовные дела; количество осужденных за совершенные преступления.

Указанные векторы воздействия (V_{12} , V_{13} , V_{32}) и противодействия (P_{21} , P_{23} , P_{31}), которые нами обозначены как факторы, имеют свои правовые и внеправовые основания, цели и задачи. Например, в качестве правового основания векторов воздействия V_{13} и V_{12} можно рассмотреть Конституцию Российской Федерации и

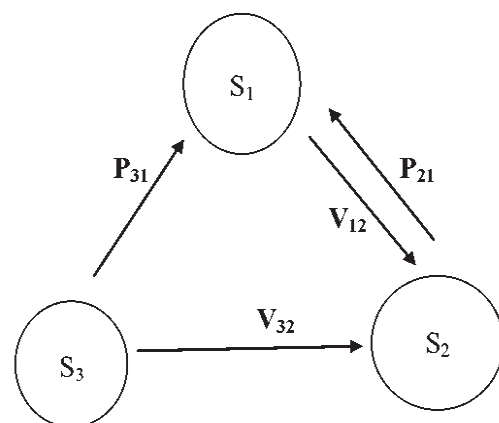
Уголовный кодекс Российской Федерации, которые гарантируют соблюдение прав и свобод человека и гражданина, запрещая при этом противоправные деяния путем закрепления норм и санкций в уголовном законодательстве. Наличие или отсутствие одного или нескольких векторов указывает на изменение состояния модели противодействия и, соответственно, на возможность прогнозирования ее показателей, при этом характеризуя определенную ситуацию, порождающую либо снижающую процесс виктимизации.

Например, отсутствие одного из факторов меняет процесс взаимодействия элементов, образуя при этом определенную виктимогенную или криминогенную ситуацию (см. рис. 2).

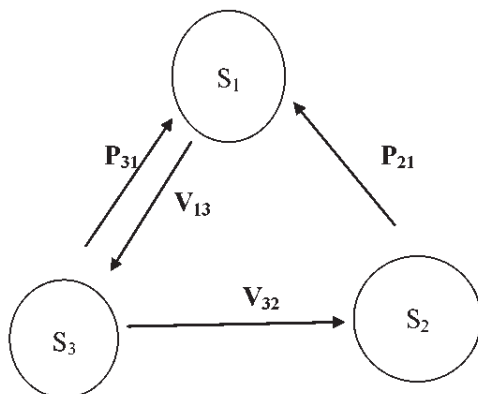
Каждый из представленных элементов S_1 , S_2 , S_3 является зависимой переменной, характеризующей профиль исследования, то есть те показатели, будущее состояние которых нужно определить,

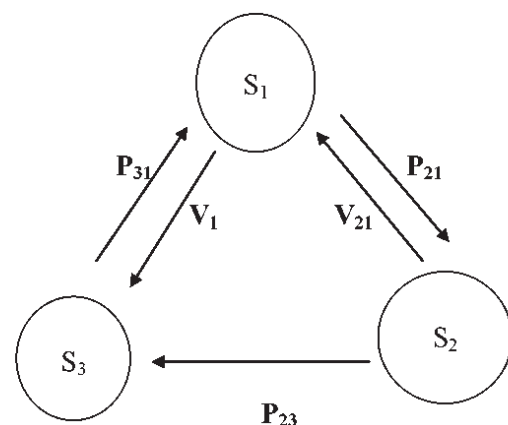
Модель виктимологического предупреждения

Модель виктимогенной ситуации

Модель криминогенной ситуации

Модель виктимологической профилактики

Рис. 2. Модели прогнозирования виктимологической ситуации

используя независимые переменные (V_{12} , V_{13} , V_{32} и P_{21} , P_{23} , P_{31}) (факторы), составляющие фон модели. Такие модели называют «факторными моделями, которые строятся путем выявления механизма взаимодействия различных факторов. Эти модели возможно использовать в социально-правовом прогнозировании для определения перспектив развития социальных групп и процессов» [1, с. 113].

Полагаем, что представленное моделирование виктимологического прогнозирования, направленного на противодействие преступности, в научном и практическом плане выполняет важные функции, определяя возможные негативные виктимологические тенденции (виктимогенные ситуации), и диктует необходимые пути решения проблем обеспечения виктимной безопасности в условиях виктимологического противодействия преступности [см. подробнее: 15; 16]. Как справедливо указывает А.Ю. Лабинский, «целью моделирования процессов (объектов) и явлений в правоохранительной деятельности с использованием различных моделей является получение оптимальных управленческих решений, обеспечивающих выполнение задач, возложенных на систему органов внутренних дел» [1, с. 112]. В правоохранительной деятельности с целью получения оптимальных управленческих решений всегда используется прогнозирование, которое позволяет получить вероятностные данные о будущем состоянии прогнозируемых объектов или возникновении новых событий.

Заключение. Моделирование социально-правовых процессов позволяет сформулировать качественные управленческие решения, которые повысят эффективность управляющих воздействий

в сфере обеспечения виктимной безопасности и виктимологического противодействия преступности. При этом в процессе виктимологического прогнозирования не меньше внимания должно быть уделено и вопросам виктимологической экспертизы программно-целевых документов, а также поиску соответствия включаемых в программу мер виктимологического характера.

Полагаем, что виктимологические прогнозы должны стать основным ориентиром в системе подготовки и переподготовки кадров правоохранительных органов, повышения их квалификации и обучения населения формам невиктимного поведения; повысить в обществе не только «культуру противодействия преступности» [17, с.19], но и правовую культуру и правосознание.

Таким образом, в статье представлен частный случай прогнозирования виктимологической ситуации в условиях виктимологического противодействия преступности, имеющего целью не только снижение уровня виктимности лиц и виктимизации общества, но и повышение эффективности виктимологического противодействия преступности.

Используя результаты прогнозирования, субъекты правоохранительных органов способны сосредоточить усилия именно на тех проблемах, для решения которых у общества и государства имеется реальный социально-экономический потенциал, позволяющий эффективно противодействовать преступности. При этом получаемый прогноз как процесс познания закономерностей виктимизации повышает обоснованность и эффективность принимаемых управленческих решений по противодействию виктимизации в обществе.

Список литературы

1. Лабинский А.Ю. Использование прогнозирующих математических моделей в деятельности органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. N 1 (41). С. 112-116.
2. Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М.: Юрид. лит., 1972. 334 с.
3. Варчук Т.В. Виктимологическая модель как частная криминологическая теория // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. N 2. С. 194-198.
4. Клейменов М.П. Уголовно-правовое прогнозирование. Томск, 1991. 167 [2] с.
5. Миллер А.В. Виды криминологического прогнозирования // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2010. С. 58-63.

6. Ольков С.Г. Корреляционный анализ структуры преступности в ее объяснении и прогнозировании, изучение влияния безработицы на различные структурные составляющие преступности в России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2015. N 2. С. 4-27.
7. Петровский А.В. Криминологическое прогнозирование преступного поведения молодежи. СПб., 2005. 220 с.
8. Солопанов Ю.В. Криминологическое прогнозирование и планирование: лекция. М., 1983. 38 с.
9. Юзиханова Э.Г. Особенности криминологического прогнозирования // Академический вестник. 2014. N 4 (30). С. 147-153.
10. Иванцов С.В. Криминологическое прогнозирование в планировании предупреждения преступности // Общество и право. 2015. N 3 (53). С. 122-127.
11. Думанская Е.И. Психологическая обусловленность индивидуальной виктимности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2019. Т. 19. N 4. С. 19-22.
12. Варчук Т.В. Теория виктимологического моделирования и ее развитие в российской криминологической науке и практике предупреждения преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2013. 48 с.
13. Вицин С.Е. Моделирование в криминологии: учеб. пособие. М., 1973. 104 с.
14. Майоров А.В. Методологическое обоснование концептуальной модели виктимологического противодействия преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. N 1 (39). С. 15-21.
15. Майоров А.В. О концепции виктимологического противодействия преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. N 4 (34). С. 50-57.
16. Майоров А.В. Содержание системы виктимологического противодействия преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. N 3 (41). С. 56-65.
17. Квашис В.Е. К проблеме культуры противодействия преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. N 2 (32). С. 13-20.

References

1. Labinskiy A.Yu. The use of predictive mathematical models in the activities of internal affairs bodies. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009, no. 1 (41), pp. 112-116. (In Russ.).
2. Avanesov G.A. Theory and methodology of criminological forecasting. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1972. 334 p. (In Russ.).
3. Varchuk T.V. Victimological model as a private criminological theory. Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012, no. 2, pp. 194-198. (In Russ.).
4. Kleymenov M.P. Criminal law forecasting. Tomsk, 1991. 167 [2] p. (In Russ.).
5. Miller A.V. Types of criminological forecasting. Actual problems of criminal and criminal procedure policy of the Russian Federation. Omsk, 2010. Pp. 58-63. (In Russ.).
6. Ol'kov S.G. Correlation analysis of the structure of crime in its explanation and forecasting, the study of the impact of unemployment on various structural components of crime in Russia. News of the higher educational institutions. Ural region, 2015, no. 2, pp. 4-27. (In Russ.).
7. Petrovskiy A.V. Criminological forecasting of youth criminal behavior. St. Petersburg, 2005. 220 p. (In Russ.).
8. Solopanov Yu.V. Criminological forecasting and planning. Moscow, 1983. 38 p. (In Russ.).
9. Yuzihanova E.G. Features of criminological forecasting. Academic Bulletin, 2014, no. 4 (30), pp. 147-153. (In Russ.).
10. Ivantsov S.V. Criminological forecasting in crime prevention planning. Society and Law, 2015, no. 3 (53), pp. 122-127. (In Russ.).
11. Dumanskaya E.I. Psychological conditioning of individual victimhood. Bulletin of the South Ural State University. Series: Right, 2019, vol. 19, no. 4, pp. 19-22. (In Russ.).
12. Varchuk T.V. The theory of victimological modeling and its development in Russian criminological science and practice of crime prevention. Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 2013. 48 p.
13. Vitsin S.E. Modeling in criminology. Moscow, 1973. 104 p. (In Russ.).
14. Mayorov A.V. Methodological substantiation of the conceptual model of victimological counteraction to crime. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2017, no. 1 (39), pp. 15-21. (In Russ.).
15. Mayorov A.V. On the concept of victimological counteraction to crime. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2015, no. 4 (34), pp. 50-57. (In Russ.).
16. Mayorov A.V. The content of the system of victimological counteraction to crime. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2017, no. 3 (41), pp. 56-65. (In Russ.).
17. Kvashis V.E. On the problem of the culture of combating crime. Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, no. 2 (32), pp. 13-20. (In Russ.).

Раздел 5. Уголовно-процессуальное обозрение

БЕРДИНСКИХ С.В., berdinskix@mail.ru	BERDINSKIKH S.V., berdinskix@mail.ru
Кафедра прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел;	Chair of prosecutor's supervision and participation of prosecutor in criminal, civil and arbitration proceedings;
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)	St. Petersburg Law Institute (Branch) of the
Университета прокуратуры Российской Федерации, 191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44	University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Liteiny Prospect 44, St. Petersburg, 191104; Russian Federation

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРИ ЗАЩИТЕ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. Прокурор осуществляет защиту публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий во всех видах судопроизводства. В целях развития теоретической основы данной деятельности прокурора и повышения ее эффективности необходимо определить правовой статус и правовое положение прокурора в судопроизводстве. В связи с этим автором статьи проанализирована имеющаяся по этой проблематике научная литература; нормы федерального законодательства; цели судопроизводства; критерии, которым должно соответствовать судебное постановление. По результатам проведенного исследования сформулированы подходы к пониманию единого правового статуса прокурора во всех видах судопроизводства при защите публичного интереса в целом и по делам о защите публичного интереса в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий в частности.

Ключевые слова: прокурор; публичный интерес; правовой статус; судопроизводство; особо охраняемые природные территории.

Для цитирования: Бердинских С.В. Правовой статус и правовое положение прокурора в судопроизводстве при защите публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 4 (54). С. 59-65.

LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR DURING LEGAL PROCEEDINGS WHEN PROTECTING PUBLIC INTERESTS IN THE SPHERE OF USE AND PROTECTION OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS

Annotation. The prosecutor defends public interests in the sphere of use and protection of specially protected natural areas in all types of legal proceedings. In order to develop the theoretical basis of this kind of the prosecutor's activity, as well as to increase its effectiveness, it is necessary to determine the legal status of the prosecutor in the course of legal proceedings. To achieve this goal, the author of the article has analyzed the available scientific literature concerning this issue, the norms of federal legislation, the purposes of legal proceedings, and the criteria that a court decision should meet. Based on the results of the conducted research, the approaches for understanding the unified legal status of the prosecutor in all types of legal proceedings, both when protecting public interests in general and in cases when protecting public interests in the sphere of use and protection of specially protected natural areas, are formulated.

Keywords: prosecutor; public interest; legal status; legal proceedings; specially protected natural areas.

For citation: Berdinskikh S.V. Legal status of the prosecutor during legal proceedings when protecting public interests in the sphere of use and protection of specially protected natural areas // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 4 (54). P. 59-65.

Создание, развитие и защита особо охраняемых природных территорий — это один из закрепленных законодательством Российской Федерации способов сохранения благоприятной окружающей среды на территории Российской Федерации, в том числе в целях реализации конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду.

В настоящее время в Российской Федерации существует 20 047 особо охраняемых природных территорий, из них 500 — федерального значения, 16 486 — регионального значения, 3061 — местного значения*. Их общая площадь по состоянию на 1 октября 2020 г. составила 255,6 млн га, или 13,52 % от всей площади Российской Федерации (в 2017 году — 11 %)**.

Прокурорская и судебная практика свидетельствует о наличии многочисленных и разнохарактерных нарушений при использовании и охране особо охраняемых природных территорий, которые допускаются органами власти и их должностными лицами, юридическими и физическими лицами. Имеют место факты нарушения установленного режима охраны особо охраняемых природных территорий, в том числе путем незаконного распоряжения уполномоченными органами земельными участками, изменения границ особо охраняемых природных территорий, осуществления лицами запрещенной хозяйственной деятельности, причинения вреда природным объектам и комплексам.

Данные нарушения ставят под угрозу само существование той или иной особо охраняемой природной территории, в связи с этим они требуют своевременного и комплексного реагирования.

Прокуратура Российской Федерации осуществляет защиту публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий, реализуя надзорные и ненадзорные полномочия, в том числе путем участия в судопроизводстве.

* Особо охраняемые природные территории России: информационно-аналитическая система. URL: <http://www.oopt.aari.ru>

** Новости в России и в мире // Информационное агентство России «ТАСС»: сайт. URL: <http://www.tass.ru>

В соответствии со ст. 118 Конституции Российской Федерации, ст. 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»*** (далее — Закон о прокуратуре), с Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»**** (далее — ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ), Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — ГПК РФ), Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — АПК РФ), Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ), Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) прокурор обладает полномочиями по защите публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий во всех видах судопроизводства: в конституционном, уголовном, гражданском, арбитражном, административном, включая производство по делам об административных правонарушениях.

Правоприменительная деятельность свидетельствует о формировании положительной практики защиты прокурором в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий. В частности, по результатам проверок прокуроры обращаются в суд с исковыми (административными исковыми) заявлениями, в том числе о признании сделок по распоряжению земельными участками на особо охраняемых природных территориях недействительными, о возмещении причиненного вреда, возбуждают дела об административных правонарушениях.

*** О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. N 2202-1: ред. от 27 окт. 2020 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. 1992. 20 февр. N 8. Ст. 366; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

**** О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституционный закон от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. N 13. Ст. 1447.

ях, предусмотренных ст. 8.39 КоАП РФ, и участвуют в их рассмотрении судами в порядке пересмотра, дают заключения по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы использования и охраны особо охраняемых природных территорий, поддерживают государственное обвинение по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 262 УК РФ.

Например, решением Арбитражного суда Краснодарского края от 14 мая 2018 г., оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций*, удовлетворен иск заместителя прокурора Краснодарского края в интересах неопределенного круга лиц и муниципального образования город-курорт Сочи о признании недействительным (ничтожным) договора купли-продажи земельного участка, расположенного в границах зоны горно-санитарной охраны курорта, применении последствий недействительности ничтожной сделки.

Аналогичные иски заместителя прокурора Краснодарского края, предметами которых явились земельные участки, расположенные на территории городов-курортов Анапа и Геленджик Краснодарского края, удовлетворены арбитражными судами в 2017-2018 годах**. Важно отметить, что данные исковые заявления были удовлетворены еще судами первой инстанции. Инициаторы последующего обжалования необоснованно ссылались на то, что спорные территории статуса особо охраняемых природных территорий лишены.

Решением Центрального районного суда г. Воронежа от 20 февраля 2018 г., оставленным без изменения апелляционным определением Воронежского област-

ного суда от 15 мая 2018 г.***, удовлетворен иск Воронежского межрайонного природоохранного прокурора в интересах Российской Федерации к гражданину о возмещении ущерба в размере 406 168 рублей, причиненного в результате нарушения режима государственного природного заказника федерального значения «Воронежский».

Пять видов судопроизводства, в которых может осуществляться защита, обуславливают необходимость обеспечения единого подхода к организации и осуществлению защиты прокурором публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий, эффективного и целесообразного использования потенциала прокуратуры.

Для развития теоретической основы деятельности прокурора по защите в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий, формирования единого подхода к организации и осуществлению защиты, поиска путей совершенствования деятельности необходимо четкое понимание таких категорий, как правовой статус и правовое положение прокурора в судопроизводстве при защите публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий.

Определение правового статуса и правового положения прокурора в судопроизводстве является дискуссионным. При этом авторы рассматривают данные вопросы в рамках гражданского, арбитражного, административного [1, с. 173; 2, с. 131], уголовного судопроизводства [3, с. 11]. Работы, посвященные единому правовому статусу прокурора во всех видах судопроизводства, отсутствуют.

С учетом выделения комплексных ненадзорных направлений деятельности, предусматривающих право прокурора осуществлять защиту публичных интересов во всех видах судопроизводства, в частности, публичного интереса в сфере использования и охраны особо охраняемых природ-

* Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 2 окт. 2018 г. по делу N А32-3100/2018; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 нояб. 2019 г. N 308-КГ18-23464. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 окт. 2018 г. N 308-КГ18-15544; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23 июля 2018 г. по делу N А32-7550/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Апелляционное определение Воронежского областного суда от 15 мая 2018 г. по делу N 33-3358. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ных территорий, назрела необходимость формулирования единого правового статуса прокурора с учетом имеющихся теоретических подходов и нормативных положений.

Следует отметить, что в науке сложились три основные точки зрения на понятие правового статуса прокурора в судопроизводстве. Одни авторы отождествляют понятия «статус» и «положение» прокурора [4; 5, с. 49], другие – рассматривают только «процессуальное положение» прокурора [6], третьи – разделяют понятия «статус» и «положение» прокурора. Например, И.И. Головкин обоснован вывод о том, что статус прокурорского работника обусловлен статусом органов прокуратуры и в зависимости от вида судопроизводства не изменяется. В то же время особенности процессуального положения прокурора, участвующего в рассмотрении дела судом, определяются видом судопроизводства [2, с. 128].

Соглашаясь с приведенными выводами И.И. Головкина, полагаем необходимым этот подход применить в данном исследовании единой природы правового статуса прокурора во всех видах судопроизводства при защите публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий. На наш взгляд, единство возможно проследить через единую цель деятельности прокурора, в частности, по защите в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий и единую цель судопроизводства по данной категории дел.

Статус прокурорского работника обусловлен статусом органа прокуратуры, прокурорский работник выступает должностным лицом, служебная деятельность которого во всех проявлениях, в том числе при участии в судопроизводстве, имеет своей целью обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности и правопорядка, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Здесь необходимо отметить, что понятия «законность» и «правопорядок» не равнозначны. По мнению С.С. Алексеева, законность – это общественно-политический режим, состоящий в господстве права и закона в общественной жизни, неукос-

нительном осуществлении предписаний правовых норм всеми участниками общественных отношений, последовательной борьбе с правонарушениями и произволом в деятельности должностных лиц, в обеспечении порядка и организованности в обществе [7, с. 410]. Правопорядок определяется С.С. Алексеевым как основанная на праве и законности организация общественной жизни, отражающая качественное состояние общественных отношений на определенном этапе развития общества [7, с. 410].

Рассмотренный вопрос не является исключительно теоретическим, существенное различие данных понятий должно учитываться при организации и осуществлении прокурорами деятельности, в том числе при участии в судопроизводстве.

Кроме того, поскольку такое важнейшее направление прокурорской деятельности, как анализ состояния правопорядка, получив определенное организационное разрешение, не отражено должным образом в действующем законодательстве, полагаем необходимым в развитие п. 7 ст. 12 Закона о прокуратуре п. 4 ст. 1 данного Закона дополнить указанием на проведение анализа состояния законности и правопорядка.

Единая цель всех видов судопроизводства по делам о защите публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий, на наш взгляд, заключается в обеспечении принятия законного, обоснованного и мотивированного судебного постановления. Названная цель сформулирована на основе анализа положений процессуальных кодексов, ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» и позиций Верховного Суда Российской Федерации.

В процессуальных нормативных правовых актах указываются задачи и цели (ГПК РФ), назначение (УПК РФ) судопроизводства. На наш взгляд, это требует формирования единого подхода к установлению содержания целей судопроизводства. Считаем, что нормативно закрепленные задачи не следует рассматривать в качестве целей судопроизводства, как полагают приверженцы одной из точек зрения по вопросу соотношения целей и задач судопроизводства [8, с. 22; 9, с. 64; 10, с. 11; 11, с. 24].

Согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведо-

вой судопроизводство — это рассмотрение дел в суде [12, с. 778]. В связи с этим целью судопроизводства следует определить судебное постановление.

Необходимо отметить, что в законодательстве по-разному определяются критерии, которым должны отвечать судебные постановления в каждом виде судопроизводства. Например, согласно ст. 195 ГПК РФ и ст. 176 КАС РФ решение суда должно быть законным и обоснованным. В соответствии со ст. 30.6 КоАП РФ при рассмотрении жалобы на постановление по делу об административном правонарушении проверяется законность и обоснованность вынесенного постановления. Следовательно, постановление по делу об административном правонарушении также должно быть законным и обоснованным.

В силу ст. 15 АПК РФ принимаемые арбитражным судом судебные приказы, решения, постановления, определения должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Согласно ст. 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Вместе с тем все процессуальные кодексы предусматривают мотивировочную часть судебного постановления.

Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации в постановлениях Пленума от 19 декабря 2003 г. N 23 «О судебном решении»*, от 29 ноября 2016 г. N 55 «О судебном приговоре»** рассматривая вопросы обязательных составляющих судебных постановлений, особое внимание уделил полноте составления мотивировочной части.

Таким образом, единичными критериями, которым, на наш взгляд, должны отвечать судебные постановления, выносимые в рамках уголовного, гражданского, арбитражного, административного судопроизводства и по делам об административных правонарушениях, являются законность, обоснованность и мотивированность. В связи с этим в целях обеспечения единообразия процессуального законодатель-

ства представляется правильным дополнить ГПК РФ, КАС РФ, КоАП РФ, УПК РФ таким требованием к судебному постановлению, как мотивированность.

Отдельно установлены требования, предъявляемые к решениям Конституционного Суда Российской Федерации. Согласно ст. 74 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» решения Конституционного Суда Российской Федерации должны основываться на материалах, исследованных им.

Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как буквальное значение рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов. Постановления и заключения Конституционного Суда Российской Федерации излагаются в виде отдельных документов с обязательным указанием мотивов их принятия.

В связи с этим решения Конституционного Суда Российской Федерации также должны быть обоснованными и мотивированными. При этом полагаем, что им присущ и признак законности, поскольку акты проверяются на предмет соответствия Конституции Российской Федерации, а судьями дается обоснованная и мотивированная оценка о соответствии либо несоответствии проверяемых актов Конституции Российской Федерации.

Таким образом, единый правовой статус прокурора в судопроизводстве позволяет говорить о том, что прокурор всегда участвует в рассмотрении дел судами с целью обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности и правопорядка, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, а также обеспечения принятия законного, обоснованного и мотивированного судебного постановления.

С учетом сформулированных целей деятельности прокурора по защите в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий [13, с. 152] единый правовой статус прокурора во всех видах судопроизводства по делам о защите публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых при-

* О судебном решении: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2003 г. N 23 // Рос. газ. 2003. 26 дек.

** О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 нояб. 2016 г. N 55 // Там же. 2016. 7 дек.

родных территорий заключается в том, что прокурор всегда участвует в рассмотрении дел судами с целью обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации и законодательства при использовании и охране особо охраняемых природных территорий, единства и укрепления законности и правопорядка, обеспечения публичного интереса в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий, фактического устранения выявленных нарушений законодательства, возмещения вреда, инициирования привлечения виновных лиц к уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности, а также обеспечения принятия законного, обоснованного и мотивированного судебного постановления.

Особенности правового положения прокурора в каждом виде судопроизводства, в том числе по делам о защите публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий, определяются соответствующим процессуальным законодательством.

Несмотря на то, что прокурору предоставлен широкий перечень полномочий по защите в судебном порядке публичного интереса, в том числе в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий, как в инициативной форме, так и при вступлении в дело для дачи заключения, при поддержании государственного обвинения, длительное время сохраняются и пробелы в законодательстве, регламентирующем вопросы участия прокурора в конституционном судопроизводстве, в рамках которого возможно осуществлять защиту публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий.

В соответствии с п. 6 ст. 35 Закона о прокуратуре Генеральный прокурор Российской Федерации вправе обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации по вопросу нарушения конституционных прав и свобод граждан законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле.

Кроме того, полномочный представитель Генерального прокурора Российской Федерации участвует в рассмотрении Конституционным Судом Российской Федерации дел для дачи заключения, однако

в действующей редакции Закона о прокуратуре такое право Генерального прокурора Российской Федерации не предусмотрено, и это указывает на необходимость внесения соответствующих изменений в Закон о прокуратуре.

Практика свидетельствует, что органы прокуратуры защиту публичных интересов в сфере охраны и использования особо охраняемых природных территорий в конституционном судопроизводстве до настоящего времени не осуществляли.

Учитывая изложенное, прокурор, в судебном порядке действующий в защиту публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий, обладает единым правовым статусом, который заключается в том, что он всегда участвует в рассмотрении дел судами с целью обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации и законодательства при использовании и охране особо охраняемых природных территорий, единства и укрепления законности и правопорядка, обеспечения публичного интереса в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий, фактического устранения выявленных нарушений законодательства, возмещения вреда, инициирования привлечения виновных лиц к уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности, а также обеспечения принятия законного, обоснованного и мотивированного судебного постановления.

Особенности правового положения прокурора в каждом виде судопроизводства по делам о защите публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий определяются соответствующим процессуальным законодательством.

Сформулированные выводы о правовом статусе и правовом положении прокурора при участии в судопроизводстве в целом и по делам о защите публичного интереса в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий в частности послужат основой для дальнейших теоретических разработок, выработки единого подхода к организации и осуществлению названной деятельности прокурора, совершенствования нормативно-правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Список литературы

1. Колюка Н.Н., Басов А.В. К вопросу определения процессуального статуса прокурора в административном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). N 4. С. 166-173.
2. Головки И.И. Актуальные проблемы статуса и процессуального положения прокурора в гражданском, арбитражном процессе и административном судопроизводстве // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2018. N 4 (57). С. 124-131.
3. Крюков В.Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 52 с.
4. Ястребов В.Б. Правовой статус прокурора в уголовном, гражданском, административном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. N 8. С. 45-49.
5. Гафаров Р.Ф., Горшунов Д.Н. Проблемы определения вида гражданского судопроизводства: теоретические основания и практические аспекты // Вестник гражданского процесса. 2014. N 1. С. 49-65.
6. Тутынина Е.Г. Проблемные аспекты и пути оптимизации правовых актов как средств судебной политики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. N 11. С. 101-104.
7. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. 565 с.
8. Боннер А.Т. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 990 [1] с.
9. Дегтярев С.Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. М.: Волтерс Клувер, 2007. 376 с.
10. Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М.: Городец, 2000. 320 с.
11. Москалькова Т.Н. Комментарий статьи 6 УПК РФ // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. И.Л. Петрухин. М., 2003. С. 24-25.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
13. Бердинских С.В. К вопросу о целях и задачах защиты прокурором в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. Т. 32. N 4. С. 148-152.

References

1. Kolyuka N.N., Basov A.V. On the issue of determining the procedural status of a Prosecutor in administrative proceedings. Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal science, 2019, vol. 5 (71), no. 4, pp. 166-173. (In Russ.).
2. Golovko I.I. Current problems of the status and procedural position of the Prosecutor in civil, arbitration and administrative proceedings. Bulletin of Omsk University. Series: Law, 2018, no. 4 (57), pp. 124-131. (In Russ.).
3. Kryukov V.F. Legal status of the Prosecutor in criminal prosecution (pre-trial and judicial proceedings). Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2012. 52 p. (In Russ.).
4. Yastrebov V.B. Legal status of the prosecutor in criminal, civil, administrative proceedings. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2018, no. 8, pp. 45-49. (In Russ.).
5. Gafarov R.F., Gorshunov D.N. Problems of determining the type of civil proceedings: theoretical foundations and practical aspects. Bulletin of civil procedure, 2014, no. 1, pp. 49-65. (In Russ.).
6. Tutynina E.G. Problematic aspects and ways of optimizing legal acts as means of judicial policy. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2015, no. 11, pp. 101-104. (In Russ.).
7. Alekseev S.S. General theory of law. Moscow, 2008. 565 p. (In Russ.).
8. Bonner A.T. Selected works on civil procedure. St. Petersburg. Publishing house of St. Petersburg State University, 2005. 990 [1] p. (In Russ.).
9. Degtyarev S.L. The implementation of the judiciary in civil proceedings: theoretical and applied problems. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007. 376 p. (In Russ.).
10. Zhilin G.A. The goals of civil proceedings and their implementation in the court of first instance. Moscow, Gorodets Publ., 2000. 320 p. (In Russ.).
11. Moskal'kova T.N. Commentary on Article 6 of the RF Code of Criminal Procedure. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Moscow, 2003. Pp. 24-25. (In Russ.).
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions. Moscow, A TEMP Publ., 2006. 944 p. (In Russ.).
13. Berdinskih S.V. On the question of the goals and objectives of the prosecutor's judicial protection of public interests in the use and protection of specially protected natural areas. Legal Bulletin of the Dagestan State University, 2019, vol. 32, no. 4, pp. 148-152. (In Russ.).

Раздел 6. Совершенствование правоохранительной практики

<p>КАЗАЧЕНОК В.В., кандидат юридических наук, доцент, kazachenokv@mail.ru Кафедра административного права, административной деятельности и управления органами внутренних дел; Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 420059, г. Казань, Оренбургский тракт, 128</p>	<p>KAZACHENOK V.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, kazachenokv@mail.ru Chair of administrative law, administrative activities and management of the internal affairs bodies; Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Orenburg Tract 128, Kazan, 420059, Russian Federation</p>
--	--

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ РЕАГИРОВАНИЯ ДЕЖУРНЫХ ЧАСТЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА СООБЩЕНИЯ О ПОБОЯХ

Аннотация. В статье рассматривается организация деятельности сотрудников дежурных частей при получении сообщений (заявлений) о побоях с учетом изменений законодательства об ответственности за побои. В связи с тем, что побои влекут за собой как административную, так и уголовную ответственность, обращается внимание на важность правильной квалификации данного противоправного деяния. Анализируя правовое регулирование деятельности по приему, регистрации и разрешению сообщений о правонарушениях, автор определяет алгоритм действий сотрудников дежурных частей органов внутренних дел при получении сообщений о побоях. В результате проведенного исследования показана роль дежурных частей при получении таких сообщений, отмечена важность взаимодействия оперативных дежурных с различными службами и подразделениями органов внутренних дел.

Ключевые слова: дежурная часть; органы внутренних дел; побои; сообщение о побоях; алгоритм действий; оперативный дежурный.

Для цитирования: Казаченок В.В. Организационно-правовой механизм реагирования дежурных частей органов внутренних дел на сообщения о побоях // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 4 (54). С. 66-73.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISM FOR THE RESPONSE OF POLICE DISPATCH CENTERS TO REPORTING BEATING

Annotation. The organization of the activities of police dispatch centers' officers when receiving reports on beating, taking into account the changes in the legislation concerning the liability for beating, is analyzed in the article. Due to the fact that battery involves both administrative and criminal liability, attention is drawn to the importance of the correct qualification of the illegal act. Having analyzed the legal regulation of the activities that concern receiving, registering and resolving crime reports, the algorithm of actions of the staff of police dispatch centers in case of reporting beating is determined. As the result of the conducted research, the role of police dispatch centers when receiving such reports is shown, the importance of interaction of duty officers with various services and divisions of the internal affairs bodies is noted.

Keywords: police dispatch center; internal affairs bodies; battery; reporting beating; algorithm of actions; duty officer.

For citation: Kazachenok V.V. Organizational and legal mechanism for the response of police dispatch centers to reporting beating // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 4 (54). P. 66-73.

Побои являются одним из видов правонарушений, с сообщениями о которых граждане достаточно часто обращаются в дежурную часть органов внутренних дел. С учетом относительно недавней частичной декриминализации побоев юридическая оценка содеянного может быть самой разной. Поскольку побои влекут за

собой как административную, так и уголовную ответственность, постольку важна правильная квалификация противоправного деяния: административное правонарушение, предусмотренное статьей 6.1.1 КоАП РФ, или преступление, предусмотренное статьями 116 и 116.1 УК РФ. В силу того, что статья 116.1 УК РФ является составом с административной преюдицией, подача заявления (сообщения) о побоях может повлечь за собой как возбуждение производства по делу об административном правонарушении, так и возбуждение уголовного дела.

Различные процедуры привлечения виновного к ответственности предусматривают соответствующие действия сотрудников дежурной части органов внутренних дел, реагирующих на обращения потерпевших, свидетелей и иных лиц. Именно от них на начальном этапе зависит эффективность и оперативность первоначальных действий по раскрытию и расследованию правонарушения или преступления.

При этом у правоприменителей остается множество вопросов, касающихся особенностей производства по делам об административных правонарушениях по данной категории дел. Например, вопрос об обязательности проведения административного расследования при выявлении признаков состава административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 6.1.1 КоАП РФ. Исходя из положений ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ производство осуществляется в форме административного расследования. По мнению В.Э. Поляковой, административное расследование по анализируемому составу правонарушения должно проводиться в обязательном порядке. Однако ряд авторов, ссылаясь на материалы судебной практики, считает, что производство по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, может осуществляться без проведения административного расследования [см., например: 1, с. 4-6]. Кроме того, возникают процессуальные вопросы в случае совершения правонарушения лицом, которое не установлено. Неоднозначное понимание норм ст. 28.7 КоАП РФ, на наш взгляд, требует законодательного урегулирования.

Дежурными частями органов внутренних дел осуществляется круглосуточный прием сообщений о происшествиях, об административных правонарушениях и о преступлениях. Знание правового регулирования деятельности дежурных частей при получении подобного рода сообщений является важным аспектом в выполнении служебных обязанностей оперативных дежурных.

Несомненно, заявления (сообщения) о побоях рассматриваются сотрудниками дежурных частей на основе общих положений, регламентирующих деятельность органов исполнительной власти (в частности, органов внутренних дел), по рассмотрению обращений граждан.

Основу нормативно-правового регулирования деятельности дежурных частей органов внутренних дел при получении сообщений о побоях образуют Федеральный закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»*, положения которого детализирует приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. N 707**, раскрывающий порядок рассмотрения обращений граждан в ОВД. При получении сообщений о побоях сотрудники дежурных частей руководствуются нормами Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»***, раскрывающими принципы деятельности полиции, их обязанности и права, отдельные меры государственного принуждения, применяемые к правонарушителю, а также положениями

* О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ: ред. от 27 дек. 2018 г. // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. N 19. Ст. 2060; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 12 сент. 2013 г. N 707: ред. от 1 дек. 2016 г. // Рос. газ. 2014. 17 янв.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

*** О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 6 февр. 2020 г. // Рос. газ. 2011. 8 февр.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

УК РФ, УПК РФ, КоАП РФ и др. Ключевым ведомственным нормативным правовым актом рассматриваемого направления деятельности дежурных частей ОВД является приказ МВД России от 29 августа 2014 г. N 736, утвердивший Инструкцию о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях* (далее – Инструкция).

Строгое выполнение алгоритма действий по приему, регистрации и разрешению сообщений о правонарушениях является важным аспектом деятельности дежурных частей ОВД. Вместе с тем, как верно отметил Ф.В. Буренок, реагирование на информацию о правонарушениях с участием иностранных граждан или лиц без гражданства организуется с учетом ряда особенностей, таких как основания пребывания на территории России; знание языка, на котором ведется судопроизводство в данной местности, и др. [2, с. 27].

Обращение в органы внутренних дел, как правило, сопровождается подачей письменного заявления. Возможна также подача заявления (сообщения) о побоях в устной форме. В этом случае устное сообщение должно быть занесено в протокол, который подписывается заявителем и лицом, принявшим данное заявление.

Нередко факт административного правонарушения или уголовного преступления выявляют непосредственно сотрудники органов внутренних дел в ходе осуществления служебных обязанностей. В этом случае, исходя из анализа пунктов 2.1.1-2.1.2 Инструкции, сотрудник органов внутренних дел, выявивший правонарушение, составляет рапорт с указанием всех имеющихся сведений.

Помимо традиционного способа передачи заявлений и сообщений о побоях,

возможна подача документов в электронной форме с применением специального программного обеспечения посредством официальных сайтов, а также путем направления почтовой связью и доставлением с другой письменной корреспонденцией в территориальный орган МВД России. Однако подобные способы передачи сообщений (заявлений) о побоях не находят своего отражения в практической деятельности ввиду их нецелесообразности.

Если рассмотрение заявления (сообщения) о побоях не относится к компетенции органа внутренних дел, в котором они были зарегистрированы, то все имеющиеся материалы, относящиеся к преступлению, передаются в другой по территориальности орган дознания или в суд (ст. 20, ч. 3 ст. 150, ст. 151 УПК РФ), а материалы, относящиеся к административному правонарушению, – в иной территориальный орган внутренних дел по территориальности (ст. 28.3 КоАП РФ).

Полученное сообщение о побоях должно быть незамедлительно зарегистрировано, то есть зафиксировано под очередным порядковым номером в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее – КУСП). Должны быть указаны время, дата поступления сообщения о побоях, фамилия, имя, отчество и должность сотрудника, получившего сообщение, форма поступления (по телефону, письменно или устно). Фиксации подлежат также контактные данные лица, от которого получено сообщение: помимо фамилии, имени и отчества указывается адрес проживания, контактный номер телефона, а также регистрационный номер талона-уведомления в случае его выдачи заявителю и краткое содержание полученного сообщения о побоях. В Инструкции определены четкие требования к содержанию талона-уведомления как при его вручении заявителю, так и при передаче сообщения о побоях в другой орган внутренних дел.

Анонимные сообщения о побоях не подлежат регистрации. При этом, если в результате телефонного сообщения оперативному дежурному не удалось выяснить данные лица, сообщившего о побоях, то он заносит полученную информацию

* Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 авг. 2014 г. N 736: ред. от 9 окт. 2019 г. // Рос. газ. 2014. 14 нояб.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

в Тетрадь для записей и незамедлительно организует проверку указанных фактов. При подтверждении полученной информации осуществляется ее регистрация в КУСП, после этого оперативный дежурный докладывает руководителю территориального ОВД для принятия последним решения. В соответствии с пунктами 8 и 9 Инструкции на оперативного дежурного возлагается обязанность по приему сообщений независимо от времени и места совершения правонарушения, а также формы представления и полноты сведений, содержащихся в сообщении.

Руководителем территориального органа внутренних дел на полученном заявлении о побоях ставится резолюция, в которой указывается исполнитель, срок проверки и порядок разрешения заявления о побоях. Обязательной фиксации в КУСП подлежат данные руководителя, поручившего проверку поступившего сообщения о побоях, сроки проверки, установленные уполномоченным руководителем, и срок, в который рассмотрено поступившее сообщение о побоях, а также, в случае продления сроков проверки сообщения о побоях, данные о должностном лице, продлившем проверку. Исполнитель обязан проверить действительность факта побоев, достоверность данных о лицах, указанных в сообщении. В случае неполноты данных – принять меры к их восстановлению.

Таким образом, после регистрации сообщения о побоях оперативный дежурный должен принять меры неотложного реагирования на полученное сообщение. С этой целью на место происшествия необходимо направить сотрудника (сотрудников) органа внутренних дел (участкового уполномоченного полиции либо следственно-оперативную группу) с поручением проверить сообщение о побоях. При этом, по мнению В.А. Крупина, при получении сообщений о правонарушениях из жилища граждан дежурному территориального ОВД следует проводить сверку с имеющейся базой данных дежурной части о наличии в квартире владельцев оружия, ранее судимых и др. [3]. Безусловно, такие действия направлены на повышение мер личной безопасности сотрудников ОВД, однако их осуществление затян timer процесс реагирования на сообщение о побоях, ко-

торое должно способствовать скорейшему прекращению правонарушения и поимке совершивших его лиц.

Участковый уполномоченный полиции, обычно являясь основным исполнителем проверки сообщения о побоях, осуществляет неотложные проверочные мероприятия по полученному сообщению. В КУСП делается соответствующая отметка об этом должностном лице (исполнителе) с его подписью, датой и временем поручения, а также о результатах проверки полученного сообщения о побоях. Запрещается передавать исполнителю для проведения проверки заявление (сообщение) о побоях, не зарегистрированное в КУСП.

Устанавливая факт получения пострадавшим телесных повреждений, оперативный дежурный уточняет их приблизительный характер и тяжесть, в случае необходимости ориентирует скорую медицинскую помощь для выезда на место. В связи с этим эффективность работы органов внутренних дел по прекращению и раскрытию преступлений напрямую зависит от первичных действий сотрудников дежурных частей, которым поступило сообщение о побоях.

Как правило, на практике, если потерпевший ранее не обращался в медицинские учреждения за оказанием первой помощи, при получении оперативным дежурным дежурной части заявления о побоях такое лицо направляется в медицинскую организацию, где ему оказывается необходимая медицинская помощь. При этом врач (а впоследствии – при назначении экспертизы – судебно-медицинский эксперт) в карточке потерпевшего фиксирует все результаты обследования. Остальную деятельность по уголовному делу, возбужденному по ст. 116 УК РФ, осуществляет дознаватель.

Прием, регистрация и разрешение органами внутренних дел сообщений о преступлениях, уголовное преследование по которым осуществляется в частном порядке, в том числе о побоях, нередко сопряжены с многочисленными проблемами как практического, так и правового характера. В правоприменительной деятельности в этой сфере отсутствует единообразный подход, поскольку он дифференцируется в зависимости от конкретного региона. В большей степени данная проблема обу-

словлена некачественным ведомственным контролем и прокурорским надзором за деятельностью органов внутренних дел по приему и регистрации сообщений о побоях [4, с. 354].

С принятием Федерального закона от 3 июля 2016 г. N 323 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»* изменился подход к возбуждению уголовных дел о побоях. В действующей редакции УК РФ разграничивает два вида побоев: по определенным мотивам – ст. 116 УК РФ и в отношении всех остальных лиц – ст. 116.1 УК РФ (состав преступления с административной преюдицией). В настоящее время при поступлении в ОВД сообщения о побоях должностному лицу (следователю, дознавателю, участковому уполномоченному) необходимо в ходе проверки сообщения в первую очередь устанавливать мотив данного преступления (хулиганский или экстремистский), поскольку его наличие либо отсутствие влияет на вид принимаемого процессуального решения по итогам проверки.

В свою очередь, деяние, предусмотренное ст. 116.1 УК РФ, отнесено к делам частного обвинения, а поскольку конструкция данного состава преступления содержит признак административной преюдиции, в ходе проверки сообщения о преступлении необходимо установить факт привлечения лица к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ст. 6.1.1 КоАП РФ, и доказывание данного факта в мировом суде. По мнению Т.И. Гарипова, закономерен вопрос о том, как заявитель самостоятельно, без обращения в органы внутренних дел сможет узнать о фактах привлечения лица за побои в соответствии с КоАП РФ [5, с. 80-81].

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. N 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 27 (ч. II). Ст. 4256.

Кроме того, возникает проблема, на которую обращено внимание еще на этапе обсуждения законопроекта о внесении анализируемых изменений: в отличие от уголовного процесса производство по делам об административных правонарушениях не предусматривает порядка приостановления в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению к ответственности. По этой причине, как отмечает В.И. Торговченков, из-за ограниченных сроков административного расследования лицо, причинившее побои, может избежать юридической ответственности. При этом весьма высока вероятность того, что неустановленное лицо, причинившее побои, ранее может быть уже привлеченным к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ, о чем ни заявитель, ни дознаватель могут не знать. В таких условиях возбуждение и производство административного расследования будет бессмысленно и беспредметно, поскольку в описанной ситуации возникает необходимость в возбуждении уголовного дела и привлечении лица к уголовной ответственности [6, с. 81].

Следует учитывать и то, что в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении такого наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. По прошествии указанного времени данное лицо нельзя будет привлечь за побои по ст. 116.1 УК РФ, станет возможна только административная ответственность. Представляется, что такой подход не способствует защите прав и законных интересов лиц, пострадавших от побоев, не обеспечивает им право на доступ к правосудию. В связи с этим, как обоснованно считает Т.И. Гарипов, при возбуждении уголовных дел по фактам побоев могут возникнуть вопросы, требующие дополнительного законодательного регулирования или разъяснений Верховного Суда Российской Федерации [5, с. 82-83]. Совершенствование нормативного правового регулирования в целях обеспечения прав и свобод граждан является немаловажной тенденцией, свидетельствующей об эффективности деятельности дежурных частей ОВД.

Таким образом, проводивший проверку сотрудник в кратчайший срок должен проинформировать о принятом решении оперативного дежурного и представить ему копию решения. Оперативный дежурный, в свою очередь, докладывает руководителю территориального органа внутренних дел о принятых мерах. Результаты проверки сообщения о побоях также должны быть зафиксированы в КУСП. Согласно пунктам 50 и 59 Инструкции по итогам проверки может быть «принято одно из следующих решений:

- о возбуждении уголовного дела;
- об отказе в возбуждении уголовного дела;
- о передаче по подследственности, в суд;
- о возбуждении дела об административном правонарушении;
- об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении;
- о передаче заявления (сообщения) об административном правонарушении и материалов его проверки в иной территориальный орган МВД России по территориальности».

О принятом решении обязательно должно быть проинформировано лицо, подавшее заявление или сообщение о побоях, в течение 24 часов с момента его принятия.

Таким образом, основная роль в своевременном реагировании на преступление и организации взаимодействия служб и подразделений органов внутренних дел в его раскрытии принадлежит оперативному дежурному. Организация незамедлительного раскрытия преступлений возложена на дежурные части органов внутренних дел. Соответственно, эффективность и качество противодействия противоправной деятельности зависит от своевременных действий оперативного дежурного, принявшего и зарегистрировавшего сообщение о побоях. При этом немаловажное значение приобретает повседневное взаимодействие дежурной части с аппаратами уголовного розыска, участковыми уполномоченными, сотрудниками по делам несовершеннолетних, подразделениями охраны общественного порядка. Это предполагает получение информации о состоянии оперативной обстановки, поду-

четом контингенте, несовершеннолетних, находящихся на учете, маргинальных группах и местах с высокой концентрацией совершаемых противоправных действий, поскольку правонарушения анализируемой категории являются высоколатентными, что требует их своевременного выявления.

Следует отметить, что эффективное взаимодействие дежурных частей с подразделениями и службами органов внутренних дел при реагировании на сообщения о побоях предполагает реализацию соответствующих принципов. Из множества принципов, характеризующих взаимодействие как функцию управления [7, с. 21], необходимо выделить следующие:

1. Наличие конкретной цели взаимодействия, предмета и пределов взаимодействия. Означает конструктивный характер взаимодействия между подразделениями и службами.

2. Соблюдение требований законности во взаимодействии. Предполагает необходимость соблюдения установленных ограничений и запретов при взаимодействии.

3. Комплексное использование сил и средств.

4. Экономичность. Обусловливается необходимостью максимально эффективно использовать ограниченные ресурсы.

5. Оперативность. Данный принцип связан с ограниченным временем для принятия управленческого решения в условиях постоянно изменяющейся оперативной обстановки на обслуживаемой территории.

6. Согласованность отдельных исполнителей. Предполагает возможность применения индивидуальной ответственности во взаимодействии.

7. Единоначалие и централизация управления взаимодействием. Осуществляется для обеспечения контроля над взаимодействием, проверки исполнения решений по организации и осуществлению взаимодействия.

8. Распределение функций, ответственности различных подразделений. Принцип направлен на распределение отдельных компетенций субъектов взаимодействия.

9. Личная ответственность руководителей взаимодействующих подразделений. Именно руководителями подразделений определяются плановые и организационные основы взаимодействия.

10. Непрерывность и плановость. Предполагает определение задач и видов взаимодействия. Например, повседневное взаимодействие, взаимодействие для решения конкретной оперативной задачи, отраслевое и межотраслевое, взаимодействие с институтами гражданского общества.

Таким образом, важным органом управления комплексными силами являются дежурные части территориальных органов внутренних дел. Осуществляя оперативное управление, они обеспечивают взаимодействие со всеми нарядами комплексных сил в период несения службы. Через дежурные части подразделений, определенных планом единой дислокации, осуществляется управление нарядами полиции, задействованными в обеспечении своевременного реагирования на заявления, сообщения и иную информацию граждан о преступлениях, административных правонарушениях в целях их пресечения и раскрытия в кратчайшие сроки, а также на выполнение других неотложных действий.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Правовое регулирование деятельности дежурных частей при получении сообщений о побоях создает определенные предпосылки к соблюдению прав и свобод граждан, а также выступает гарантом эффективной служебной деятельности органов внутренних дел при реагировании на противоправные действия лиц в целях обеспечения охраны личности от противоправных посягательств.

2. Успешное решение органами внутренних дел возложенных задач в значительной мере зависит от того, насколько отлажен алгоритм действий оперативного дежурного дежурной части органа внутренних дел при поступлении информации и ее своевременного разрешения. Алгоритм действий при поступлении сообщений о побоях в дежурную часть может состоять из следующих этапов:

– поступление сообщения о побоях в дежурную часть;

– регистрация поступившего сообщения в КУСП;

– принятие мер в целях проверки и разрешения сообщения;

– передача информации уполномоченному руководителю ОВД;

– принятие решения по полученному сообщению о побоях.

3. От правильных действий оперативного дежурного нередко зависит возможность качественного противодействия лицам, осуществляющим противоправные деяния, на первоначальном этапе, а также возможность немедленного реагирования на правонарушения, в частности побои.

4. Дежурные части органов внутренних дел в процессе осуществления оперативного управления силами и средствами органов внутренних дел, повседневного реагирования на поступающие заявления и сообщения о происшествиях являются ключевым звеном во взаимодействии различных служб и подразделений органов внутренних дел. Эффективное взаимодействие становится возможным только на основе совершенствования организационно-правовых основ взаимодействия, технологического обеспечения деятельности дежурных частей и качественной комплексной подготовки сотрудников дежурных частей.

5. Задачи, возложенные на дежурные части органов внутренних дел в рамках обеспечения реагирования на сообщения о побоях, решаются двумя способами: оперативным управлением и непосредственным исполнением, то есть дежурная часть, с одной стороны, выступает координатором и звеном оперативного управления, а с другой стороны, является непосредственным исполнителем управленческих решений, и это свидетельствует о двойственном характере назначения дежурных частей органов внутренних дел.

Список литературы

1. Корниенко О.В., Кудрявцев Б.А. Некоторые особенности производства по делу об административном правонарушении по статье 6.1.1 «Побои» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. N 4. С. 3-6.

2. Буренок Ф.В. Особенности реагирования МВД России на информацию о происшествиях с участием иностранных граждан или лиц без гражданства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. N 3 (55). С. 24-29.

3. Крупин В.А. Алгоритм действий сотрудников полиции при получении сообщения о правонарушениях из жилища граждан // Дневник науки: электронный научный журнал. 2020. N 9. URL: <http://dnevniknauki.ru> (дата обращения: 20 сент. 2020 г.).

4. Огородов А.Н. Отдельные вопросы прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях // Евразийский юридический журнал. 2018. N 10 (125). С. 354-357.

5. Организационно-правовые основы деятельности сотрудников дежурных частей органов внутренних дел при получении сообщений о побоях: учеб. пособие / О.В. Артюшина [и др.]. Казань: КЮИ МВД России, 2019. 151 с.

6. Торговченков В.И. К вопросу о внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ, предложенных Верховным Судом РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. N 1. С. 79-86.

7. Алиуллов Р.Р., Романюк В.С. Организационно-правовые основы взаимодействия дежурных частей с подразделениями и службами органов внутренних дел Российской Федерации: метод. рек. Казань: КЮИ МВД России, 2016. 68 с.

References

1. Kornienko O.V., Kudryavtsev B.A. Some features of the proceedings in the case of an administrative offense under article 6.1.1 "Beatings" Code of administrative offences of the Russian Federation. Bulletin of the Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2017, no. 4, pp. 3-6. (In Russ.).

2. Burenok F.V. Features of the Russian interior Ministry's response to information about incidents involving foreign citizens or stateless persons. Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2012, no. 3 (55), pp. 24-29. (In Russ.).

3. Krupin V.A. Algorithm of actions of police officers upon receipt of a report of offenses from the home of citizens. Diary of science. Electronic scientific journal. 2020, no. 9. Available at: <http://dnevniknauki.ru> (Accessed September 20, 2020). (In Russ.).

4. Ogorodov A.N. Certain issues of Prosecutor's supervision over the procedural activities of preliminary investigation bodies when receiving, registering and resolving reports of crimes. Eurasian legal journal, 2018, no. 10 (125), pp. 354-357. (In Russ.).

5. Artyushina O.V. i dr. Organizational and legal bases of activity of employees of duty units of internal Affairs bodies when receiving messages about beatings. Kazan, Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 151 p. (In Russ.).

6. Torgovchenkov V.I. On the issue of amendments to the criminal and Criminal procedure codes of the Russian Federation proposed by the Supreme Court of the Russian Federation. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2016, no. 1, pp. 79-86. (In Russ.).

7. Aliullov R.R., Romanyuk V.S. Organizational and legal bases of interaction of duty units with divisions and services of internal Affairs bodies of the Russian Federation. Kazan, Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 68 p. (In Russ.).

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ДЖАФАРОВА Н.Т.,
nikadubrovskaya8@gmail.com
Факультет подготовки научно-педагогических и научных кадров;
Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, 12

DZHAFAROVA N.T.,
nikadubrovskaya8@gmail.com
Faculty of scientific and pedagogical
personnel training;
Moscow University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation
named after V.Ya. Kikot,
Academician Volgin St. 12,
Moscow, 117997,
Russian Federation

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ, СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности регулирования правоотношений в информационном пространстве посредством норм административного права. Основную часть информационного пространства составляет сеть Интернет. При этом количество совершаемых в интернет-пространстве правонарушений, в том числе административных, значительно увеличивается. Автором статьи акцентируется внимание на необходимости верной квалификации противоправных деяний, особенно в спорных случаях, связанных с вопросами разграничения административной и уголовной ответственности. Приводится характеристика иных факторов, ведущих к затягиванию производства по делам об административных правонарушениях в области оборота информации, а также предложены пути их устранения. Уделено внимание новым составам административных правонарушений, посягающих на общественные отношения в сфере информационного пространства.

Ключевые слова: административное правоотношение; административное правонарушение; информационное пространство; информация; оборот информации; Интернет; правовое регулирование.

Для цитирования: Джафарова Н.Т. Административно-правовое регулирование отношений, складывающихся в интернет-пространстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 4 (54). С. 74-81.

REGULATION OF LEGAL RELATIONS ON THE INTERNET BY ADMINISTRATIVE LAW

Annotation. Certain features concerning the regulation of legal relations in the information space by using the norms of administrative law are analyzed in the article. The main part of the information space is the Internet. At the same time, the number of offences committed via the Internet or otherwise aided by various forms of computer technology, including administrative ones, is significantly increasing. The author of the article focuses on the need for correct qualification of illegal acts, especially in controversial cases related to the issues of differentiation of administrative and criminal liability. The characteristics of other factors that lead to delaying the administrative proceedings concerning the circulation of information are given, the ways to overcome them are proposed. Attention is paid to the newly introduced elements of administrative offences that infringe on public relations in the information space.

Keywords: administrative law relationship; administrative offence; information space; information; circulation of information; the Internet; legal regulation.

For citation: Dzhafarova N.T. Regulation of legal relations on the Internet by administrative law // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 4 (54). P. 74-81.

Регулирование общественных отношений, возникающих в Интернете, представляется невозможным без административно-правовых норм. По вопросам регулирования общественных отношений в информационном пространстве к настоящему моменту принят ряд нормативных правовых актов различной юридической силы и иных документов, в том числе Доктрина информационной безопасности Российской Федерации*, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы**.

Вопросам обеспечения безопасности правоотношений в информационном пространстве в настоящее время уделяется пристальное внимание представителями различных отраслей юридической науки: общественные отношения в области оборота информации подпадают под действие норм уголовного, административного и гражданского права. Это обусловлено свойствами самой информации, а также спецификой информационных отношений.

Понятие «информация» стало одним из наиболее распространенных понятий в современной юридической науке и общественной жизни. В большинстве источников информация трактуется как совокупность различных сведений о событиях, процессах и фактах. Понятие информации используется для обобщения отдельных сообщений, знаний и данных, которые передаются устно, письменно или в электронном виде при помощи различных технических средств.

Информация – это основополагающий элемент информационного общества, становление которого происходит в современном Российском государстве. Отражая реальную действительность, информация влияет практически на все направления общественной и государственной деятельности, формируя пути развития государства и права.

* Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 дек. 2016 г. N 646 // Рос. газ. 2016. 6 дек.

** Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. N 203 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

С момента появления информационных технологий, основанных на внедрении средств связи и систем телекоммуникаций, информация стала постоянным и необходимым фактором возникновения общественных отношений, выполняя при этом связующую роль. В результате правоотношения в области оборота информации образовали самостоятельный блок в структуре административно-правовой науки и практики.

Согласно пункту 1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация определяется как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления***.

С учетом приведенных определений считаем целесообразным под информацией понимать сведения, обладающие смысловой ценностью, выраженные в устной форме или закрепленные при помощи материальных носителей, в качестве которых могут выступать как физические объекты, так и объекты, имеющие цифровую форму.

Информационное пространство – понятие, относительно недавно вошедшее в терминологический аппарат юриспруденции. Однако несмотря на это, информационное пространство всегда было одной из несущих, опорных конструкций современного государства [1, с. 5].

К настоящему моменту в научной среде отсутствует единое понимание информационного пространства. Одни ученые считают, что под информационным пространством следует понимать систему, осуществляющую передачу, обработку и хранение информации с использованием технических средств и других ресурсов [см., например: 2, с. 2]. Информационное пространство с этой точки зрения предстает одной из сфер современной жизни общества, основу которой составляют каналы коммуникации. [3, с. 143].

Иные исследователи придерживаются мнения о том, что информационное пространство представляет собой форму

*** Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 31 (ч. 1). Ст. 3448.

существования информационных систем, обеспечивающую и стимулирующую оперативные информационные взаимодействия производителей информации и ее потребителей [4, с. 25].

Аккумулируя различные точки зрения, предлагаем под информационным пространством понимать особую сферу возникновения и развития общественных отношений, неотъемлемым элементом которой является информация. Интернет-пространство представляет собой большую, основную часть информационного пространства и охватывает общественные отношения, которые полностью либо частично протекают посредством использования возможностей Интернета.

Нельзя не сказать о том, что в информационном пространстве имеют место противоправные явления. Об этом свидетельствует тот факт, что масштабы правонарушений, совершаемых посредством информационных технологий, все более возрастают. Следует отметить, что по этой причине одной из первоочередных задач правоохранительных органов на современном этапе является обеспечение информационной безопасности, предполагающее безопасную реализацию прав и свобод граждан в информационном пространстве, особенно в Интернете.

Проиллюстрируем сложившуюся ситуацию данными статистики. За I полугодие 2019 года в связи с совершением административных правонарушений, предусмотренных ст.ст. 13.11-13.14 КоАП РФ, в суды Российской Федерации первой инстанции на рассмотрение поступило 923 материала. Из них возвращены для устранения недостатков, имеющих в протоколах, 52 дела об административном правонарушении. Всего административному наказанию были подвергнуты 749 лиц, а общая сумма наложенных взысканий в виде административных штрафов составила 2 116 000 рублей.

В 2019 году только по ст. 13.15 КоАП РФ в суды Российской Федерации первой инстанции поступило 269 дел об административных правонарушениях. 55 из них возвращены для устранения недостатков. 142 лица были подвергнуты наказанию, общая сумма наложенных взысканий в виде административных штрафов составила

2 320 300 рублей*. За аналогичный период 2020 года по ст.ст. 13.11-13.14 КоАП РФ в суды первой инстанции на рассмотрение поступило 533 материала. Из них возвращен 51 протокол по делам об административных правонарушениях. Всего административному наказанию были подвергнуты 392 лица, а общая сумма наложенных взысканий в виде административных штрафов составила 9 415 200 рублей**.

Несмотря на то, что по сравнению с прошлым годом количество выявленных правонарушений сократилось практически в 2,5 раза, общая сумма взыскиваемых административных штрафов увеличилась более чем в 3 раза. Это объясняется значительным ростом размеров штрафных санкций за данные правонарушения в результате вступления в силу Федерального закона от 2 декабря 2019 г. N 405-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»***. При этом правомерность подобного увеличения размеров штрафов вызывает сомнение.

Основная часть составов административных правонарушений в области оборота информации в действующем законодательстве сосредоточена в главе 13 КоАП РФ. Вместе с тем правонарушения, совершаемые в области оборота информации, предусмотрены также статьями иных глав КоАП РФ.

Например, к составам данных правонарушений, не включенным в главу 13 КоАП РФ, относятся правонарушения, предусмотренные ст. 5.39 «Отказ в предоставлении информации», ст. 8.5 «Соккрытие или искажение экологической информации», ст. 15.21 «Использование служеб-

* Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 1 полугодие 2019 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

** Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 1 полугодие 2020 г. // Там же.

*** О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 дек. 2019 г. N 405-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

ной информации на рынке ценных бумаг» и др.

Причина, по которой данные составы административных правонарушений включены в иные главы Кодекса, заключается в объекте правонарушения. Указанные нормы устанавливают административную ответственность за совершение правонарушений в области информации в определенной сфере (экологическая информация, служебная информация), являясь специальными нормами.

В административно-правовой науке неоднократно предпринимались попытки классифицировать правонарушения, ответственность за которые установлена в статьях главы 13 КоАП РФ. Классификация информационных правонарушений представляется необходимой, поскольку она способствует упорядочению составов административных правонарушений. В результате процесс соотнесения противоправного деяния с элементами состава правонарушения становится более удобным, исключаются возможные ошибки в процессе квалификации.

Так, с позиции разделения информации по принадлежности к правовому режиму составы административных правонарушений можно разделить на следующие группы:

1. Административные правонарушения, посягающие на установленный законом порядок обеспечения конфиденциальности информации ограниченного доступа;

2. Административные правонарушения, посягающие на порядок применения информационно-коммуникационных технологий, используемых в информационном пространстве.

Под правовым режимом информации понимается режим, вводимый законом и позволяющий обеспечить комплексность воздействия в информационной сфере посредством совокупности регулятивных, охранительных и процессуальных средств, характеризующих особое сочетание дозволений, обязываний и запретов, а также гарантий по его соблюдению.

Конфиденциальная информация, а также информация ограниченного доступа представляют собой особый объект правовой защиты и охраны не только админи-

стративного, но и уголовного законодательства.

Нарушение правового режима информации ограниченного доступа влечет более строгую ответственность при назначении административного наказания. Это связано с тем, что совершение нарушений в отношении информации ограниченного доступа создает гораздо большую угрозу общественной безопасности и общественному порядку по сравнению с аналогичными действиями в отношении данных, не являющихся информацией ограниченного доступа.

Не случайно В.Е. Степенко и А.Г. Суханов полагают, что в современных условиях должно уделяться внимание порядку соблюдения соответствующими лицами правил разглашения информации с ограниченным доступом и недопущения злоупотребления свободой массовой информации. А это, в свою очередь, обязывает правоохранительные органы своевременно реагировать на факты совершения административных правонарушений в области оборота информации с принятием соответствующих мер [5, с. 44].

Анализ научной литературы показывает, что под разглашением информации следует понимать несанкционированное доведение защищаемой информации до лиц, не имеющих права доступа к этой информации. Доступ к информации означает реализацию информационных правомочий получения информации. При этом он неразрывно связан с исполнением служебных или профессиональных обязанностей.

Следует отметить, что конфиденциальная информация и информация ограниченного доступа не являются тождественными понятиями. Согласно ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» конфиденциальность информации – это обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя.

Перечень конфиденциальной информации установлен Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г.

№ 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера»*.

Согласно данному перечню к конфиденциальной информации относятся:

1) сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность (персональные данные), за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных федеральными законами случаях;

2) сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства;

3) служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами (служебная тайна);

4) сведения, связанные с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами (врачебная, нотариальная, адвокатская тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений);

5) сведения, связанные с коммерческой деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами (коммерческая тайна);

6) сведения о сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации информации о них;

7) сведения, содержащиеся в личных делах осужденных, а также сведения о принудительном исполнении судебных актов, актов других органов и должностных лиц.

В настоящее время сведения конфиденциального характера нередко распространяются посредством Интернета, а это усугубляет негативные последствия от совершения данных правонарушений. Масштабы правонарушений, совершаемых посредством информационных технологий,

постоянно возрастают. Анализ интернет-сайтов показывает, что нередко размещается недостоверная информация, а также информация, негативно отражающаяся на эмоциональном благополучии граждан. Это приводит к нарушению общественного порядка и общественной безопасности в интернет-пространстве. В связи с этим одной из первоочередных задач правоохранительных органов обоснованно можно назвать обеспечение информационной безопасности, подразумевающей безопасную реализацию прав и свобод граждан в Интернете.

С целью обеспечения защиты прав участников информационных отношений в ст. 13.15 КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации» были внесены поправки. В апреле 2020 года данная статья была дополнена частями 10.1, 10.2 и 11**.

Новые составы административных правонарушений устанавливают ответственность за распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях под видом достоверных сообщений заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. Кроме того, административная ответственность устанавливается за распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, повлекшее смерть человека, причинение вреда здоровью человека или имуществу, массовое нарушение общественного порядка и (или) общественной безопасности.

Значительно увеличилось и ужесточилось административные наказания. Например, санкция ч. 11 ст. 13.15 КоАП РФ устанавливает административное наказание в виде административного штрафа на юридических лиц в размере от 5 до 10 млн рублей. По нашему мнению, установленные меры административной ответственности объективно способствуют снижению количества административных

* Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера: указ Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188; ред. от 13 июля 2015 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 10. Ст. 1127; 2015. № 29 (ч. II). Ст. 4473.

** О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 1 апр. 2020 г. № 99-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

правонарушений в информационном пространстве. Однако соразмерность штрафных санкций противоправным деяниям вызывает сомнение.

Установление административной ответственности за правонарушения в области оборота информации характеризуется определенными сложностями. Трудности вызывает процесс квалификации деяний. При этом по причине неправильной квалификации административных правонарушений либо в результате неправильного заполнения процессуальных документов достаточно большой объем дел об административных правонарушениях в области оборота информации возвращается судьями должностным лицам, их составившим. Как следствие, подобные ошибки влекут за собой увеличение времени, затрачиваемого на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении, а также затягивание производства и пропуск сроков, установленных ст. 4.5 КоАП РФ [6, с. 121].

Имеют место и иные проблемы, связанные с процессом доказывания виновности, что обусловлено наличием ряда обстоятельств.

Во-первых, в правоприменительной деятельности возникают сложности при установлении события административного правонарушения, совершенного в информационном пространстве, по причине того, что выяснение места и определение точного времени совершения административного правонарушения требуют специальных познаний в области информационных технологий.

Подобные затруднения обоснованно объясняются спецификой правонарушений в области оборота информации, которые преимущественно совершаются дистанционно, с использованием компьютерной техники и иных технических устройств. Благодаря новейшим достижениям в области компьютерных технологий административное правонарушение может быть совершено практически в любом месте при наличии необходимых средств коммуникации. Данное обстоятельство влияет на сроки административного производства, а также оказывает существенное воздействие на реализацию мер административной ответственности.

Вместе с тем уровень технического оснащения, которым обладают правонарушители и которое используется с целью совершения противоправных действий, достаточно высок. Для предотвращения правонарушений в информационном пространстве в распоряжении правоохранительных органов в обязательном порядке должны быть необходимые технические средства, не уступающие по своим функциональным характеристикам устройствам, применяемым правонарушителями.

Во-вторых, ряд сложностей возникает при установлении конкретного лица, совершившего правонарушение. Дистанционный способ совершения правонарушений обеспечивает практически полную анонимность правонарушителя. Информационные технологии позволяют правонарушителю оставить минимальное количество следов, указывающих на него как на лицо, виновное в совершении административного правонарушения. В связи с этим одной из наиболее острых проблем в деятельности уполномоченных правоохранительных органов является проведение мероприятий, направленных на установление личности правонарушителя.

Еще одним значимым обстоятельством, создающим определенные трудности при реализации мер административной ответственности, является заметное отставание норм права, устанавливающих ответственность за данные правонарушения, от развития способов совершения и видов противоправных деяний в сети Интернет.

Несмотря на то, что изучением способов совершения противоправных деяний в большей степени занимаются представители науки уголовного права и криминалистики, следует предположить, что и для науки административного права знания о способах совершения правонарушений в сети Интернет являются необходимыми. Такие знания требуются для правильного проведения административного расследования, а также для постановки верных вопросов эксперту в рамках экспертизы, проводимой по делу об административном правонарушении.

Например, типичным способом совершения противоправных действий в сети Интернет стало трансформирование текстовой информации: замена отдельных слов

и словосочетаний в текстах, содержащих социально важные сведения, компилирование текстовой информации [7, с. 193].

Нередко правонарушителями под видом достоверных сообщений публикуется заведомо недостоверная общественно значимая информация, которая может повлечь причинение вреда здоровью человека или имуществу, массовые нарушения общественного порядка или общественной безопасности. При этом данные публикации осуществляются посредством серверов, которые находятся за пределами территории Российского государства, а следовательно, не подпадают под юрисдикцию Российской Федерации.

Распространенной стала практика использования файлообменников в противоправных целях. Файлообменник представляет собой промежуточный сервер, используемый для хранения информации. На данный сервер может быть загружена подлежащая распространению информация, получить доступ к которой можно, перейдя по ссылке. Таким образом, файлообменник – это своего рода цифровой «посредник», обеспечивающий доступ к файлам, а основная его функция – активный обмен информацией [8, с. 162].

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, представляющей собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений.

Интернет – чрезвычайно сложный объект государственного регулирования [9, с. 617]. Интернет постоянно развивается и совершенствуется, а это означает, что модернизируются и правоотношения, протекающие в нем. Можно говорить о том, что Интернет обладает определенной самостоятельностью и независимостью. И это еще более затрудняет правовое регулирование отношений в нем.

В соответствии с целями, указанными во вводной части статьи, автор пришел к следующим выводам:

1. С учетом различных точек зрения относительно понятия информации и информационного пространства были сформулированы дефиниции, которые являются наиболее приемлемыми для науки административного права.

Информация представляет собой сведения, имеющие смысловую ценность, которые могут быть как выражены в устной форме, так и зафиксированы на каком-либо материальном носителе.

Информационное пространство представляет собой особую сферу возникновения и развития общественных отношений, неотъемлемым элементом которой является информация.

2. Существуют различные виды правового режима информации. Совершение правонарушений, связанных с оборотом информации ограниченного доступа либо конфиденциальной информации, влечет более строгую административную ответственность.

3. Установление административной ответственности за правонарушения, совершенные в интернет-пространстве, сопровождается определенными сложностями, которые обусловлены спецификой сети Интернет, позволяющей совершить правонарушение дистанционным способом и скрыть личность правонарушителя. Для преодоления данных препятствий в арсенале правоохранительных органов должны иметься соответствующие технические средства.

Информационная сфера является системообразующим элементом жизни современного общества и активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации. По сравнению с традиционными правонарушениями, совершение противоправных деяний в рассматриваемой сфере наносит несопоставимо больший вред, поскольку охватывает неограниченное количество участников правоотношений.

Информация представляет собой многогранный, не поддающийся одностороннему описанию элемент правоотношений. Это связано прежде всего с природой информации, с многообразием ее форм, способов использования и передачи.

Список литературы

1. Нисневич Ю.А. Информационное пространство России: между телевизором и Интернетом // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2013. N 4. С. 5-14.
2. Кедровский О. Информационное пространство России // Информационные ресурсы России. 1994. N 4. С. 2-3.
3. Добровольская И.А. Понятие «информационное пространство»: различные подходы к его изучению и особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2014. N 4. С. 140-147.
4. Каткова М.В. Понятие «информационное пространство» в современной социальной философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2008. N 2. С. 23-26.
5. Степенко В.Е., Суханов А.Г. Применение административной ответственности за незаконную деятельность по разглашению информации с ограниченным доступом и злоупотребление свободой массовой информации // Административное право и процесс. 2019. N 2. С. 43-46.
6. Чепурных Д.А. Партикулярные проблемы производства по делам об административных правонарушениях // Современный юрист. 2015. N 2. С. 120-137.
7. Смирнов С.А. О некоторых способах совершения преступлений в сфере авторского и смежного права в сети «Интернет» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. N 3. С. 191-194.
8. Смирнов С.А. К вопросу о классификации способов совершения преступлений в сфере авторских и смежных прав в сети «Интернет» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. N 2. С. 161-166.
9. Касенова М.Б. Социальные сети в контексте трансграничного управления Интернетом // Правовые инновации в сфере противодействия коррупции: материалы Первого Евразийского антикоррупционного форума и VII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 30-31 мая 2012 г.) / отв. ред. Л.В. Андриченко, А.М. Цирин. М., 2012. С. 605-618.

References

1. Nisnevich Yu.A. Information space of Russia: between TV and Internet. Bulletin of the peoples' friendship University of Russia. Series: Political Science, 2013, no. 4, pp. 5-14. (In Russ.).
2. Kedrovskiy O. Information space of Russia. Information resources of Russia, 1994, no. 4, pp. 2-3. (In Russ.).
3. Dobovol'skaya I.A. The Concept of "information space": various approaches to its study and features. Bulletin of the peoples' friendship University of Russia. Series: literary Studies, journalism, 2014, no. 4, pp. 140-147. (In Russ.).
4. Katkova M.V. The concept of "information space" in modern social philosophy. Izvestiya Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2008, no. 2, pp. 23-26. (In Russ.).
5. Stepenko V.E., Sukhanov A.G. Application of administrative responsibility for illegal activities on disclosure of information with restricted access and abuse of freedom of mass media. Administrative law and process, 2019, no. 2, pp. 43-46. (In Russ.).
6. Chepurnykh D.A. Particular problems of proceedings in cases of administrative offenses. Modern lawyer, 2015, no. 2, pp. 120-137. (In Russ.).
7. Smirnov S.A. On some ways of committing crimes in the sphere of copyright and related law on the Internet. Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2016, no. 3, pp. 191-194. (In Russ.).
8. Smirnov S.A. On the issue of classification of ways to commit crimes in the sphere of copyright and related rights on the Internet. Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2017, no. 2, pp. 161-166. (In Russ.).
9. Kasenova M.B. Social networks in the context of cross-border Internet governance. Legal innovations in the field of anti-corruption. Moscow, 2012. Pp. 605-618. (In Russ.).

ЖАХИНА Д.А., ZHAKHINA D.A.,
dina-zhakhina@mail.ru, dina-zhakhina@mail.ru
Кафедра административной деятельности Chair of administrative activities
органов внутренних дел; of the internal affairs bodies;
Тюменский институт повышения Tyumen Advanced Training Institute
квалификации сотрудников of the Ministry of the Interior
Министерства внутренних дел of the Russian Federation,
Российской Федерации, Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75 625049, Russian Federation

КЛАССИФИКАЦИЯ РИСКОВ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается история появления термина «управление рисками» в теории права и российском законодательстве. На основе общего понятия риск-ориентированного подхода и анализа классификации рисков в общей теории права и в разных отраслях права в статье предлагается авторская классификация рисков в сфере безопасности дорожного движения. Обосновывается, что настоящую классификацию необходимо производить на основе Критериев отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в области безопасности дорожного движения к категориям риска, определенных Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2013 г. N 716 «О федеральном государственном надзоре в области безопасности дорожного движения».

Ключевые слова: риск; управление рисками; безопасность дорожного движения; риск-ориентированный подход; классификация.

Для цитирования: Жахина Д.А. Классификация рисков в сфере безопасности дорожного движения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 4 (54). С. 82-88.

CLASSIFICATION OF RISKS IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC SAFETY

Annotation. The history of the term “risk management” in the theory of law and Russian legislation is considered in the article. Basing on the general concept of the risk-based approach, as well as the analysis of risks classification in the general theory of law and in different branches of law, the author of the article proposes her own classification of risks in the field of road traffic safety. It is substantiated that such classification should be based on the Criteria for assigning the activities of legal entities and individual entrepreneurs in the field of road traffic safety to the risk categories determined by the Resolution of the Government of the Russian Federation of August 19, 2013 No. 716 “On Federal State Supervision in the Field of Road Traffic Safety”.

Keywords: risk; risk management; road traffic safety; risk-based approach; classification.

For citation: Zhakhina D.A. Classification of risks in the field of road traffic safety // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 4 (54). P. 82-88.

Термин «управление рисками» впервые появился около 50 лет назад в экономической деятельности. Это стало так называемым побочным эффектом активного развития экономики, науки и техники, технологически сложных процессов производства, открытия новых видов энергии и явлений, без которых современное общество не может представить свое существование. В условиях стремительного развития сфер экономической деятельности возрастает вероятность рисков различного характера. Одним из критериев устойчи-

вого развития экономики и общества в целом является снижение рисков, в связи с этим вопросам управления рисками и исследованию вопросов теории рисков начали уделять пристальное внимание. Проблемы, связанные с выявлением и оценкой рисков, стали предметом исследования многих ученых.

В числе первых исследований следует назвать работу В.А. Ойгензихта «Проблемы риска в гражданском праве» [1], в которой еще в 1972 году была предпринята попытка рассмотрения раз-

личных аспектов риска в советском праве. В.А. Ойгензихт определяет риск как субъективную категорию, существующую параллельно с виной либо вместе с ней, психическое отношение субъектов к результату собственных действий или к поведению других лиц, выражающееся в осознанном допущении отрицательных, в том числе невозместимых имущественных последствий. Помимо психического отношения субъектов, автор относит к риску такие объективные явления, как опасность и угроза.

Далее исследователь, детально раскрывая категорию риска, утверждает, что «опасность – это не риск, она существует сама по себе и до определенного момента не связана с риском» [1, с. 77-78]. Он подчеркивает, что опасность и угроза являются тождественными понятиями, определяются возможностью наступления вредных последствий, превращения этой возможности в действительность. Автор утверждает, что само по себе субъективное допущение вероятности несения ущерба, принятие возможности отрицательных последствий при определенных обстоятельствах, как правило, случайных, как раз и составляет категорию риска. По мнению ученого, разграничивать такие понятия, как риск и опасность, нецелесообразно, так как под риском понимается опасность, которую человек старается избежать и свести к минимуму.

В современном гражданском праве выделяется три концепции риска: объективная, субъективная и дуалистическая [2, с. 91]. В то же время, как справедливо отмечает Д.А. Горячкина, до сих пор в рамках норм Гражданского кодекса Российской Федерации не выработана единая концепция применения данного термина [2, с. 96].

Исследователи публичных отраслей права обратились к изучению данного термина позже. В уголовном праве риск впервые был законодательно закреплен в 1996 году посредством введения определения «обоснованный риск» (ст. 41 УК РФ). Следует согласиться с Ю.А. Тихомировым, отмечающим, что рискам в публичном праве, в отличие от частного права, для которого характерны конкретные угрозы в сфере локально-правового регулирова-

ния, присуща большая степень угрозы для базовых устоев общества и государства, института законности [3, с. 9].

Методы управления рисками все шире исследуются и применяются для обеспечения конкретных видов безопасности, в частности экономической, экологической, промышленной, техногенной, национальной безопасности, безопасности здоровья и жизнедеятельности. На сегодняшний день как учеными, так и субъектами хозяйственной деятельности осознана необходимость анализа, учета и оценки риска, выявления основных факторов, определяющих уровень риска и выработку методов снижения риск-образующих факторов.

Немаловажное значение риск-ориентированный подход получил и в деятельности МВД России, прежде всего в сфере обеспечения безопасности движения, миграции, контроля за оборотом наркотических средств и др.

Таким образом, управление риском объективно необходимо для многих ключевых сфер деятельности современного общества.

Вопросы обеспечения безопасности дорожного движения, несмотря на принимаемые государственные меры, остаются в центре внимания как субъектов законотворчества, так и правоприменения. Изучению проблем безопасности дорожного движения посвящено более 130 диссертационных исследований. В частности, данную проблему изучали такие авторы, как В.И. Майоров, Б.В. Россинский, А.В. Здольник, Н.П. Балашова, М.А. Макаренко, С.Н. Дмитриев, Л.В. Сандалов, Д.Г. Домрачев, С.Е. Герштейн, Б.И. Борбиев, Е.А. Войтенков, и др.

В то же время комплексные исследования вопросов риск-ориентированного подхода в обеспечении безопасности дорожного движения не проводились.

В.И. Майоров обращает внимание на несовершенство законодательных инициатив в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и, как следствие, отсутствие мероприятий по управлению рисками в данной сфере, в частности в разработанном ГИБДД МВД России Плана по реализации Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Феде-

рации на 2018-2024 годы*. Как отмечает автор, «в каждом из направлений присутствуют отдельные мероприятия, которые направлены на минимизацию указанных в Стратегии рисков, однако создание системы управления рисками БДД на их основе является затруднительным» [4, с. 86].

При этом определение риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) было впервые введено в российское законодательство в 2015 году**. Согласно ст. 8.1 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. N 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» под риск-ориентированным подходом понимается «метод организации и осуществления государственного контроля (надзора), при котором в предусмотренных... случаях выбор интенсивности (формы, продолжительности, периодичности) проведения мероприятий по контролю, мероприятий по профилактике нарушения обязательных требований определяется отнесением деятельности юридического лица, индивидуального предпринимателя и (или) используемых ими при осуществлении такой деятельности производственных объектов к определенной категории риска либо определенному классу (категории) опасности»***.

Введение данного определения направлено на выявление степени реальной

угрозы деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан в сфере безопасности дорожного движения. В последующем, как предполагается, это должно способствовать установлению ответственности конкретного предприятия в случае обнаружения нарушений в сфере безопасности дорожного движения, анализа и прогнозирования состояния исполнения обязательных требований при осуществлении юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами своей деятельности.

По мнению разработчиков проекта Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», юридическая конструкция термина «риск-ориентированный подход» должна содержать детализированный порядок проведения мероприятий по контролю и порядку проведения проверок, фиксации допущенных нарушений, сбору и использованию информации, дополнительных особенностей проведения отдельных действий****.

Правительством Российской Федерации утвержден Перечень видов государственного контроля (надзора), осуществляемого с применением риск-ориентированного подхода, одним из которых является федеральный государственный надзор в области безопасности дорожного движения*****.

В целях применения риск-ориентированного подхода при осуществлении федерального надзора в области безопасности дорожного движения

* Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы: распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 янв. 2018 г. N 1-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. N 5. Ст. 774.

** О внесении изменений в Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»: федер. закон от 13 июля 2015 г. N 246-ФЗ // Там же. 2015. N 29. Ст. 4372.

*** О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федер. закон от 26 дек. 2008 г. N 294-ФЗ // Там же. 2008. N 52. Ст. 6249.

**** Проект Федерального закона N 332053-7 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>

***** О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 17 авг. 2016 г. N 806 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 35. Ст. 5326.

Правительством Российской Федерации* внесены изменения в Положение о федеральном государственном надзоре в области безопасности дорожного движения**, которыми деятельность субъекта надзора включена в категорию риска на основании критериев отнесения деятельности субъектов надзора в области безопасности дорожного движения к категориям риска.

Для определения категорий рисков законодательство предъявляет обязательные требования при проведении проверок: к строительству и реконструкции автомобильных дорог; эксплуатационному состоянию и ремонту автомобильных дорог; установке и эксплуатации технических средств организации дорожного движения; конструкции и техническому состоянию находящихся в эксплуатации автотранспортных средств, прицепов к ним и предметов их дополнительного оборудования; изменению конструкции автотранспортных средств и прицепов к ним; перевозкам пассажиров и грузов, в том числе тяжеловесных, опасных и крупногабаритных грузов; соблюдению правил дорожного движения.

Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» (далее – ФЦП «Повышение БДД»), утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 октября 2013 г. N 864, предусматривает следующие типы рисков, которые отнесены к целевым индикаторам и показателям указанной программы:

– социальный риск (число лиц, погибших в дорожно-транспортных происшествиях, на 100 тыс. населения);

– транспортный риск (число лиц, погибших в дорожно-транспортных про-

исшествиях, на 10 тыс. транспортных средств)***.

Законодательство определяет закрепленные категории рисков как правовые риски, которые не являются универсальными.

А.Р. Абдульязнов дополнительно выделяет технологический и правовой риски.

К технологическому риску он относит:

1) техническое оснащение и состояние транспортного средства;

2) состояние дорожно-транспортной системы;

3) климатические условия.

К правовому риску исследователем отнесены:

1) административные санкции, включая их эффективность;

2) нарушение правил дорожного движения;

3) соотношение вины и наказания.

При этом А.Р. Абдульязнов в отличие от разработчиков ФЦП «Повышение БДД» социальные и транспортные риски рассматривает шире, включая в них иные индикаторы. Например, к социальному риску он относит социальные факторы, связанные с участниками дорожного движения, которые в процессе дорожного движения непосредственно осуществляют взаимодействие между собой и, соответственно, от их личностных качеств, уровня конфликтности повышаются социальные риски.

Транспортный риск рассматривается А.Р. Абдульязновым не только через призму самих транспортных средств. Им учитываются также характеристики автомобильных дорог и дорожного движения [5, с. 126-127].

А.А. Арямовым классификация рисков осуществлена следующим образом:

– по источнику происхождения: атмосферные (буря, ураган), геологические (землетрясение), космические (падение метеорита), биологические (эпидемии, эпизоотии), социальные, к которым отнесены, в частности, деликтные, полити-

*** Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах»: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 окт. 2013 г. N 864 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 41. Ст. 5183.

* О внесении изменений в Положение о федеральном государственном надзоре в области безопасности дорожного движения: постановление Правительства Российской Федерации от 17 февр. 2018 г. N 172 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** О федеральном государственном надзоре в области безопасности дорожного движения: постановление Правительства Российской Федерации от 19 авг. 2013 г. N 716 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 34. Ст. 4446.

ческие, катастрофические, рыночные и правовые;

– сфере возникновения: внешние, (не связанные с деятельностью рискующего субъекта, «пришедшие» извне) и внутренние (закрывающиеся в деятельности рискующего субъекта);

– длительности существования: длящиеся (социально-экономический кризис), разовые (мошенничество, злоупотребление доверием);

– критерию волеизъявления субъекта: договорные (страховой риск) и недоговорные (падение курсов валют);

– степени правомерности: правомерные (обоснованные) и неправомерные (необоснованные) [6, с. 33-36].

Изучению проблемы правовых рисков посвящены исследования Ю.А. Тихомирова, который предлагает условно классифицировать риски в правовой среде на основе ряда критериев следующим образом:

«а) по сферам; б) по масштабу – отраслевые, локальные, областные; в) неожиданные риски; г) предвидимые, ожидаемые; д) повторяющиеся в нормальных ситуациях; е) риски в условиях критических, кризисных ситуаций; ж) риски извне правовой среды», которые он также подразделяет на 4 уровня по степени их предсказуемости и масштаба опасности для субъекта [7, с. 11].

В сфере управления ученый выделяет три основные категории рисков:

а) ошибки в проведении административных преобразований;

б) риски, порождаемые противоречиями в процессе подготовки, принятия и выполнения подзаконных правовых актов;

в) риски, связанные с процессом подбора и использования работников государственных органов, учреждений и организаций, когда допускаются ошибки, порождающие коррупционные проявления [3, с. 10-11].

В зависимости от характера и объема, по мнению Ю.А. Тихомирова, «риски могут быть постепенно возникающими и временными, предвидимыми и ожидаемыми, повторяющимися и неожиданными, рисками по формуле форс-мажор» [7, с. 18].

Обобщая имеющиеся классификации рисков, Ю.В. Леднева отмечает, что все

подходы к классификации рисков можно разделить на две группы:

1) универсальные, применяемые к рискам в любой сфере деятельности (экономической, политической, социальной и др.);

2) правовые, связанные с конкретной отраслью права, законодательством, нормой права или основанные на них [8, с. 43].

Ю.В. Ледневой к универсальным классификациям рисков, которые актуальны для любой сферы их возникновения, отнесены риски, связанные с возможностью наступления негативных последствий, а также различающиеся по степени их тяжести:

– допустимые, критические и катастрофические;

– минимальные, повышенные, критические;

– значительные и незначительные;

– риски с катастрофическими последствиями, риски высокой значимости, средней значимости, незначительные.

А.А. Арямов к универсальной классификации относит деление рисков по источнику возникновения: 1) внешний, когда риск возникает извне и не связан с деятельностью рискующего субъекта; 2) внутренний, обусловленный деятельностью рискующего субъекта [6, с. 33-36]. В качестве примера можно привести погодные явления, в результате которых пострадало дорожное покрытие, то есть возник внешний риск, а если при ремонте дороги не установлены в соответствии с требованиями ограждения, то это уже внутренний риск, непосредственно связанный с деятельностью рискующего субъекта.

В сфере безопасности дорожного движения выделяется классификация рисков в зависимости от составных элементов дорожного движения: человек, автомобиль, дорога. Риски, связанные с человеком, обусловлены количеством пострадавших; риски, связанные с дорогой, – техническими характеристиками элементов дороги; с транспортными средствами связаны риски, которые зависят от их технических характеристик [4, с. 49-50].

В.И. Майоров отмечает: «безопасность дорожного движения зависит от состояния правопорядка, особенностей взаимодействия человека с техникой, ор-

ганизации дорожного движения, благоустройства дорог, развития автомобилизации и т.д.» [9, с. 9].

С целью сокращения рисков, возникающих в процессе дорожного движения, а также для обеспечения безопасности дорожного движения автор предлагает «под безопасностью в сфере дорожного движения понимать специфическое состояние упорядоченных в результате нормотворчества и правореализации общественных отношений...» [9, с. 9]. Сами риски в сфере безопасности дорожного движения, по его мнению, заключаются в возможности причинения вреда участникам дорожного движения в результате произошедших дорожно-транспортных происшествий, а точнее, от их последствий [9, с. 10-11].

Таким образом, под управлением рисками следует понимать целостную совокупность элементов, образующих процесс, направленный на выявление причин и факторов, способствующих возникновению рисков, принятие управленческих решений, направленных на снижение факторов риска, посредством которых осуществляется контроль за рисками. В данный процесс вовлечены все субъекты дорожного движения, и решение задачи управления рисками, возникающими в сфере безопасности дорожного движения, является особо важным.

В целом соглашаясь с приведенными выше мнениями авторов, следует отметить, что в законодательной и научной классификациях рисков до настоящего времени отсутствует единый подход. Виды правовых рисков совпадают с количеством отраслей права и требуется принимать во внимание специфику отрасли права и риск-образующие факторы в конкретной отрасли права, а это не учитывается в законотворчестве при выработке мер по минимизации рисков в сфере безопасности дорожного движения. Кроме того, представляется, что применение риск-ориентированного подхода в управлении риском в сфере без-

опасности дорожного движения предполагает выявление риск-образующих факторов, анализ рискованных ситуаций, устранение и минимизацию рисков, выявление новых методов классификации, выраженных в разработке управленческого решения в форме правового акта, направленного на минимизацию рисков.

По нашему мнению, критерии отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в области безопасности дорожного движения к категориям риска, определенные Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2013 г. N 716, позволяют классифицировать риски следующим образом:

– по виду деятельности (строительство и реконструкция автомобильных дорог, техническое обслуживание и ремонт транспортных средств, перевозка пассажиров и грузов, в том числе тяжеловесных, опасных и крупногабаритных грузов);

– находящимся в эксплуатации транспортным средствам (транспортные средства, предназначенные для перевозки пассажиров, транспортные средства с изменением конструктивных и технических характеристик);

– оценке вероятности возникновения негативных последствий в результате несоблюдения обязательных требований с учетом тяжести негативных последствий (совершение лицом преступления, повлекшего причинение вреда здоровью или смерть человека либо смерть двух или более лиц, административного правонарушения, повлекшего причинение вреда здоровью);

– количеству вступивших в определенный временной промежуток в силу приговоров суда о привлечении к уголовной ответственности и (или) решений о назначении административного наказания за совершение административных правонарушений, определенных Правительством Российской Федерации.

Список литературы

1. Ойгензихт В.А. Проблемы риска в гражданском праве. (Часть общая) / М-во нар. образования Таджикской ССР, Таджикский гос. ун-т им. В.И. Ленина. Душанбе: Ирфон, 1972. 224 с.
2. Горячкина Д.А. К вопросу о категории «риск» в теории гражданского права // Вестник Пермского государственного университета. 2011. N 3 (13). С. 90-98.

3. Риск в сфере публичного и частного права: [коллективная монография] / [Ю. А. Тихомиров и др.]; науч. ред. Ю.А. Тихомиров, М.А. Лапина. М.: ОТ и ДО, 2014. 310 с.
4. Создание системы управления рисками в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: монография / В.И. Майоров, С.В. Горовенко, А.К. Костылев и др. Челябинск: Цицеро, 2018. 132 с.
5. Абдульязнов А.Р. Виды рисков в системе дорожно-транспортной безопасности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2018. N 2 (46). С. 123-134.
6. Арямов А.А. Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ: монография. 2-е изд., перераб и доп. М.: РАП; Волтерс Клувер, 2010. 208 с.
7. Тихомиров Ю.А. Риск в праве: природа и причины // Право и современные государства. 2016. N 6. С. 9-19.
8. Риски финансовой безопасности: правовой формат: монография / О.А. Акопян, С.Я. Боженок, О.В. Веремеева и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. М.: ИЗиСП; НОРМА, ИНФРА-М, 2020. 304 с.
9. Майоров В.И. Управление риском в системе обеспечения безопасности дорожного движения // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. N 3. С. 8-12.

References

1. Oygenziht V.A. Risk problems in civil law. (General part). Dushanbe, Irfon Publ., 1972. 224 p. (In Russ.).
2. Goryachkina D.A. On the issue of the category "risk" in the theory of civil law. Bulletin of Perm state University, 2011, no. 3 (13), pp. 90-98. (In Russ.).
3. Tihomirov Yu.A. i dr. Risk in the sphere of public and private law. Moscow, OT I DO Publ., 2014. 310 p. (In Russ.).
4. Mayorov V.I., Gorovenko S.V., Kostylev A.K. i dr. Creating a risk management system in the field of road safety. Chelyabinsk, Cicero Publ., 2018. 132 p. (In Russ.).
5. Abdul'zyanov A.R. Types of risks in the road safety system. News of higher educational institutions. Volga region, 2018, no. 2 (46), pp. 123-134. (In Russ.).
6. Aryamov A.A. General risk theory: legal, economic, and psychological analysis. Moscow, RAP; Volters Kluver Publ., 2010. 208 p. (In Russ.).
7. Tihomirov Yu.A. Risk in the law of nature and reason. Law and modern States, 2016, no. 6, pp. 9-19. (In Russ.).
8. Akopyan O.A., Bozhenok S.Ya., Veremeeva O.V. i dr. Financial security risks: legal format. Moscow, IZiSP, NORMA, INFRA-M Publ., 2020. 304 p. (In Russ.).
9. Mayorov V.I. Risk management in the road safety system. Bulletin of the Ural Institute of Economics, management and law, 2018, no. 3, pp. 8-12. (In Russ.).

АНДРЕЕВ Д.В., ANDREEV D.V.,
adv1986@rambler.ru adv1986@rambler.ru
Адъюнктура; Postgraduate courses;
Омская академия Омск Academy of the Ministry
Министерства внутренних дел of the Interior of the Russian Federation,
Российской Федерации, Komarova Ave. 7, Omsk, 644092,
644092, г. Омск, просп. Комарова, 7 Russian Federation

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ УГРОЗ, ИСХОДЯЩИХ ОТ ПРОДАЖИ ИМ АЛКОГОЛЬНОЙ ИЛИ ИНОЙ СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам детской и подростковой алкоголизации. В работе рассматриваются меры профилактики детского алкоголизма, принимавшиеся в России в различные периоды. Одной из важнейших профилактических мер названо ограничение доступности несовершеннолетним алкогольной продукции. Административная ответственность за розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции предусмотрена частью 2.1 статьи 14.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В результате анализа законодательства, материалов правоприменительной практики, научной литературы по исследуемой теме автором статьи сделан вывод о том, что данная норма не может быть признана эффективной мерой защиты несовершеннолетних. С целью разрешения выявленных проблем в рассматриваемой сфере предложено, в частности, внести изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность; алкогольная продукция; спиртосодержащая пищевая продукция; административно-правовая защита несовершеннолетних; специальный субъект правонарушения.

Для цитирования: Андреев Д.В. Административно-правовая защита несовершеннолетних от угроз, исходящих от продажи им алкогольной или иной спиртосодержащей продукции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 4 (54). С. 89-97.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION OF MINORS AGAINST THREATS ARISING FROM SELLING ALCOHOLIC BEVERAGES OR OTHER PRODUCTS CONTAINING ALCOHOL TO THEM

Annotation. The article is devoted to the problematic issues of child and adolescent alcoholism. The author of the article examines the measures taken to prevent child alcoholism in Russia in different time periods. The restriction of the availability of alcoholic beverages to minors is recognized as one of the most important preventive measures. Administrative responsibility for the retail sale of alcoholic beverages to a minor is provided by part 2.1 of Article 14.16 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. Basing on the results of the analysis of legislation, materials of law enforcement practice, as well as scientific literature concerning the subject under study, the author of the article came to the conclusion that this rule cannot be recognized as an effective measure for the protection of minors. In order to resolve the identified problems in the considered area, it is proposed to amend the Code of Administrative Offences of the Russian Federation.

Keywords: law enforcement activities; alcoholic beverages; food products containing alcohol; administrative and legal protection of minors; special subject of the offence.

For citation: Andreev D.V. Administrative and legal protection of minors against threats arising from selling alcoholic beverages or other products containing alcohol to them // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 4 (54). P. 89-97.

Проблема злоупотребления алкогольной продукцией существовала в разные периоды развития Российского государства. Общество сталкивалось с серьезными негативными последствиями злоупотребления спиртными напитками, и это требовало принятия от государства решительных мер, таких, например, как

полный запрет продажи и потребления алкогольной продукции в 1914 году и запрет производства и продажи ликероводочной продукции в 1980 году.

Следует отметить, что проблема алкоголизации остается актуальной и для современной России. При этом наибольшего внимания требуют вопросы детского и подросткового алкоголизма, а также профилактики потребления алкоголя гражданами данной категории. Специалисты и ученые, исследующие проблемы детского алкоголизма, высказывают единое мнение о том, что даже слабоалкогольный напиток в незначительных дозах способен нанести существенный вред детскому организму.

Проблемы, связанные с детским алкоголизмом, известны в России достаточно давно. Существовали обычаи и традиции, которые способствовали привыканию к алкоголю с детства. Например, детский врач В.Ф. Якубович в 1893 году описывал факты того, как в семьях низшего сословия детей приучали к потреблению водки с грудного возраста. В тот период времени влияние спиртных напитков на организм человека было недостаточно изучено. Считалось, что если давать детям водку, то став взрослыми, они не будут употреблять спиртные напитки [1, с. 31]. В работах детского врача Г.П. Горячкина отмечалось, что в бедных слоях населения спиртосодержащая жидкость считалась универсальным лечебным средством [см.: 2, с. 4].

С началом XX века связано углубленное изучение влияния алкоголя на организм. И.В. Сажин в работе «Влияние алкоголя на нервную систему и особенности развивающегося организма» описал результаты исследований о влиянии алкоголя на нервную систему ребенка, согласно которым даже незначительные дозы спиртного губительно сказываются на функционировании мозга человека [см.: 2, с. 6]. Доктор медицины К.В. Шмидт утверждал, что противодействовать алкоголизации возможно при активной деятельности государства «...путем издания законов по ограничению продажи и потребления алкоголя, введением обязательного преподавания в школах учения о вреде алкоголя, проведением антиалкогольных лекций» [цит. по: 3, с. 196].

В тот же период возникла идея о полном отказе от алкоголя. Она поддерживалась в период правления Николая II, когда государством оказывалось содействие в проведении пропаганды трезвого образа жизни. Антиалкогольная программа активно разворачивалась, и уже к 1900 году на территории Российской империи насчитывалось 461 общество трезвости, а в 1911 году – 1767 [4, с. 82].

Наравне с врачами и педагогами активно принимали участие в антиалкогольной компании и священнослужители. Ими была организована деятельность детских трезвеннических кружков. Следует отметить, что антиалкогольная программа в общеобразовательных организациях финансировалась только в Центральной России. В Сибири организация трезвеннических кружков осуществлялась церковно-приходскими школами [4, с. 83].

Работе государственных программ, направленных на противодействие алкоголизации детей, помешали негативные факторы:

1) вступление Российской империи в Первую мировую войну;

2) Гражданская война в России.

Последствия этих факторов привели к тому, что сотни тысяч детей остались без попечения родителей и близких родственников, и это стало причиной резкого роста безнадзорности несовершеннолетних. Согласно статистике, в 1921 году беспризорников насчитывалось более 4,5 млн, а в 1922 году – около 7 млн [5, с. 32]. Безнадзорность является одной из социальных причин потребления несовершеннолетними алкогольных напитков и массового детского алкоголизма. Как отмечает Н. Тяпугин, за период с 1924 по 1925 год на учет в Московском наркодиспансере было поставлено 800 детей в возрасте до 18 лет с диагнозом «алкоголизм». Из 100 беспризорных детей, ночевавших в московских ночлежках, 35-40 потребляли алкоголь [6, с. 62].

Для решения данной проблемы требовалось принятие действенных государственных мер. В 1919 году был издан Декрет об учреждении Совета по защите детей под председательством наркома просвещения А.В. Луначарского. Задача Совета состояла в помещении беспризорников в стационарные учреждения, обеспече-

нии продовольствием и т.д., а в результате – в уменьшении количества беспризорных детей. В 1921 году образована Комиссия по улучшению жизни детей под руководством Ф.Э. Дзержинского. Беспризорников ставили на учет в милиции, государственном политическом управлении. Создавались детские воспитательные учреждения интернатного типа – детские дома, трудовые коммуны, школы-колонии [5, с. 33]. Достичь поставленных задач помешала Великая Отечественная война.

С начала Великой Отечественной войны производство и потребление алкогольной продукции осуществлялось под строгим контролем государства. В 1941 году Государственным комитетом обороны утверждено постановление N 562 «О введении водки на снабжение в действующей Красной Армии»*. Данное постановление регламентировало не только порядок поставок алкогольной продукции для нужд Красной армии с целью применения в медицине, для смазки и протирки инженерных и электрических узлов и агрегатов, но и потребление алкоголя среди военнослужащих.

Следует отметить, что в период войны произошло резкое сокращение производства алкогольной продукции. Некоторые заводы по ее производству перешли на выпуск зажигательной смеси («коктейль Молотова»). В части городов Советского Союза водочная продукция отсутствовала в розничной торговле, что, безусловно, отразилось на снижении количества потребления алкогольной продукции как среди взрослого населения, так и среди несовершеннолетних.

На низком уровне потребление алкогольной продукции находилось и в первые годы после окончания Великой Отечественной войны из-за высокой цены на эту продукцию [7, с. 77].

В послевоенный период противодействие алкоголизму продолжилось. С развитием и укреплением идеи прав и свобод ребенка в Европе и мире все большее внимание уделяется вопросам защиты жизни и здоровья детей. В связи с этим изучение влияния спиртных напитков на детский организм стало масштабным.

* ГКО постановляет // Военно-исторический журнал. 1992. N 4-5. С. 22.

Исследователями в области медицины указывается, что не только крепкие спиртные напитки вредны организму несовершеннолетнего, но и слабоалкогольные продукты чрезвычайно опасны и наносят серьезный вред. В 2009 году Л.А. Новикова и Н.С. Ишеков, исследовавшие особенности вегетативной регуляции сердечной деятельности при пивной алкоголизации у несовершеннолетних, пришли к выводу о негативном влиянии пива на функциональное состояние сердечно-сосудистой системы [8, с. 20].

В современных условиях, учитывая полученные знания о вреде алкогольной и спиртосодержащей продукции, граждане не используют ее в качестве лекарственного средства и для профилактики потребления детьми в дальнейшем. Вместе с тем уровень детского и подросткового алкоголизма остается высоким.

Согласно данным Росстата, в 2019 году в Российской Федерации на профилактическом учете в связи с употреблением алкоголя с вредными последствиями состояло 12 557 несовершеннолетних**.

На государственном уровне алкоголизм признается угрозой национальной безопасности. В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683***, одной из главных угроз национальной безопасности является массовое распространение алкоголизма. 30 декабря 2009 г. Распоряжением Правительства Российской Федерации N 2128-р утверждена Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года**** (далее – Концепция). Данная Концепция определяет цели, задачи и механизмы реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продук-

** Росстат: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru>

*** См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 1 (ч. II). Ст. 212.

**** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 2. Ст. 264.

цией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации.

Следует отметить, что на территории Российской Федерации происходит ежегодное увеличение производства и продажи слабоалкогольных напитков, включая пиво. Сочетание этилового спирта и тонизирующих веществ (в частности, кофеина) в составе слабоалкогольных напитков ускоряет пристрастие населения, особенно несовершеннолетних, к алкогольной продукции.

Спиртные напитки способствуют развитию психологических отклонений и патологий. Учеными в области медицины отмечается, что ребенок становится неуравновешенным, замыкается в себе, это приводит к отклонению от общепринятых норм и впоследствии совершению противоправных деяний (делинквентности).

Подростки, не усвоив в полной мере нравственные нормы и будучи неспособными отдавать отчет своим деяниям, склонны к совершению правонарушений. Анализ статистических данных МВД России позволяет сделать вывод об отрицательной динамике преступлений, совершенных несовершеннолетними. Например, в 2018 году лицами, не достигшими совершеннолетия, в состоянии алкогольного опьянения совершено 1485 преступлений, в 2019 году – 1410 преступлений, за 6 месяцев 2020 года – 688 (АППГ – 722)*. При этом необходимо учитывать фактор ограничительных мероприятий в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

Одной из причин делинквентности несовершеннолетних лиц является доступность спиртосодержащей продукции. Концепция предусматривает ряд мер, которые должны способствовать снижению потребления населением, в том числе несовершеннолетними, алкогольной продукции, а также заболеваемости алкоголизмом. Важнейшими мерами следует считать ограничение доступности алкогольной продукции путем четкой регламентации розничной продажи по месту и времени, усиление административной ответственности за роз-

ничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним, а также установление уголовной ответственности за неоднократное совершение указанных деяний.

При отпуске алкогольной продукции несовершеннолетним торговые организации стремятся к получению прибыли, пренебрегая нравственными нормами. Тем самым причиняется вред здоровью несовершеннолетних и создаются условия для совершения ими преступлений. Как отмечает В.С. Соловьев, «человек, который пренебрегает нравственными интересами и действует только из-за выгоды или из самолюбия, заслуживает всякого осуждения <...> нравственные интересы отдельных людей порождают общий нравственный интерес народа, относящийся уже не к отдельным единицам, а к народной совокупности» [9, с. 238]. Изложенное подчеркивает то, что принимать участие в решении проблем детской алкоголизации должны не только ученые и органы государственной власти, но и каждый гражданин, общество в целом.

Исследователями проблем детского алкоголизма высказываются предложения об установлении административного воздействия на самих приобретателей алкоголя. Например, в 2013 году был подготовлен законопроект, предусматривавший административную ответственность за приобретение алкогольной продукции лицами, не достигшими 21 года. По мнению разработчика проекта закона, воздействие только на предприятия торговли является малоэффективным, необходимо применение мер государственного принуждения к покупателям алкоголя. Настоящий законопроект вызвал множество споров, в первую очередь в части предложения о повышении возраста несовершеннолетия до 21 года, что в итоге стало одной из причин его отклонения**.

С подобной инициативой в 2016 году выступило Министерство промышленно-

* Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

** Пояснительная записка к законопроекту «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части, касающейся привлечения к административной ответственности за приобретение алкогольной продукции лицом, не достигшим 21 года)» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>

сти и торговли Российской Федерации, которое предложило ввести административную ответственность для лиц, достигших возраста 16-17 лет, за приобретение алкогольной продукции*. По мнению представителя Минпромторга России, данное правонарушение совершают обе стороны – лицо, отпускающее товар (алкогольную продукцию), и лицо, его приобретающее, однако в случае совершения деликта к ответственности привлекается только продавец. Вместе с тем несовершеннолетние, не понесшие наказание, совершают их в дальнейшем [10].

Считаем, что привлечение лиц, достигших возраста 16-17 лет, к административной ответственности за приобретение алкогольной продукции – справедливая и эффективная мера профилактики детского алкоголизма, так как они осознают противоправность своих действий. Кроме того, полагаем необходимым привлечение родителей лиц, не достигших 16-летнего возраста, к административной ответственности по аналогии со ст. 20.22 КоАП РФ, согласно которой ответственность за нахождение в состоянии опьянения либо потребление алкогольной продукции лицом, не достигшим возраста 16 лет, несет родитель или иной законный представитель.

Позицию, направленную на защиту несовершеннолетних от продажи им алкогольной продукции, занимает А.И. Смоляков. Автор предлагает введение общественного контроля во всех субъектах Российской Федерации. В настоящее время общественный контроль осуществляется в Пермском крае в рамках Закона от 21 декабря 2011 г. N 888-ПК «Об общественном (гражданском) контроле в Пермском крае»**. Общественный контроль предполагает, что инициативная группа минимум из трех человек, один из которых обязательно должен быть совершеннолетним лицом, наблюдает за торговыми объектами с целью недопущения продажи алкогольной

продукции несовершеннолетним. Маршрут и торговые объекты инициативная группа выбирает самостоятельно. В случае обнаружения такого рода правонарушения группа информирует ближайшую дежурную часть полиции с целью дальнейшего принятия мер реагирования и документирования правонарушения [11, с. 95].

По нашему мнению, множество вопросов возникает при осуществлении такого рода деятельности с привлечением несовершеннолетних лиц. Например, о субъекте ответственности в случае возникновения конфликта и причинения какого-либо вреда здоровью несовершеннолетнему или о мерах, которые может принимать инициативная группа в отношении лиц, купивших алкогольную продукцию, до прибытия сотрудников полиции.

В пункте 11 ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. N 171-ФЗ. «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»*** (далее – Федеральный закон N 171-ФЗ) установлен запрет на розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним. Административная ответственность за розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним предусмотрена частью 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ

Анализ статистических данных МВД России показал, что в 2018 году на территории Российской Федерации полицией пресечено 22 654 правонарушения, предусмотренных ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ, в 2019 году произошло незначительное снижение (до 22 391). Данный вид правонарушений составляет 40 % от общего числа правонарушений, связанных с несоблюдением правил торговли алкогольной продукцией****.

*** О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федер. закон от 22 нояб. 1995 г. N 171-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 48. Ст. 4553.

**** Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

* Минпромторг предлагает наказывать подростков за покупку алкоголя // Известия. URL: <http://izvestia.ru/news/601580>

** Об общественном (гражданском) контроле в Пермском крае: закон от 21 дек. 2011 г. N 888-ПК // Собр. законодательства Пермского края. 2011. N 12 (60).

Следует обратить внимание на то, что ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ затрагивает деятельность только торговых предприятий и определяет запрет продажи именно алкогольной продукции, что создает ряд проблем в правоприменительной практике.

Рассматриваемая норма содержится в статье, которая регламентирует правила продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Правила продажи и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции установлены ст.ст. 11 и 16 Федерального закона N 171-ФЗ. Данные правила распространяются на организации, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих продажу алкогольной продукции, а также организации, оказывающие услуги общественного питания. Таким образом, ответственность за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним будут нести организация или индивидуальный предприниматель. Однако согласно ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ субъектами правонарушения выступают как юридические лица (организации), должностные лица (индивидуальные предприниматели), так и граждане (продавцы).

В подпункте 11 п. 2 ст. 16 Федерального закона N 171-ФЗ определено, что не допускается продажа алкогольной продукции несовершеннолетним. В случае возникновения у лица, непосредственно осуществляющего отпуск алкогольной продукции (продавца), сомнения в достижении покупателем совершеннолетия продавец вправе потребовать у этого покупателя документ, позволяющий установить его возраст.

Продавец — гражданин, работник торгового предприятия либо индивидуального предпринимателя, осуществляющий деятельность по продаже товаров на основании трудового договора либо такого же договора в устной форме между работником и работодателем. Значит, субъектом правонарушения в рассматриваемой статье КоАП РФ выступает продавец, осуществляющий деятельность по продаже товаров на основе трудового договора, на которого и распространяются правила продажи алкогольной продукции, а не общий субъект (гражданин).

Данная позиция подтверждается и решениями судов. Например, 3 апреля 2017 г. мировой судья судебного участка

N 183 Подольского судебного района Московской области рассмотрел материалы дела об административном правонарушении в отношении гражданки А., составленного по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ, которая в торговом павильоне индивидуального предпринимателя продала алкогольную продукцию несовершеннолетнему. Поскольку в материалах дела отсутствовали копии трудового договора, заключенного между индивидуальным предпринимателем и гражданкой А., то в силу п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ материалы дела были возвращены для устранения недостатков*.

Также необходимо отметить, что вопрос об определении статуса субъекта возникает в органах дознания при квалификации деяния за повторное осуществление продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. Анализ судебных решений по ст. 151.1 УК РФ показывает, что при рассмотрении дела по существу суд всегда обращает внимание на статус гражданина: является ли он продавцом, осуществляется ли им трудовая деятельность, возложены ли на него обязанности торговли алкогольной продукцией, то есть в данном случае имеется специальный субъект — лицо, осуществляющее розничную продажу алкогольной продукции, например продавец винного магазина. Указанные обстоятельства являются важными при вынесении решения о признании лица виновным в совершении преступления. Следовательно, различие между составом преступления и составом административного правонарушения заключается только в количественном критерии противоправного деяния. При этом субъект правонарушения в обоих случаях имеет статус специального.

Проблема продажи алкогольной либо иной спиртосодержащей продукции несовершеннолетним не продавцами торговых павильонов и предприятий, а гражданами на придомовой территории, из транспортных средств, осуществляющих продажу с «доставкой», требует законодательного решения в рамках специального состава, предусматривающего

* Определение мирового судьи судебного участка N 183 Подольского судебного района Московской области от 3 апр. 2017 г. по делу N 5-269/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

административную ответственность таких граждан, поскольку их действия в указанных случаях в настоящее время не образуют состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ. За подобные действия ответственность граждан наступает на общих основаниях, как за продажу алкогольной продукции взрослому человеку.

В настоящее время административная ответственность предусматривается за розничную продажу несовершеннолетнему только алкогольной продукции. Это в определенной мере снижает эффективность защиты несовершеннолетних в рассматриваемой сфере, так как продажа любой иной спиртосодержащей продукции не охватывается ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ.

В статье 2 Федерального закона N 171-ФЗ сформулировано исчерпывающее понятие алкогольной продукции: «пищевая продукция, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 % объема готовой продукции». Вместе с тем видов спиртной продукции значительно больше, однако за продажу иной спиртной продукции ответственность не предусмотрена. Например, продажа косметических средств с содержанием этилового спирта будет квалифицироваться по ст. 14.2 КоАП РФ, которая предусматривает значительно менее строгую ответственность.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ не позволяет обеспечить эффективную защиту несовершеннолетних от продажи им спиртосодержащей продукции, так как:

1. Субъектом правонарушения является продавец — лицо, которое по письменному либо устному трудовому договору с работодателем осуществляет трудовую деятельность по продаже продуктов, товаров.

2. Предмет правонарушения ограничен только алкогольной продукцией.

Следует обратиться к главе 14 КоАП РФ, нормы которой охраняют и регулируют правоотношения, возникающие в сфере предпринимательской деятельности. Согласно ст. 2 ГК РФ предпринимательская деятельность — это самостоя-

тельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли. Таким образом, одной из главных функций главы 14 КоАП РФ является охрана и регулирование деятельности хозяйствующих субъектов по получению прибыли, а также охрана экономических и материальных интересов. Диспозиция ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ является бланкетной и отсылает к нормам Федерального закона N 171-ФЗ в части правил торговли алкогольной и спиртосодержащей продукцией. Следовательно, действие рассматриваемой статьи заключается в регулировании правоотношений в сфере правил торговли. Вместе с тем учеными-административистами отмечается, что одним из признаков, характеризующих административное правонарушение, является общественная вредность [12, с. 524, 525].

С.А. Маршев, анализируя объективную сторону правонарушения, одним из ее признаков считает общественно вредное деяние, под которым он понимает действие или бездействие и общественно вредные последствия, то есть вред, который причиняется или может быть причинен действием или бездействием [13, с. 32-33].

В диспозиции рассматриваемой статьи КоАП РФ указано на активные действия продавца, направленные на продажу, возмездную передачу алкогольной продукции несовершеннолетним. Вместе с тем последствия данных действий причиняют либо могут причинить вред здоровью несовершеннолетних.

Учитывая крайне негативное влияние алкоголя на организм и психическое состояние несовершеннолетних, полагаем, что деяние, направленное на продажу алкогольной продукции несовершеннолетним, является общественно опасным, посягая прежде всего на их здоровье. При этом нарушение правил торговли должно являться факультативным объектом для рассматриваемого состава административного правонарушения.

Подводя итоги проведенного исследования, считаем, что состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ, необходимо исключить из главы 14 КоАП РФ, включив его в главу 6 «Административные право-

нарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность». Предлагаем данную часть статьи выделить в виде самостоятельного состава административного правонарушения, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 6.8.1. Розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной или иной спиртосодержащей продукции

Розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной или иной спиртосодержащей продукции, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния, –

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от тридцати до пятидесяти тысяч рублей; на должностных лиц – от ста тысяч до двухсот тысяч рублей; на юридических лиц – от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей.».

Список литературы

1. Якубович В.Ф. О пьянстве детей и о влиянии вина на детский организм: публ. лекция, чит. 16 февр. 1893 г. в С.-Петербур. собр. СПб.: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1894. 23 с.
2. Братусь Б.С., Сидоров П.И. Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 144 с.
3. Дизер О.А. Административно-правовая защита общественной нравственности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. Омск, 2019. 475 с.
4. Терскова А.А. Кружки трезвости и уроки трезвости в церковно-приходских школах Енисейской губернии в начале XX в. // Гришаевские чтения: материалы I национальной науч. конф., посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева, 11 сентября 2018 г., г. Красноярск. Красноярск: Красноярский гос. аграрный ун-т, 2018. С. 82-86.
5. Жилияева С.К. К вопросу о мерах борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в первые годы советской власти // Научные записки ОрелГИЭТ. 2020. N 2. С. 32-34.
6. Тяпугин Н.П. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе. М.: Изд-во Наркомздрава, 1926. 152 с.
7. Николаев А.В. Антиалкогольные кампании XX века в России // Вопросы истории. 2008. N 11. С. 67-78.
8. Новикова Л.А., Ишеков Н.С. Оценка вариабельности сердечного ритма у несовершеннолетних при пивной алкоголизации // Экология человека. 2009. N 11. С. 20-24.
9. Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. Философская публицистика. М., 1989. 688 с.
10. Евтухов В. Административная ответственность для несовершеннолетних за покупку алкоголя – дополнительный барьер для подросткового алкоголизма // Минпромторг России: официальный сайт. URL: <http://minpromtorg.gov.ru> (дата обращения: 17 авг. 2020 г.).
11. Смоляков А.И. Участие граждан и общественных организаций в деятельности по выявлению фактов продажи алкогольной продукции и табака несовершеннолетним // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. N 1 (78). С. 95-97.
12. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник для вузов. 2-е изд. М., 2005. 800 с.
13. Маршев С.А. Административная ответственность: учеб. пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2007. 488 с.

References

1. Yakubovich V.F. On the drunkenness of children and the influence of wine on the child's body. St. Petersburg, 1894. 23 p. (In Russ.).
2. Bratus' B.S., Sidorov P.I. Psychology, clinic and prevention of early alcoholism. Moscow, Publishing House of Moscow University, 1984. 144 p. (In Russ.).
3. Dizer O.A. Administrative and legal protection of public morals. Doct. Diss. Omsk, 2019. 475 p. (In Russ.).
4. Terskova A.A. Sobriety circles and sobriety lessons in parish schools of the Yenisei province at the beginning of the 20th century. Grishaev readings. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk state Agrarian University, 2018. Pp. 82-86. (In Russ.).
5. Zhilyaeva S.K. On the issue of measures to combat child homelessness and neglect of minors in the early years of Soviet power. Scientific notes OrelGIET, 2020, no. 2, pp. 32-34. (In Russ.).
6. Tyapugin N.P. Popular misconceptions and scientific truth about alcohol. Moscow, 1926. 152 p. (In Russ.).
7. Nikolaev A.V. Anti-Alcohol campaigns of the twentieth century in Russia. History questions. 2008, no. 11, pp. 67-78. (In Russ.).
8. Novikova L. A., Ishekov N.S. Assessment of heart rate variability in minors with beer alcoholization. Human Ecology, 2009, no. 11, pp. 20-24. (In Russ.).

9. Solovyov V.S. Compositions. In 2 volumes. Volume 1. Philosophical journalism. Moscow, 1989. 688 p. (In Russ.).

10. Evtukhov V. Administrative responsibility for minors for buying alcohol – an additional barrier for adolescent alcoholism. Ministry of Industry and Trade of Russia: official website. Available at: <http://minpromtorg.gov.ru> (accessed August 17, 2020). (In Russ.).

11. Smolyakov A.I. Participation of citizens and public organizations in activities to identify the facts of sale of alcoholic beverages and tobacco to minors. Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, 2019, no. 1 (78), pp. 95-97. (In Russ.).

12. Bahrakh D.N., Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. Administrative law. Moscow, 2005. 800 p. (In Russ.).

13. Marshev S. A. Administrative responsibility. Moscow, 2007. 488 p. (In Russ.).

ЭЙХВАЛЬД Н.Л., EIKHVALD N.L.,
Neikhvald@mail.ru Neikhvald@mail.ru
Кафедра организации расследования Chair of crime detection and forensics;
преступлений и судебных экспертиз; Tyumen Advanced Training Institute
Тюменский институт повышения of the Ministry of the Interior
квалификации сотрудников of the Russian Federation,
Министерства внутренних дел Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Российской Федерации, Russian Federation
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИХ КАРТ, ПОЛУЧЕННЫХ ПОСРЕДСТВОМ КОМПЛЕКСА «ЖИВОЙ СКАНЕР» И АДИС «ПАПИЛОН», ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. Производство судебной дактилоскопической экспертизы характеризуется наличием нерешенных вопросов, в том числе обусловленных развитием технологий. В статье рассматривается один из таких вопросов, касающийся внедрения автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем (АДИС) в деятельность органов внутренних дел. В результате проведенного исследования автором сделан вывод о том, что дактилоскопическая карта на бумажном носителе, электронная копия данной карты, введенная в базу данных АДИС «Папилон», и дактилоскопическая карта, полученная посредством электронного дактилоскопического комплекса «Живой сканер», юридически равнозначны. Обосновывается необходимость разработки методических рекомендаций по составлению заключений при производстве судебных дактилоскопических экспертиз по дактилоскопическим картам, полученным электронным способом.

Ключевые слова: дактилоскопическая экспертиза; дактилоскопическая карта; образцы для сравнительного исследования; АДИС «Папилон»; комплекс «Живой сканер»; заключение эксперта.

Для цитирования: Эйхвальд Н.Л. Использование дактилоскопических карт, полученных посредством комплекса «Живой сканер» и АДИС «Папилон», при производстве дактилоскопической экспертизы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 4 (54). С. 98-104.

THE USE OF FINGERPRINT CARDS OBTAINED BY MEANS OF LIVE SCANNER SYSTEM AND PAPILLON AFIS WHEN CARRYING OUT FINGERPRINT EXAMINATION

Annotation. The process of carrying out forensic fingerprinting examination is characterized by unresolved issues, including the issues determined by the development of technologies. The article is devoted to the analysis of one of such issues concerning the introduction of automated fingerprint identification systems (AFIS) in the activities of the internal affairs bodies. As the result of the conducted research, the author came to the conclusion that a fingerprint card on paper, as well as an electronic copy of this card added to the PAPILLON AFIS database, and a fingerprint card obtained by means of LIVE SCANNER system, are legally equivalent. The necessity of developing the guidelines for making expert opinions when carrying out forensic fingerprint examinations based on the fingerprint cards obtained by electronic means is substantiated.

Keywords: fingerprint examination; fingerprint card; samples for comparative research; PAPILLON Automated Fingerprint and Palmprint Identification System (AFIS); complex "Live Scanner"; expert opinion.

For citation: Eikhvald N.L. The use of fingerprint cards obtained by means of LIVE SCANNER system and PAPILLON AFIS when carrying out fingerprint examination // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 4 (54). P. 98-104.

Дактилоскопическая экспертиза является одним из наиболее распространенных видов криминалистического исследования. Следы рук изымаются в ходе производства

предварительного следствия по уголовным делам практически всех категорий. Свойствами папиллярных линий кожного покрова ладонной поверхности руки является

индивидуальность, восстанавливаемость и устойчивость папиллярного узора. Это позволяет установить личность человека по следам рук, решая тем самым диагностические и идентификационные задачи дактилоскопической экспертизы.

Доказательственное значение дактилоскопической экспертизы в раскрытии и расследовании преступлений трудно переоценить. Однако с развитием инновационных технологий при производстве дактилоскопической экспертизы появляются новые вопросы. Один из них связан с возможностью использования при проведении экспертного исследования дактилоскопических карт, полученных посредством электронного дактилоскопического комплекса «Живой сканер» (далее – комплекс «Живой сканер») и из автоматизированной дактилоскопической идентификационной системы «Папилон» (далее – АДИС «Папилон»), а также с описанием данных дактилоскопических карт в заключении эксперта.

Практический опыт свидетельствует о том, что эксперты в настоящее время по-разному относятся к проведению дактилоскопической экспертизы по дактилоскопическим картам, полученным с использованием комплекса «Живой сканер» и из базы данных АДИС «Папилон». Их мнения, а следовательно, решения можно условно разделить на три группы:

1. Проведение дактилоскопической экспертизы правомерно.

2. Постановление о назначении дактилоскопической экспертизы в экспертно-криминалистическом подразделении не принимается и возвращается инициатору, поскольку достоверность сведений, содержащихся в дактилоскопических картах, полученных с использованием комплекса «Живой сканер», а также из базы данных АДИС «Папилон» вызывает сомнения. Проведение экспертизы правомерно только по дактилоскопической карте, полученной традиционным (красковым) способом.

3. В исследовательской части заключения эксперта отпечатки пальцев рук и оттиски ладоней в данных дактилоскопических картах признаются непригодными, и формулируется соответствующий вывод.

Одним из основных способов повышения эффективности идентификации

лица по следам рук, от которой зависит успешность раскрытия и расследования преступлений, является внедрение автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем (АДИС) в деятельность подразделений органов внутренних дел.

Рассмотрению общих вопросов автоматизации криминалистической информации (криминалистических учетов и регистрации) посвящены научные труды Р.С. Белкина, Е.Р. Россинской, Л.Г. Эджубова, З.И. Кирсанова, В.Я. Колдина, И.С. Полевого, В.А. Снеткова, А.И. Хвыли-Олинтера и др.

В частности, Е.Р. Росинская отмечает, что «на смену традиционным аналоговым способам отображения объектов пришли их электронные аналоги, представленные в цифровом виде. Информация об объектах запечатлевается в компьютерных средствах и системах в неявном виде, и для обеспечения возможности ее восприятия необходимо использовать специальные средства» [1, с. 571]. Однако, по мнению Л.Г. Эджубова, «...даже самая совершенная АДИС способна допускать ошибки» [2, с. 141], то есть не исключено уголовное преследование в отношении невиновного лица.

Но есть и другое мнение, с которым невозможно не согласиться. Как отмечают В.А. Ивашков и С.С. Самищенко, если при идентификации человека по папиллярным узорам пальцев рук используется не менее семи идентификационных признаков, то ошибочное совпадение папиллярных узоров рук практически невозможно. Основная причина случающихся иногда ошибок при дактилоскопической идентификации – так называемый человеческий фактор – ошибка эксперта, проявляющаяся в случае малой информативности следов [3, с. 48].

Несмотря на противоположные взгляды, касающиеся использования автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем, именно в дактилоскопической карте содержится дактилоскопическая информация о конкретном лице, то есть биометрические персональные данные об особенностях строения кожного рельефа пальцев его рук и ладоней, создаваемого папиллярными линиями. Эти особенности и позволяют идентифицировать личность.

В статье 7 Федерального закона от 25 июля 1998 г. N 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» содержится указание на два способа получения дактилоскопической информации (дактилоскопических карт):

- традиционный (красковый);
- электронный (бескрасковый)*.

Традиционный (красковый) способ реализуется на соответствующем бланке дактилоскопической карты с использованием специальных наборов для дактилоскопирования либо типографской краски, резинового валика, двух стеклянных или металлических поверхностей для раскатки краски. Основные правила дактилоскопирования и заполнения дактилоскопических карт подробно описаны в Положении о порядке формирования и ведения информационного массива, создаваемого в процессе проведения государственной дактилоскопической регистрации**.

Дактилоскопическая карта поступает в информационный центр. Там она регистрируется, передается специалисту, ведущему дактилоскопический учет, который проверяет полноту, качество и достоверность заполнения карты, затем нумерует ее и передает сотруднику, осуществляющему постановку на учет. При автоматизированном способе формирования и ведения дактилоскопического массива дактилоскопическая информация должна быть введена в базу данных в течение пяти дней.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 31. Ст. 3806.

** Положение о порядке формирования и ведения информационного массива, создаваемого в процессе проведения государственной дактилоскопической регистрации: утв. приказом МВД России, МЧС России, Минобороны России, Минфина России, Минюста России, Министерства транспорта Российской Федерации, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, ФСБ России, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков и Федеральной миграционной службы от 27 сент. 2010 г. N 688/422/1214/110н/235/205/36/178 5/456/468/402/299 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. N 4.

С развитием и распространением инновационных технологий все более востребованным становится метод получения дактилоскопических карт с помощью комплекса «Живой сканер». При этом используются различные автоматические системы, такие как AMPEX и FOCUS в Великобритании, PRINTRAK и NEC в США, AFIS в Японии, MORPHO во Франции, «Папилон» в Российской Федерации, и другие.

В настоящее время в Российской Федерации почти все бумажные дактилоскопические карты переведены в электронный формат и содержатся в базе данных АДИС «Папилон», которая успешно применяется не только в органах внутренних дел, но и в подразделениях и органах Минюста России, ФСБ России, пограничной службы ФСБ России, Федеральной таможенной службы, Минобороны России.

Электронный (бескрасковый) способ обладает рядом преимуществ. Во-первых, не требуются средства на приобретение краски, валиков и т.д.; во-вторых, отсутствует необходимость обучения сотрудников технике дактилоскопирования; в-третьих, прокатка пальца гарантирует точную передачу всех особенностей папиллярного узора и отсутствие на изображении зон, непригодных для распознавания; в-четвертых, созданная дактилоскопическая карта автоматически сохраняется в автоматизированной базе данных без участия оператора; в-пятых, отсутствует негативное отношение дактилоскопируемого к самому процессу снятия отпечатков.

Высокая точность алгоритма автоматического распознавания папиллярных узоров комплексом «Живой сканер» обеспечивает устойчивость системы к типичным искажениям вводимой дактилоскопической информации и позволяет минимизировать влияние человеческого фактора при вводе дактилоскопической информации в систему.

Таким образом, дактилоскопические карты следует разделить на 3 вида:

1. Дактилоскопическая карта – бумажный бланк, содержащий отпечатки пальцев рук и оттиски ладоней лица, выполненные традиционным (красковым) методом;

2. Электронная копия дактилоскопической карты – бумажный бланк дактило-

скопической карты, введенный при помощи сканера в базу данных АДИС «Папилон»;

3. Электронная дактилоскопическая карта – дактилоскопическая карта, содержащая отпечатки пальцев рук и оттиски ладоней лица, выполненные электронным (бескрасковым) методом с использованием комплекса «Живой сканер».

Дактилоскопическая карта представляет собой учетно-регистрационный документ, содержащий отпечатки пальцев правой и левой рук, оттиски ладоней, а также основные установочные данные дактилоскопируемого человека.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. N 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» документ – это материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения*.

Понятие электронного документа закреплено в п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которому «электронный документ – это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах»**.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 25 июля 1998 г. N 28-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» под материальным носителем следует понимать «дактилоскопические карты, носители магнитной или иных видов записи, содержащие дактилоскопическую информацию».

Статьей 84 УПК РФ предусмотрено, что документы могут содержать сведения,

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 1. Ст. 1.

** Там же. N 31 (ч. I). Ст. 3448.

зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном статьей 86 настоящего Кодекса.

Таким образом, дактилоскопическая карта на бумажном бланке, введенная в базу данных АДИС, и дактилоскопическая карта, полученная с использованием комплекса «Живой сканер», юридически равнозначны, если иное не предусмотрено законом, а деление документов на бумажные и электронные – это не более чем разграничение по виду носителя, форме документирования и представления информации.

В результате анализа судебно-экспертной практики*** сделан вывод о том, что, согласно первичным заключениям, в качестве объектов для сравнительного исследования в 97,5 % случаев предоставлены стандартные дактилоскопические карты, полученные традиционным (красковым) способом, и лишь в 2,5 % – дактилоскопические карты, выполненные при помощи принтеров (дактилоскопическая карта получена из базы данных АДИС «Папилон»), копировальных аппаратов, факсов, комплексов «Живой сканер».

Однако в 56,4 % дополнительных заключений экспертов указано, что в качестве объектов для сравнительного исследования предоставлены стандартные дактилоскопические карты, полученные традиционным (красковым) способом, а в 43,6 % – дактилоскопические карты, выполненные при помощи принтеров (дактилоскопическая карта получена из базы данных АДИС «Папилон»), копировальных аппаратов, факсов, комплексов «Живой сканер».

Причина увеличения количества дактилоскопических карт, полученных нетрадиционным способом, при производстве дополнительных экспертиз заключается в том, что после проведения первичной

*** Автором статьи исследовано 100 судебных первичных дактилоскопических экспертиз и 100 судебных дополнительных дактилоскопических экспертиз Экспертно-криминалистического центра УМВД России по Курганской области за 2018 г.

экспертизы следы рук, пригодные для идентификации личности, помещаются в следотеку в виде информационных карт, если по следам не установлено совпадение с конкретным лицом. След с использованием современной цифровой техники вводится в автоматизированную дактилоскопическую систему АДИС «Папилон», кодируется и проверяется в массиве имеющихся в ней дактилокарт. В результате проверки база данных формирует рекомендательный список дактилоскопических карт лиц, в которых содержатся отпечатки пальцев рук и оттиски ладоней, имеющие наиболее схожие и близкие коды. Затем в справке о результатах проверки сообщается об установлении совпадения следа с отпечатком (оттиском) руки конкретного лица.

При возникновении у правоохранительных органов потребности в получении доказательственной информации и наличии дактилоскопической карты, изготовленной традиционным способом, следователь формирует запрос на имя начальника информационного центра либо экспертно-криминалистического подразделения о предоставлении ему дактилоскопической карты из базы данных АДИС «Папилон», которая в дальнейшем направляется эксперту в качестве образца для сравнительного исследования, то есть предоставляется копия электронной дактилоскопической карты (введенная в АДИС с использованием комплекса «Живой сканер») или электронная копия дактилоскопической карты (введенная в АДИС бумажная дактилоскопическая карта).

Дактилоскопическая карта должна отвечать следующим требованиям: во-первых, достоверность и полнота дактилоскопической информации; во-вторых, надлежащее качество образцов и их достаточное для производства конкретной экспертизы количество.

Вывод эксперта о непригодности для сравнительного исследования отпечатков пальцев рук и оттисков ладоней только потому, что это копия электронной дактилоскопической карты, распечатанная при помощи принтера из базы данных АДИС «Папилон», неправомерен и равнозначен заведомо ложному заключению, которое выражается в неправиль-

ных ответах на поставленные вопросы по обстоятельствам, имеющим значение для дела (ст. 307 УК РФ). Если в данной копии дактилоскопической карты отпечатки пальцев рук и оттиски ладоней отчетливы, необходимые зоны отобразились полностью и пригодны для сравнительного исследования, но при сравнении следа руки с конкретным отпечатком пальца руки проверяемого лица имеются незначительные различия, то они могут быть объяснены разными условиями и влияния на вывод эксперта не оказывают. В таком случае можно провести сравнение с контрольным оттиском данного отпечатка пальца руки.

Кроме того, спорным вопросом остается описание дактилоскопических карт, полученных с использованием комплекса «Живой сканер» и из базы данных АДИС «Папилон».

Стандартное описание дактилоскопической карты, полученной традиционным (красковым) способом, содержащееся в учебном пособии, подготовленном в Экспертно-криминалистическом центре МВД России, включает следующие элементы:

- вид дактилоскопической карты;
- когда, где и кем взяты образцы;
- установочные данные дактилоскопируемого лица (ФИО, полная дата рождения);
- наличие подписи дактилоскопируемого лица;
- последовательность расположения отпечатков пальцев рук;
- типы и виды папиллярных узоров;
- наличие и расположение оттисков ладоней рук;
- качество и оценка пригодности отпечатков пальцев рук и оттисков ладоней для сравнительного исследования [4, с. 193].

При этом рекомендации по описанию дактилоскопической карты, полученной электронным (бескрасковым) способом, в данном учебном пособии отсутствуют.

Следует отметить, что в информационном письме Экспертно-криминалистического центра МВД России* рассмотрены возможности использования в качестве

* Об использовании дактилоскопических карт в качестве сравнительных образцов: информационное письмо от 28 февр. 2013 г. N 37/10-1327 // Архив Экспертно-криминалистического центра МВД России.

сравнительных образцов копий дактилоскопических карт, выполненных при помощи принтеров, копировальных аппаратов, комплексов «Живой сканер», а также содержатся рекомендации их описания в исследовательской части заключения: «при описании копий отпечатков пальцев рук и оттисков ладоней придерживаться стандартного описания, но с учетом конкретной копии». Наряду с этим следует указывать:

- на чем выполнены отпечатки (бланк дактилоскопической карты либо лист бумаги);
- каким текстом выполнены установочные данные (рукописным, машинописным);
- имеется ли подпись дактилоскопируемого лица;
- где, когда, кем составлена дактилоскопическая карта;
- кем заверена копия.

На стадии сравнительного исследования заключения эксперта предлагается использовать стандартное описание, а именно указывать, что сравнивались папиллярные узоры, отобразившиеся в следах рук и отпечатках (оттисках) рук проверяемого лица (независимо от того, каким способом изготовлена дактилоскопическая карта).

В случае предоставления на экспертизу в качестве образцов для сравнительного исследования стандартной дактилоскопической карты вывод формулируется следующим образом: «След пальца руки на дактилопленке размерами 56 x 36 мм оставлен указательным пальцем левой руки М. Ю. А., 04.03.19... г.р.».

Если же в качестве образца для сравнительного исследования представлена копия дактилоскопической карты, выполненная электрофотографическим или иным способом, то ЭКЦ МВД России предлагает следующую формулировку вывода: «След пальца руки размером 19 x 13 мм, выявленный на стекле, и отпечаток указательного пальца правой руки на копии дактилоскопической карты на имя С. Е. И. оставлены одним лицом».

Учитывая вышеизложенное и проанализировав рекомендации ЭКЦ МВД России, необходимо отметить, во-первых, что дактилоскопическая карта на бумажном

бланке, дактилоскопическая карта, введенная в базу данных АДИС «Папилон», и дактилоскопическая карта, полученная с использованием комплекса «Живой сканер», юридически равнозначны.

Во-вторых, в компетенцию эксперта не входит проверка достоверности представленных на экспертизу объектов исследования и образцов для сравнительного исследования. В правоприменительной деятельности имеют место случаи назначения повторной дактилоскопической экспертизы после проведения первичной либо дополнительной дактилоскопической экспертизы по копиям дактилоскопических карт в связи с наличием сомнений в достоверности содержащихся в них данных. Согласно ст. 202 УПК РФ правом получения образцов для сравнительного исследования наделен следователь, а значит, ответственность за достоверность данных также возлагается на него. В связи с этим у эксперта отсутствуют основания для утверждения о невозможности проведения экспертизы или решения отдельных вопросов в полном объеме только потому, что это дактилоскопическая карта, полученная при помощи принтера из базы данных АДИС «Папилон».

В-третьих, дактилоскопической карте, полученной с использованием комплекса «Живой сканер», а также введенной в АДИС «Папилон», автоматически присваивается уникальный номер, который расположен в правом верхнем углу бланка. Считаем, что его необходимо также указывать при описании дактилоскопической карты в исследовательской части заключения эксперта.

В-четвертых, сравнительное исследование должно быть полным, а совпадения реальными. Соответственно, формулирование вывода о наличии тождества, то есть о совпадении следа руки, пригодного для идентификации личности, с конкретным отпечатком пальца руки проверяемого лица (установление совпадений по общим и частным признакам папиллярного узора), должно быть идентичным при сравнении с дактилоскопической картой, выполненной как традиционным (красковым) методом, так и электронным (бескрасковым). Например: «След пальца руки на дактилопленке размерами 12 x 12 мм

оставлен средним пальцем правой руки Т. С. В., 03.12.19... г.р.»*.

По мнению В.Д. Арсеньева, «выводы эксперта составляют как бы “квинтэссенцию” его заключения (акта), и от правильного формулирования их во многом зависит доказательственная сила и значение всего заключения» [5, с. 199].

Следует согласиться с Ю.К. Орловым, который определяет основные требования к выводам эксперта в виде трех принципов: квалифицированности, определенности, доступности. Первый принцип означает необходимость обладания высокой квалификацией, специальными знаниями для формулирования выводов. Второй — недопустимость формулирования неоднозначных выводов. Под третьим понимается формулирование таких выводов, «которые не требуют для своей интерпретации специальных познаний, являются доступными для следователей, судей и других лиц» [6, с. 29].

* Заключение эксперта N 1/18*.2019 // Архив ЭКЦ УМВД России по Курганской области.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Производство дактилоскопической экспертизы по дактилоскопическим картам, полученным с использованием комплекса «Живой сканер» и из базы данных АДИС «Папилон», правомерно и должно быть аналогичным исследованию по дактилоскопическим картам, полученным традиционным (красковым) методом.

2. Несмотря на применение автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем (АДИС) в системе МВД России на протяжении более чем 30 лет, остается актуальным вопрос о разработке методических рекомендаций по составлению заключений эксперта при производстве судебных дактилоскопических экспертиз по дактилоскопическим картам, полученным с использованием электронного дактилоскопического комплекса «Живой сканер» и из базы данных АДИС «Папилон».

Список литературы

1. Россинская Е.Р. Цифровизация судебно-экспертной и криминалистической деятельности: взаимосвязи и разграничения // Вопросы экспертной практики. 2019. N S1. С. 569-574.
2. Эдзубов Л.Г. Статистическая дактилоскопия. М.: Городец, 1999. 184 с.
3. Ивашков В.А., Самищенко С.С. Некоторые проблемы современной дактилоскопии // Законность. 2007. N 9. С. 47-49.
4. Современные методы и средства выявления, изъятия и исследования следов рук: учеб. пособие / Л.А. Черницын, В.И. Иванов, Т.М. Рыжова и др. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 226 с.
5. Арсеньев В.Д. О формулировании выводов эксперта // Труды ВНИИСЭ. М., 1973. Вып. 7. С. 199-204.
6. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М., 1995. 64 с.

References

1. Rossinskaya E.R. Digitalization of forensic and forensic activity of interconnection and differentiation. Questions of expert practice, 2019, no. S1, pp. 569-574. (In Russ.).
2. Edzhubov L.G. Statistical fingerprinting. Moscow, Gorodets Publ., 1999. 184 p. (In Russ.).
3. Ivashkov V.A., Samishchenko S.S. Some problems of modern fingerprinting. Legality, 2007, no. 9, pp. 47-49. (In Russ.).
4. Chernitsyn L.A., Ivanov V.I., Ryzhova T.M. i dr. Modern methods and means of detection, removal and examination of handprints. Moscow, 2010. 226 p. (In Russ.).
5. Arsen'ev V.D. On the formulation of the expert's conclusions. Proceedings of the All-Union Scientific Research Institute of Forensic Expertise. Moscow, 1973. Issue 7. Pp. 199-204. (In Russ.).
6. Orlov Yu.K. Expert opinion and its assessment in criminal cases. Moscow, 1995. 64 p. (In Russ.).

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

ЛАПШИН В.Ф., LAPSHIN V.F.,
доктор юридических наук, доцент, Doctor of Legal Sciences,
kapitan-44@yandex.ru associate professor,
Кафедра уголовного права kapitan-44@yandex.ru
и уголовного процесса; Chair of criminal law and criminal procedure;
Югорский государственный университет, Ugra State University,
628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16 Chekhova St. 16, Khanty-Mansiysk, 628012,
Russian Federation

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ М.Г. ЖИЛКИНА
«ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»***

Аннотация. В отзыве отражены основные положения диссертационного исследования М.Г. Жилкина на соискание ученой степени доктора юридических наук. В нем обращено внимание на ряд сформулированных автором выводов и предложений, научное обоснование и практическая значимость которых не вызывают сомнений: варианты реализации принципа экономии уголовной репрессии за экономические преступления, предложенный алгоритм определения меры наказания за преступления в сфере предпринимательской деятельности, предпочтительные для использования приемы законодательной техники при формулировании отдельных норм главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации и другие. Высказаны рекомендации автору относительно необходимости и перспективности разработок в области предпринимательской деятельности, предполагающей использование цифровых продуктов, в частности криптовалюты и блокчейна, в качестве альтернативы традиционным средствам осуществления расчетов между хозяйствующими субъектами. Сделан вывод о том, что представленное исследование содержит положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, а также решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое (правовое) значение.

Ключевые слова: уголовное право; экономические преступления; дифференциация уголовной ответственности; мера уголовного наказания; общественная опасность преступления.

Для цитирования: Лапшин В.Ф. Отзыв на диссертацию М.Г. Жилкина «Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 4 (54). С. 105-110.

**REVIEW OF M.G. ZHILKIN'S THESIS "DIFFERENTIATION OF CRIMINAL
LIABILITY FOR CRIMES IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURIAL
ACTIVITY: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE"**

Annotation. The review reflects the main provisions of M.G. Zhilkin's dissertation research for the scientific degree of Doctor of Law. The reviewer considers a number of conclusions and proposals formulated by the author of the thesis, the scientific basis and practical significance of which are beyond doubt. They are: the ways for implementing the principle of saving criminal repression for economic crimes, the algorithm for determining the appropriate punishment for entrepreneurial crimes, proposed by the applicant, the preferred legislative technique when drafting the certain norms of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, and others. The reviewer makes some recommendations to the applicant that concern the necessity and prospects of the developments in the sphere of entrepreneurial activities involving the use of digital products, in particular cryptocurrency and blockchain, as an alternative to traditional means of making payments between economic entities. It is

* Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2019. 402 с.: ил.

concluded that the presented research contains provisions, the totality of which can be qualified as a scientific achievement. The reviewer also states that the scientific problem having an important political, social and economic (legal) significance has been solved.

Keywords: criminal law; economic crimes; differentiation of criminal liability; measure of criminal punishment; social danger of crime.

For citation: Lapshin V.F. Review of M.G. Zhilkin's thesis "Differentiation of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurial activity: problems of theory and practice" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 4 (54). P. 105-110.

Актуальность избранной темы.

Едва ли сегодня кто-то будет спорить с утверждением о том, что современное отечественное уголовное законодательство переживает очередной этап своего становления. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК) за относительно небольшой для подобного нормативного правового акта период действия подвергался таким пересмотрам, изменениям и дополнениям, что некоторые видные представители отечественной уголовно-правовой науки стали небезосновательно высказывать идею о целесообразности принятия нового уголовного закона для систематизации всех нововведений. Действительно, содержание УК существенно отличается от его же первоначальной редакции 1996 года. За это время пересмотрены некоторые институты Общей части: множественность, наказание, иные меры уголовно-правового характера; декриминализованы отдельные общественно опасные посягательства; включено значительное количество норм о преступлениях, ранее неизвестных ни русскому, ни советскому уголовному праву. Масштабы нововведений таковы, что можно говорить о вновь сформированных группах преступлений в рамках главы Особенной части УК, например, преступлений в сфере предпринимательской деятельности.

Соответствующие нормы главы 22 УК, устанавливающие ответственность за посягательства на собственно хозяйственные (предпринимательские) отношения, не перестают быть предметом споров и обоснованной критики в научной среде. Однако даже те предложения, которые впоследствии были учтены при принятии федеральных законов об изменении и дополнении действующего УК, не решили проблему сущности экономического преступления, целесообразности криминализации отдельных видов правонарушений,

совершаемых при осуществлении предпринимательской деятельности, а также особенностей осуществления дифференциации ответственности за их совершение.

Еще в 2009 году Президентом Российской Федерации было дано поручение о разработке Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. В установленные сроки этот программный документ был создан, но многие предложения оказались небесспорными. К сожалению, до настоящего времени не решены проблемы, возникающие при определении круга общественно опасных деяний, посягающих на общественные отношения, которые сложились в процессе осуществления предпринимательской деятельности, особенностей осуществления дифференциации уголовной ответственности за их совершение с использованием средств как Особенной, так и Общей части УК.

Учитывая нерешенность перечисленных проблем и принимая во внимание высокую социальную значимость уголовно-правовой охраны отношений в сфере предпринимательской деятельности, можно сделать вывод о бесспорной актуальности и теоретико-практической значимости избранной М.Г. Жилкиным темы диссертационного исследования.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации.

Объект и предмет диссертационного исследования определены вполне удачно, что обеспечило достижение заявленных целей диссертационного исследования: формулирование предложений относительно:

- дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности;
- совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за отдель-

ные преступления в сфере экономической деятельности;

– квалификации и отграничения преступлений в сфере предпринимательской деятельности от иных экономических преступлений, а также правонарушений, совершаемых в данной сфере.

Совокупность примененных методов научного исследования соответствует особенностям выбранного объекта и предмета, поэтому обеспечивает всесторонность, полноту и качество представленной диссертации.

Большинство сформулированных выводов и предложений являются достоверными и обоснованными. Данный результат достигается путем постановки цели и задач исследования, использования значительного количества фундаментальных научных работ, посвященных вопросам установления и дифференциации уголовной ответственности (авторы: А.В. Бриллиантов, П.С. Дагель, А.Э. Жалинский, Н.Г. Кадников, И.И. Карпец, М.И. Ковалев, Л.Л. Кругликов, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Т.А. Лесниевски-Костарева, А.В. Наумов, А.А. Тер-Акопов и др.), и специализированных исследований, которые в настоящее время составляют основу уголовно-правового учения об экономических преступлениях (авторы: Б.В. Волженкин, Л.Д. Гаухман, И.А. Клепицкий, Н.А. Лопашенко, С.В. Максимов, И.В. Шишко, П.С. Яни и др.).

Работу выгодно отличает проанализированная нормативная база, включающая в себя, помимо источников национального законодательства, международные нормативные акты об обеспечении социально-экономических и иных прав человека, уголовное законодательство значительного количества зарубежных стран в части установления ответственности за экономические преступления, совершаемые в процессе осуществления предпринимательской деятельности хозяйствующими субъектами и их представителями. Всего при проведении исследования изучено 445 источников, из них 71 – нормативные акты национального, международного и зарубежного права.

Отдельного поощрения заслуживает сформированная автором многогранная эмпирическая база осуществленного диссертационного исследования, включающая:

– официальные статистические данные об экономической преступности за период с 2010 по 2018 год, представленные ГИАЦ МВД России и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации;

– результаты изучения материалов 503 уголовных дел о преступлениях экономической направленности, рассмотренных судами 65 субъектов Российской Федерации в 2010-2018 гг.;

– результаты опроса практических работников и специалистов в области уголовного права (50 судей, 73 работников прокуратуры, 137 следователей и дознавателей подразделений МВД России, 123 научных сотрудников и преподавателей из 22 образовательных и научных учреждений, 82 адвокатов), проведенного в период с 2016 по 2018 год в 14 субъектах Российской Федерации;

– результаты опроса 143 предпринимателей, проведенного в Камчатском и Приморском краях, Нижегородской и Рязанской областях, городе Москве и Московской области;

– результаты эмпирических исследований других авторов.

Достаточная степень апробации результатов диссертационного исследования подтверждается значительным объемом опубликованных материалов по заявленной теме диссертации: 39 работ, из которых 18 являются научными статьями, размещенными в рецензируемых юридических научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных положений диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата или доктора юридических наук. Кроме этого, результаты проведенного научного исследования предлагались автором для обсуждения представителям научного сообщества на многочисленных международных и всероссийских (межведомственных, межвузовских и др.) научно-практических конференциях. Некоторые положения диссертации стали предметом внедрения в учебный процесс ряда ведущих российских юридических вузов, а также в деятельность государственных органов законодательной и исполнительной

власти, общественных организаций и объединений.

Достоверность и новизна научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации. Достоверность большинства результатов научного исследования подтверждается прежде всего значительной эмпирической и доктринальной базой, на основе которой проведено исследование.

Представляется, что наиболее удачными, аргументированными и заслуживающими поддержки являются следующие авторские выводы:

— о целесообразности предусмотреть возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, которые признаны виновными в совершении отдельных экономических преступлений, не представляющих значительной общественной опасности, при условии полного возмещения виновным причиненного ущерба;

— высокой значимости такого объекта уголовно-правовой охраны, как общественные отношения в области предпринимательской и иной экономической деятельности, что вполне соответствует современным официальным заявлениям об экономической преступности как угрозе национальной безопасности России;

— необходимости обеспечения назначения справедливого наказания за преступления рассматриваемой группы, что гарантированно будет достигнуто установлением размера штрафа, кратного размеру причиненного ущерба или размеру извлеченного дохода от совершения преступления в сфере предпринимательской деятельности;

— предпочтительности использования бланкетного приема описания отдельных юридически значимых признаков деяния — признака объективной стороны отдельных составов рассматриваемых преступлений. Внедрение данного предложения в деятельность органов законодательной власти обеспечит повышение качества законодательной техники и упростит толкование соответствующих уголовно-правовых предписаний в процессе квалификации преступлений;

— конкретизации правил установления размеров причиненного в результате совершения преступления ущерба как

юридически значимого признака объективной стороны, что снимет значительное количество вопросов, связанных с разграничением смежных составов преступлений и административных правонарушений, посягающих на одни и те же объекты правовой охраны.

Кроме того, в работе содержатся и иные авторские идеи, теоретико-практическая значимость которых не вызывает сомнения, а практическая реализация способна существенно повысить качество норм об ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности. В частности, автор успешно развивает идею А.Э. Жалинского об акцессорности уголовной ответственности за экономические правонарушения. Несмотря на неоднозначность данной теории, можно согласиться с мнением о применении мер уголовной ответственности только в тех случаях, когда экономическое правонарушение обладает столь значительной общественной опасностью, что применение мер гражданского или административного права по объективным причинам неспособно обеспечить справедливость правового воздействия.

Высоко оценивая достигнутые в процессе подготовки диссертационного исследования результаты в целом, следует обратить внимание автора на отдельные положения и выводы, которые носят дискуссионный характер, а потому нуждаются в дополнительном обосновании и (или) содержательном уточнении. Во-первых, несколько громоздко формулируется тема исследования. Указание на «проблемы теории и практики» является излишним, поскольку любая научная работа, а тем более уровня докторской диссертации, предполагает «рассмотрение вопросов» и «решение проблем», которые имеют доктринальное и прикладное значение. В связи с этим можно предположить, что примененный автором прием пояснения избыточен и не несет должной смысловой нагрузки.

Во-вторых, несомненным достоинством работы является предпринятая попытка исследования общественных отношений, возникающих по поводу создания и использования в процессе предпринимательской и иной экономической де-

тельности цифровых предметов (объектов, средств), а именно криптовалюты, блокчейна и др. (с. 278-279). Востребованность уголовно-правовых средств охраны общественных отношений, возникающих в процессе создания и использования указанных цифровых продуктов, оценить довольно сложно ввиду отсутствия регулятивного права в этой сфере. Но, несмотря на это, автору следовало бы уделить большее внимание данной проблеме и обозначить свое видение вопросов установления ответственности за причинение имущественного ущерба либо иного вреда правам и законным интересам граждан, приобретающих цифровые аналоги средств электронных платежей, инвестирования, формирования и обработки информационных баз данных.

В-третьих, идеи о желательности или, наоборот, нежелательности института уголовной ответственности юридических лиц в настоящее время не отличаются ни новизной, ни практической значимостью. Дискуссия по этому вопросу не прекращается, хотя, как представляется, ни один из сторонников данного нововведения не сформулировал убедительный ответ на вопрос, поставленный еще Б.В. Волженкиным: «Зачем?». По этой причине можно предположить, что спор о необходимости изменения отечественного уголовного законодательства путем признания юридического лица в качестве субъекта уголовной ответственности уже утратил свою практическую ценность и перешел в плоскость научно-политической демагогии. Сама же возможность установления уголовной ответственности для юридического лица противоречит общим идеям дифференциации межотраслевой ответственности, поскольку соответствующие меры правового реагирования на противоправные действия руководителей и (или) иных представителей организации уже предусмотрены в источниках гражданского, административного и иных отраслей российской системы права.

Автор же, напротив, часть своего исследования посвятил описанию зарубежного опыта тех стран, законодательство которых предусматривает уголовную ответственность корпораций за экономические, коррупционные и иные преступления. Ито-

говое решение в этой части не обозначается, хотя представленные материалы косвенно свидетельствуют о пользе включения института уголовной ответственности юридических лиц в отечественное законодательство (с. 178-182). В связи с этим автору желательно обозначить свою окончательную позицию по решению проблемы признания юридического лица субъектом уголовной ответственности и целесообразности (нецелесообразности) внесения соответствующих изменений и дополнений в российский уголовный закон.

Тем не менее без дискуссионных положений немыслима ни одна научная работа. Полемика присуща любому исследованию, и это подчеркивает высокую степень его актуальности и важности предложений по разрешению затронутых проблем. По этой причине высказанные замечания ничуть не влияют на общее положительное впечатление от работы М.Г. Жилкина и могут рассматриваться в качестве рекомендаций для учета в последующих научных изысканиях.

Значимость полученных автором диссертации результатов. Логически выверенный план, грамотное использование методов научного поиска, оригинальность и обоснованность большинства результатов, полученных в процессе исследования, позволяют сделать вывод об их бесспорной теоретической и практической значимости.

Ценность рассматриваемой работы заключается в получении новых научных знаний об установлении уголовно-правовой охраны отношений, имеющих место в сфере предпринимательской деятельности, особенностях осуществления дифференциации уголовной ответственности за совершение данных преступлений, а равно межотраслевой дифференциации юридической ответственности за совершение правонарушений, посягающих на данную сферу, определении особенностей описания юридически значимых признаков преступлений в сфере предпринимательской деятельности в национальном уголовном праве, а также в уголовном законодательстве ряда зарубежных стран.

Диссертация М.Г. Жилкина представляет собой существенный вклад в отечественную уголовно-правовую науку, прежде всего, в части тех ее разделов, кото-

рые затрагивают специфику установления ответственности за преступления и иные правонарушения в сфере осуществления предпринимательской деятельности, а также дифференциации юридической ответственности за их совершение.

На основании изучения текста диссертации, автореферата и списка научных работ, опубликованных соискателем в процессе проведения исследования, можно заключить, что диссертация М.Г. Жилкина:

– написана им самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты, положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автором в гуманитарную (юридическую) науку;

– содержит сведения о практическом использовании полученных автором диссертации научных результатов и рекомендации по использованию научных выводов;

– прошла необходимую апробацию в научных публикациях.

Заключение. Таким образом, диссертация М.Г. Жилкина является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, а также решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое (правовое) значение.

Диссертационное исследование, выполненное по теме «Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики», в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, которые предусмотрены в пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842 «О порядке присуждения ученых степеней».

МАЙОРОВ В.И., MAYOROV V.I.,
доктор юридических наук, Doctor of Legal Sciences, professor,
профессор, 1955715@rambler.ru
1955715@rambler.ru Chair of administrative activities
Кафедра административной деятельности of the internal affairs bodies;
органов внутренних дел; Tyumen Advanced Training Institute
Тюменский институт повышения of the Ministry of the Interior
квалификации сотрудников of the Russian Federation,
Министерства внутренних дел Amurskaya St. 75, Tyumen,
Российской Федерации, 625049, Russian Federation
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

РЕЦЕНЗИЯ НА ДИССЕРТАЦИЮ Т.В. КИКОТЬ-ГЛУХОДЕДОВОЙ «АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ, США И СТРАНАХ ЕВРОПЫ (СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)»*

Аннотация. В рецензируемой диссертации проводится исследование административно-правовых проблем обеспечения национальной безопасности в России и зарубежных странах. Методологической основой диссертационной работы послужил сравнительно-правовой подход, позволивший провести компаративное исследование административно-правового обеспечения национальной безопасности в России, США и странах Европы. На его основе диссертантом были сформулированы выводы и предложения по имплементации в государственное управление Российской Федерации ряда перспективных мер в области обеспечения национальной безопасности, в том числе предложение о создании национального банка ДНК и дактилоскопии всего населения страны. Рецензентом отмечены междисциплинарный характер исследования, его высокий теоретический уровень и практическая значимость.

Ключевые слова: национальная безопасность; сравнительно-правовое исследование; система национальной безопасности; государственное управление; США; Европа.

Для цитирования: Майоров В.И. Рецензия на диссертацию Т.В. Кикоть-Глухоеддовой «Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в России, США и странах Европы (сравнительное исследование)» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 4 (54). С. 111-115.

REVIEW OF T.V. KIKOT-GLUKHODEDOVA'S THESIS "ADMINISTRATIVE AND LEGAL SUPPORT OF NATIONAL SECURITY IN RUSSIA, THE USA AND EUROPEAN COUNTRIES (COMPARATIVE STUDY)"

Annotation. The dissertation being reviewed is devoted to the analysis of administrative and legal problems of ensuring national security in Russia and foreign countries. The methodological basis of the thesis is the comparative legal approach, which made it possible to conduct a comparative study of the administrative and legal support of national security in Russia, the United States and European countries. Based on the results of the research, the author of the thesis has formulated the conclusions and proposals for implementing a number of promising measures concerning the sphere of ensuring national security in the public administration of the Russian Federation, including the proposal to create the national DNA Data Bank and to carry out fingerprinting of the entire population of the country. The reviewer noted the interdisciplinary nature of the study, its high theoretical level and practical significance.

Keywords: national security; comparative legal research; national security system; public administration; the USA; Europe.

For citation: Mayorov V.I. Review of T.V. Kikot-Glukhodedova's thesis "Administrative and legal support of national security in Russia, the USA and European countries (comparative study)" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 4 (54). P. 111-115.

* Кикоть-Глухоеддова Т.В. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в России, США и странах Европы (сравнительное исследование): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. М., 2019. 418 с.: ил.

Проблемы обеспечения национальной безопасности являются определяющими для любого государства. Сложное международное положение Российской Федерации, появление новых угроз государственным и общественным интересам требуют разработки эффективных мер обеспечения национальной безопасности.

В современной науке для изучения теоретических и практических аспектов обеспечения национальной безопасности необходим комплексный и системный подход к их исследованию, а также использование потенциала сравнительного анализа на основе международного опыта в этой сфере.

Все это предопределяет актуальность и значимость выбранной Т.В. Кикоть-Глухоедовой темы диссертационного исследования.

Рецензируемая работа выполнена на высоком научном и методическом уровне. Диссертантом корректно определены объект, предмет, цель и задачи диссертационного исследования. Это позволило оптимизировать научный поиск, сконцентрировать усилия на решении поставленных задач и в результате сформулировать научно обоснованные положения, выводы и рекомендации. Диссертация базируется на анализе большого объема научной литературы, нормативных правовых актов. Использование различных методов исследования позволило добиться высокой достоверности и обоснованности полученных результатов и актуализировать их применительно к современным потребностям правового регулирования.

Структура диссертации соответствует выбранной теме и включает введение, четыре главы, объединяющие 15 параграфов, заключение, библиографический список и приложения. Первая глава исследования посвящена анализу правовых основ обеспечения национальной безопасности государства.

Центральное место в данной главе занимает раскрытие авторской позиции о том, что понятие «национальная безопасность» является динамичным, а не статичным феноменом, в связи с чем неизбежно претерпевает изменения в ходе исторического развития государства.

Следует отметить обоснование Т.В. Кикоть-Глухоедовой собственного видения

соотношения понятий «система национальной безопасности» и «система обеспечения национальной безопасности». В работах многих ученых данные понятия отождествляются, однако диссертант проводит между ними четкое разграничение. Система национальной безопасности государства рассматривается в исследовании как статичная институциональная система, которая существует в идеальном состоянии. Система обеспечения национальной безопасности находится на другом уровне и, по мнению соискателя, представляет собой динамичную функциональную систему, действующую в режиме реального времени и осуществляющую отражение внешних и внутренних угроз, минимизацию наносимого ими ущерба, обеспечивающую тем самым защиту государственных интересов. Автор формулирует определения данных понятий, которые также выносятся на защиту.

Указанный подход обладает определенной новизной и, на наш взгляд, представляет научный интерес не только в рамках обеспечения национальной безопасности, но и других видов безопасности, особенно учитывая то, что, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, национальная безопасность объединяет все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством. Данный факт позволяет проецировать модель обеспечения национальной безопасности и на иные виды безопасности ввиду их соотношения как общего и частного.

Автором выявлена корреляция между механизмом административно-правового обеспечения национальной безопасности той или иной страны и сложившейся в государстве системой правления (президентской, полупрезидентской или парламентской). Кроме того, существенными факторами, влияющими на формирование механизма административно-правового обеспечения национальной безопасности, являются форма государственного устройства, размеры, географическое положение страны, особенности исторического развития и национального менталитета и др.

Во второй главе диссертации анализируется административно-правовой статус органов обеспечения национальной безопасности в США и странах Европы.

Автор рассматривает наиболее важные, с его точки зрения, нормативные правовые акты данных стран в области обеспечения национальной безопасности.

Следует отметить большой объем изученного Т.В. Кикоть-Глуходедовой материала, на основании которого были охарактеризованы особенности правового регулирования обеспечения национальной безопасности в избранных странах.

Так, исходя из специфики государственного устройства США, многие вопросы обеспечения внутренней безопасности в этой стране регламентированы законодательством штатов и основанными на нем нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

Система обеспечения национальной безопасности во Франции, Италии и Испании характеризуется наличием в структуре их вооруженных и полицейских сил такого специфического органа, как жандармерия, которая хотя и входит в состав Министерства обороны на правах дирекции, но в мирное время находится в оперативном подчинении Министерства внутренних дел и тесно взаимодействует с полицией.

При сравнении правового регулирования деятельности государственных органов, обеспечивающих национальную безопасность в ФРГ и Австрийской Республике, соискатель приходит к выводу о том, что общей чертой данных государств является подробная регламентация в их конституционных положениях всех вопросов, связанных с привлечением вооруженных сил и федеральных полицейских формирований к обеспечению как внешней, так и внутренней безопасности своих стран.

Третья глава диссертации посвящена рассмотрению организационной структуры государственных органов, занимающихся обеспечением национальной безопасности в анализируемых странах.

По верному замечанию автора, основной объем работы в области обеспечения национальной безопасности государства реализуют органы исполнительной власти, в связи с этим именно их организационная структура является основным предметом исследования.

Указанная выше особенность федеративного устройства США получила выражение в том, что обеспечением вну-

тренней безопасности страны в полном объеме занимаются полицейские и пенитенциарные органы субъектов федерации, но в случае необходимости к этой работе привлекаются соответствующие федеральные органы исполнительной власти, которые не только эффективно страхуют органы государственной власти субъекта федерации, но и обеспечивают необходимый уровень внешней безопасности страны.

Автором отмечается сходство организационной структуры сил обеспечения национальной безопасности Франции, Италии и Испании – унитарных государств, принадлежащих к романской ветви романо-германской правовой семьи.

Следует положительно оценить то, что организационная структура государственных органов всех изучаемых стран, занимающихся обеспечением национальной безопасности, наглядно представлена в приложениях к диссертации. Это позволяет акцентировать внимание на сходстве и различиях, имеющихся между ними в данной области.

В последней, четвертой главе диссертации рассматриваются основные органы, занимающиеся обеспечением национальной безопасности в России, а также правовые основы их деятельности, обобщаются результаты исследования систем обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и других государств.

Автор, обосновывая предложение о необходимости принятия федерального закона «О национальной безопасности», пишет: «публичное обсуждение и утверждение закона парламентом России позволит не только консолидировать уже имеющуюся нормативно-правовую базу по всем аспектам обеспечения национальной безопасности нашей страны на законодательном уровне, но и существенно облегчит политическому руководству РФ отстаивание наших национальных интересов на международной арене» (с. 285).

На основе изучения опыта зарубежных государств диссертантом разработаны предложения по внедрению в России отдельных перспективных мер в области обеспечения национальной безопасности, среди которых создание национального банка данных ДНК и стопроцентная дактилоскопия населения нашей страны.

К достоинствам рецензируемой работы относятся обширные теоретическая, эмпирическая и нормативная базы исследования. При этом многие рассмотренные нормативные правовые акты зарубежных стран впервые введены в научный оборот в России.

Следует указать, что проблемы обеспечения национальной безопасности, особенно их сравнительный и международный аспекты, часто становились предметом исследований в рамках политических и военных наук. Это оказало существенное влияние на проведенное исследование. Вместе с тем автору, безусловно, удалось сделать акцент на административно-правовой составляющей проблемы. Также в работе уделяется большое внимание новейшей политической истории выбранных для анализа зарубежных стран. Можно сделать вывод о том, что исследование носит междисциплинарный характер, однако это лишь обогащает полученное новое научное знание в области административно-правового обеспечения национальной безопасности.

Диссертация Т.В. Кикоть-Глуходедовой обладает несомненной научной новизной, теоретической и практической значимостью.

Новизной отличается предложенный автором логико-концептуальный подход к исследованию сущности системы обеспечения национальной безопасности, ее эволюции и взаимосвязи с системами более низкого уровня. Соискатель выявил и обосновал типичные факторы, влияющие на устойчивость, стабильность и эффективность системы обеспечения национальной безопасности современного государства, а также легитимность деятельности ее элементов.

Теоретическая значимость работы проявляется в комплексной разработке научных основ административно-правового исследования процессов определения и раскрытия сущности, содержания, структуры системы обеспечения национальной безопасности современного государства.

Практическая значимость диссертации определяется прикладным характером отдельных ее выводов и предложений, основанных на анализе правового инструментария и качественных изменений

функционирования специализированных государственных органов, обеспечивающих национальную безопасность ведущих государств, проведенных в начале третьего тысячелетия.

Результаты исследования прошли необходимую апробацию в виде докладов и выступлений автора на научных конференциях, были отражены в публикациях в ведущих рецензируемых научных журналах, в авторских монографиях.

При этом проведенное исследование, являясь сложной и многоплановой работой, не лишено некоторых недочетов и дискуссионных моментов.

1. Требуется дополнительное обоснование того, насколько необходимо в нашей стране наделение Президента Российской Федерации и главы Правительства полномочиями принимать акты, имеющие в течение одного года законодательную силу (положение 14, выносимое на защиту). Президент и Правительство уже наделены достаточно широкими полномочиями в области принятия правовых актов, в связи с этим их дальнейшее расширение вступит в противоречие с принципом разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную.

2. Следует уточнить, в чем заключается новизна 12 положения, выносимого на защиту, поскольку, на наш взгляд, вполне очевидно, что государство должно реагировать на внешние и внутренние изменения для обеспечения национальной безопасности, так же как и учитывать мнение населения, — это характерно для всех демократических государств, к которым относятся и рассмотренные в работе страны.

3. Дискуссионный характер носит идея об унификации административно-правового обеспечения национальной безопасности в мире для снижения «общей угрозы безопасности на планете». Несомненно, государства способны разделять общие цели в планетарном масштабе в определенных областях (например, обеспечение экологической безопасности), однако как суверенные политические единицы они обладают собственными национальными интересами, нередко вступающими в противоречие друг с другом. Наиболее высокую общность интересов могут показывать международные объединения

и союзы, среди которых самым ярким примером является Евросоюз, однако и в них не исключены противоречия между участниками*.

Кроме того, соискателем утверждается, что «обеспечение национальной безопасности государства осуществляется в строгом соответствии с его законодательством и публично поставленными политическим руководством страны перед обществом целями и задачами, сформулированными, как правило, в виде стратегии национальной безопасности, концепции национальной безопасности, доктрины или специального закона. Стратегия национальной безопасности реализуется с помощью специального механизма, который определяет индивидуальную специфику и своеобразие каждого государства». В связи с этим возникает вопрос о том, насколько возможно на современном этапе мирового политического и экономического развития избавиться от этой индивидуальной специфики каждого государства, и так ли это необходимо.

Вместе с тем перечисленные вопросы и замечания не снижают общую положительную оценку диссертационной работы.

Диссертация Т.В. Кикоть-Глуходедовой представляет собой самостоятельное

* Например, недавний выход Великобритании из Европейского Союза показал, какое значение для страны имеют ее национальные интересы.

монографическое исследование, характеризуется высоким теоретическим уровнем, новизной полученных результатов, имеет существенное теоретическое и практическое значение. Научные выводы, к которым пришел диссертант, в полной мере обоснованы. Предложенные автором новые решения аргументированы и критически оценены по сравнению с другими известными решениями. Совокупность новых научных положений, выдвигаемых для публичной защиты, имеет внутреннее единство и свидетельствует о личном вкладе автора в науку административного права, отражает значимость и достоверность полученных результатов.

Автореферат диссертации, опубликованные статьи и монографии соответствуют содержанию рассматриваемой работы, отражают новизну и практическую значимость проведенного соискателем исследования.

Таким образом, рецензируемое диссертационное исследование является завершенной научно-квалификационной работой, содержит решение крупной научной проблемы, вносящее значительный вклад в развитие науки административного права и административного процесса, соответствует критериям, предъявляемым Положением о Порядке присуждения ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842.

Раздел 9. Спецтема: Юбилеи, памятные даты

ХИМИЧЕВА О.В., HIMICHEVA O.V.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
olga-him@mail.ru
Кафедра уголовного процесса;
Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, 12

HIMICHEVA O.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Honored Worker of Higher Education
of the Russian Federation,
olga-him@mail.ru
Chair of criminal procedure;
Moscow University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation
named after V.Ya. Kikot,
Academician Volgin St. 12,
Moscow, 117997,
Russian Federation

ШАРОВ Д.В., SHAROV D.V.,
кандидат юридических наук, доцент,
sharovden@gmail.com
Адвокатская палата города Москвы,
119002, г. Москва,
пер. Сивцев Вражек, 43

SHAROV D.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor, sharovden@gmail.com
Moscow City Chamber of Advocates,
Sivtsev Vrazhek Lane 43,
Moscow, 119002,
Russian Federation

ТЕРЕХОВ А.Ю., TEREKHOV A.Yu.,
кандидат юридических наук, доцент,
terekhov.au@gmail.com
Уфимский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2

TEREKHOV A.Yu.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
terekhov.au@gmail.com
Ufa Law Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Muxsinova St. 2, Ufa, 450103,
Russian Federation

**К ЮБИЛЕЮ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО.
ПРОФЕССОР В.Н. ГРИГОРЬЕВ:
КОНЦЕПЦИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО**

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые положения концепции уголовно-процессуального института задержания, разработанные видным процессуалистом профессором Виктором Николаевичем Григорьевым. Анализ положений Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволяет выявить существенные противоречия в регламентации данной меры процессуального принуждения в части оснований и порядка ее применения. Авторы статьи, основываясь на теоретических выводах, сформулированных В.Н. Григорьевым, предлагают современные варианты решения проблем правовой регламентации и применения института задержания по подозрению в совершении преступления, совершенствования правового положения задержанного.

Ключевые слова: профессор В.Н. Григорьев; уголовный процесс; задержание подозреваемого; подозреваемый; уголовное судопроизводство; мера пресечения; следователь.

Для цитирования: Химичева О.В., Шаров Д.В., Терехов А.Ю. К юбилею выдающегося ученого. Профессор В.Н. Григорьев: концепция задержания подозреваемого // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 4 (54). С. 116-122.

TO THE ANNIVERSARY OF THE OUTSTANDING SCIENTIST. PROFESSOR V.N. GRIGORIEV: THE CONCEPT OF THE DETENTION OF SUSPECT

Annotation. The key provisions of the concept of the criminal procedure institution of detention, developed by a prominent scholar of criminal procedure, professor Viktor Nikolaevich Grigoriev, are analyzed in the article. The analysis of the provisions of the Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FL "On Police" and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation reveals significant contradictions related to the regulation of this measure of procedural coercion, concerning the grounds and procedure for its application. Having studied the theoretical conclusions formulated by V.N. Grigoriev, the authors of the article propose the current solutions to the problems concerning the legal regulation and application of the institution of detention of suspect based on a reasonable suspicion that the person is involved in committing a crime, as well as improving the legal status of the detainee.

Keywords: professor V.N. Grigoriev; criminal process; detention of suspect; suspect; criminal proceedings; restraint; investigator.

For citation: Himicheva O.V., Sharov D.V., Terekhov A.Yu. To the anniversary of the outstanding scientist. Professor V.N. Grigoriev: the concept of the detention of suspect // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 4 (54). P. 116-122.

2020 год отмечен многими неординарными событиями в области отечественной юриспруденции. Наряду с глобальными преобразованиями системы публичной власти, порожденными внесением изменений в Конституцию Российской Федерации, наша страна столкнулась с новыми вызовами, обусловленными пандемией, обострившими старые проблемы функционирования уголовной юстиции. Наука уголовного процесса, чутко реагирующая на любые, даже не столь существенные трансформации жизни общества, не может оставаться в стороне от осмысления множества «болевых точек» современной теории и практики уголовного судопроизводства. Чтобы не «утонуть» в «океане» проектов реформирования уголовно-процессуальных отношений, полагаем правильным обратиться к фундаментальным научным ценностям и традициям, заложенным выдающимися отечественными процессуалистами.

Для уголовно-процессуальной науки 2020 год знаменателен юбилеем одного из самых ярких ученых современности – Виктора Николаевича Григорьева, внесшего значительный вклад в развитие многих направлений уголовного процесса и криминалистики.

Профессор В.Н. Григорьев, наш Учитель, разработал теоретическую концепцию расследования преступлений в чрезвычайных условиях, теоретические основы обнаружения признаков преступления органами внутренних дел, уголовно-процес-

суальной деятельности подразделений по борьбе с организованной преступностью, раскрыл механизм использования результатов административной деятельности органов внутренних дел в уголовном процессе. В настоящее время он активно развивает теоретические основы использования информационно-телекоммуникационных технологий в уголовном процессе. Но среди многочисленных научных разработок В.Н. Григорьева нельзя не отметить серию публикаций о проблемах задержания подозреваемого в совершении преступления, которые до сих пор являются фундаментом для совершенствования правового регулирования этой меры принуждения, для оптимизации практики использования данного правового института.

Общеизвестно, что уголовное судопроизводство – один из самых «травматичных» для человека видов государственной деятельности. Российский менталитет таков, что в каком бы статусе лицо ни принимало участие в процессуальных действиях, пусть даже причастность к уголовно-процессуальной сфере весьма эпизодическая и поверхностная, тем не менее вовлеченность в уголовно-процессуальные отношения, как правило, оставляет неизгладимый след и еще долгие годы напоминает о неприятном, а порой и трагическом эпизоде в жизни.

Не подлежит сомнению то, что в случаях, когда задействован весь арсенал принудительных средств, когда обстоятельства уголовного дела диктуют необхо-

димось применения задержания, а возможно, и заключения под стражу, права личности неизбежно подвергаются существенным ограничениям.

Именно поэтому детальная законодательная регламентация уголовного судопроизводства, прежде всего в части применения разнообразных принудительных мер, является необходимым условием всеобъемлющей защиты прав личности. В этом плане к числу «болевых» точек традиционно относится задержание лица по подозрению в совершении преступления.

Правовые проблемы данного института изучались многими учеными-процессуалистами, в том числе И.М. Гуткиным [1], А.П. Гуляевым [2], А.А. Чувилевым [3; 4].

Вопросы задержания не остались за рамками внимания и профессора В.Н. Григорьева. Достаточно назвать две наиболее известные его работы, изданные с интервалом в 10 лет: «Задержание подозреваемого органами внутренних дел» [5] и «Задержание подозреваемого» [6], чтобы показать глубину научного исследования указанных проблем. обстоятельный, основанный на опыте практической деятельности, формировавшийся годами научный подход профессора В.Н. Григорьева к понятию и сущности, основаниям, процессуальному порядку и тактике применения этой меры процессуального принуждения позволяет утверждать о создании комплексной теоретической концепции задержания в уголовном судопроизводстве. При этом Виктор Николаевич отмечает, что рассматривает задержание во всех его гранях: и с точки зрения государственных интересов, интересов федеральных правоохранительных органов и их отдельных сотрудников, и с точки зрения интересов налогоплательщиков, бизнесменов и обычных граждан — служащих, рабочих и пр., которые волею судеб оказываются в поле зрения этих самых правоохранительных органов [6, с. 19].

Удивительны по своей актуальности выводы профессора В.Н. Григорьева, не утратившие научной и практической значимости за прошедшие двадцать лет: «Проблемы такого сложного явления, как задержание подозреваемого, имеют множество истоков. Их можно обобщить в несколько крупных блоков, среди которых:

— многозначность употребления понятия задержания подозреваемого в законодательстве;

— фрагментарность законодательного регулирования системы действий, входящих в содержание задержания подозреваемого;

— отсутствие единого представления о сущности и содержании задержания в правовой теории;

— многочисленность существенных нарушений и злоупотреблений, допускаемых при задержании подозреваемого на практике, сопровождающихся в целом терпимым отношением к ним в сочетании с двойным стандартом в оценке действий нарушителей» [6, с. 19].

Следует рассмотреть современное состояние уголовно-процессуального института задержания, а также вопрос о том, претерпела ли изменения практика его реализации.

В настоящее время задержание как мера принуждения регламентируется в целом ряде нормативных правовых актов и в результате приобретает специфику в части правовой природы, содержания, субъектов, оснований и порядка применения. Это представляется обоснованным, но только в том случае, если предписания нормативных актов корреспондируют друг с другом, что, к сожалению, далеко не так.

В качестве примера обратимся к Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»* (далее — Федеральный закон «О полиции»), которым задержание определено более широко, чем в уголовно-процессуальном законе: как мера государственного, а не только уголовно-процессуального принуждения. И это вполне оправданно, поскольку Федеральный закон «О полиции» уполномочивает полицию производить несколько видов задержания, и лишь один из них, предусмотренный п. 1 ч. 2 ст. 14, относится к уголовному судопроизводству: «полиция имеет право задерживать лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, — по основаниям, в порядке и на срок, которые пред-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

усмотрены уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации».

Следовательно, в ст. 14 Федерального закона «О полиции» указано два случая уголовно-процессуального задержания: 1) задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления; 2) задержание лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Обратимся к основаниям, порядку и сроку этих видов задержания, о которых лишь упоминается в Федеральном законе «О полиции» с отсылкой к положениям УПК РФ. Что касается задержания по подозрению, то оно достаточно подробно регламентировано в ст.ст. 91, 92 и других УПК РФ. Однако применительно к задержанию лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, основание, порядок и срок УПК РФ прямо не устанавливает. Полагаем, что в этом случае задержание служит реализации судебного решения о заключении под стражу, принятого в заочном порядке, что возможно при объявлении обвиняемого в международный и (или) межгосударственный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ). При обнаружении обвиняемого, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, лицо может быть задержано на основании п. 1 ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О полиции», так как в ст. 91 УПК РФ соответствующая норма отсутствует.

Однако возникает вопрос об основании задержания обвиняемого, объявленного в федеральный розыск. Поскольку в такой ситуации заочный арест запрещен, то обвиняемый в случае его обнаружения может быть задержан в порядке, установленном главой 12 УПК РФ (ч. 3 ст. 210 УПК РФ), и для этого ч. 2 ст. 91 УПК РФ предусматривает основание: «При наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если... следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу».

Одна из нерешенных проблем данного института — фрагментарность за-

конодательного регулирования системы действий, входящих в содержание задержания подозреваемого, хотя следует отметить, что в УПК РФ более обстоятельно, чем в предшествующих уголовно-процессуальных законах, регламентируется процедура применения этой меры процессуального принуждения.

В качестве примера можно привести уведомление о задержании подозреваемого, которое достаточно подробно урегулировано как в ст. 96 УПК РФ, так и в ст. 14 Федерального закона «О полиции». Но, к сожалению, эти нормы не корреспондируют.

Во-первых, Федеральный закон «О полиции» не предусматривает обязанности сотрудника полиции уведомлять близких родственников или близких лиц о задержании, указывая, что это может быть сделано только по просьбе задержанного (ч. 7 ст. 14). Иначе регулируется данный вопрос частью 1 ст. 96 УПК РФ: «в случае отказа подозреваемого от права на телефонный разговор или невозможности в силу его физических или психических недостатков самостоятельно осуществлять указанное право такое уведомление производится дознавателем, следователем».

Приоритет УПК РФ в части регламентации задержания по подозрению в совершении преступления позволяет утверждать, что уведомление о задержании — это не только право лица, но и обязанность, возложенная на следователя, дознавателя.

Во-вторых, в сравнении со ст. 14 Федерального закона «О полиции» ч. 1 ст. 96 УПК РФ предусматривает более широкий круг лиц, которые могут быть уведомлены о задержании: это не только близкие родственники и близкие лица, но и иные родственники. Подобное предписание УПК РФ в большей степени соответствует цели этого процессуального действия.

В-третьих, согласно ч. 1 ст. 96 УПК РФ телефонный разговор подозреваемого должен состояться на русском языке; Федеральный закон «О полиции» такого ограничения не содержит.

Данная норма уголовно-процессуального закона представляется достаточно дискуссионной. С одной стороны, следо-

ватель, дознаватель должен быть уверен в том, что задержанный уведомляет своих близких родственников, родственников или близких лиц именно о своем задержании и месте нахождения, а не передает информацию, позволяющую тем или иным способом воспрепятствовать ходу предварительного расследования. Это возможно только в том случае, когда следователь, дознаватель владеет языком, на котором производится уведомление.

Однако, с другой стороны, данное предписание может противоречить принципу языка уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК РФ), согласно которому участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть обеспечено право делать заявление, давать объяснения, и т.д. на родном языке или другом языке, которым они владеют. Вместе с тем очевидная в такой ситуации потребность в приглашении переводчика для реализации права на уведомление о задержании нормативной основы не получила.

В-четвертых, ч. 1 ст. 96 УПК РФ предусматривает, что телефонный разговор задержанного с близкими родственниками, родственниками или близкими лицами должен состояться в присутствии следователя, дознавателя; в Федеральном законе «О полиции» этот вопрос не оговаривается. В связи с этим не ясно, следует ли считать нарушением присутствие при телефонном разговоре подозреваемого каких-либо иных должностных лиц, помимо следователя, дознавателя.

Очевидно, что правовые нормы двух законодательных актов не совпадают даже в регламентации отдельного процессуального действия в процедуре задержания. Между тем до сих пор не нашли надлежащей законодательной регламентации действия, имеющие место при применении данной меры процессуального принуждения (доставление лица в служебное помещение, его конвоирование, разбирательство с доставленным, предоставление защитника фактически задержанному и многие другие).

Профессор В.Н. Григорьев еще в 90-е гг. прошлого столетия в качестве одной из проблем задержания отмечал от-

сутствие единого представления о его сущности и содержании в правовой теории. Однако и в последние годы ученые-процессуалисты высказывают весьма разноплановые суждения по данному вопросу [7; 8; 9].

В частности, в процессуальной теории до сих пор однозначно не решен вопрос о правовой природе периода с момента фактического задержания до составления протокола об этом либо до освобождения лица. Соответственно, неопределенность присутствует в правовом положении лица, фактически уже задержанного, но еще не получившего процессуального оформления данного положения согласно п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ.

В законе нет однозначного ответа на данный вопрос, однако анализ п. 15 ст. 5, ст.ст. 91 и 92 УПК РФ позволяет утверждать, что задержание представляет собой многоступенчатое процессуальное действие, которое включает фактическое задержание, доставление в орган дознания или к следователю, составление протокола задержания.

Выделение, а тем более противопоставление фактического и процессуального задержания нецелесообразно. На наш взгляд, так называемое процессуальное задержание представляет собой не столько самостоятельную правовую категорию, сколько процессуальное оформление собственно задержания. При этом применяемый законодателем термин «фактическое задержание» используется лишь для обозначения момента непосредственного задержания лица, то есть физического ограничения свободы, а не в смысле противопоставления некоему «процессуальному задержанию».

Иными словами, задержание представляет собой единый уголовно-процессуальный институт, начинающийся с момента физического ограничения свободы лица, которое впоследствии получает свое процессуальное закрепление путем составления протокола задержания.

Утверждение об уголовно-процессуальной природе задержания именно с момента физического ограничения свободы лица согласуется с положениями норм уголовно-процессуального закона (пп. 11 и 15 ст. 5, чч. 1.1 и 2 ст. 92, ч. 3 ст. 128 УПК РФ) и свидетельствует о том, что права подо-

зреваемого, в частности право на помощь защитника, лицо приобретает в момент непосредственного задержания. Проблема заключается в том, чтобы реально обеспечить это право в данных условиях.

Представляется, что нерешенные теоретико-правовые вопросы обуславливают те существенные нарушения и злоупотребления, допускаемые при задержании подозреваемого на практике, на которые указывал профессор В.Н. Григорьев в своих монографических работах. Мы не ставим задачу привести какие-либо количественные данные, отражающую ситуацию, либо конкретные примеры, поскольку с этой функцией отлично справляются средства массовой информации, во всех подробностях освещающие вопиющие случаи нарушения закона, допускаемые при применении данной меры процессуального принуждения.

Полагаем, что многих правоприменительных проблем задержания можно было бы избежать при воплощении в правовых предписаниях концептуальных идей, выдвинутых профессором В.Н. Григорьевым, продолженных и развитых в работах его многочисленных учеников [см., например: 10; 11; 12].

Несомненной заслугой выдающегося процессуалиста современности Григорьева Виктора Николаевича перед отечественной юриспруденцией являются не только разноаспектные научные исследования в области досудебного производства, но и создание мощной научной школы ученых, представляющих образовательные организации различной ведомственной принадлежности, разные профессиональные сообщества, но объединенные идеей совершенствования российского уголовного процесса и именем профессора Григорьева.

-Список литературы

1. Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания. М., 1980. 89 с.
2. Гуляев А.П., Данилюк С.А., Забарин С.Н. Задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления: учеб. пособие / под ред. А.П. Гуляева. М.: ВНИИ МВД СССР, 1988. 42 [2] с.
3. Чувилев А.А. Институт подозреваемого в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968. 294 с.
4. Чувилев А.А. Прокурорский надзор за исполнением законов при задержании подозреваемых: учеб. пособие. М.: ИПК РК Генеральной прокуратуры РФ, 1999. 36 с.
5. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого органами внутренних дел. Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1989. 121 с.
6. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М.: ЮрИнфоР, 1999. 542 с.
7. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск: Омская акад. МВД России, 2017. 226 с.
8. Россинский С.Б. Следственные действия: монография. М.: Норма, 2018. 238 [1] с.
9. Сумин А.А., Химичева О.В. Задержание подозреваемого (актуальные теоретико-правовые проблемы): учеб. пособие. М.: Московский ун-т МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 99 с.
10. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: монография. М.: Проспект, 2019. 188 [1] с.
11. Победкин А.В., Яшин В.Н. Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. N 1-2. С. 16-24.
12. Химичева О.В., Шаров Д.В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // Законы России. 2018. N 5. С. 56-61.

References

1. Gutkin I.M. Topical issues of criminal procedure detention. Moscow, 1980. 89 p. (In Russ.).
2. Gulyaev A.P., Danilyuk S.A., Zabarin S.N. Detention of persons suspected of committing a crime. Moscow, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1988. 42 [2] p. (In Russ.).
3. Chuvilev A.A. Institute of a suspect in the Soviet criminal process. Cand. Diss. Moscow, 1968. 294 p. (In Russ.).
4. Chuvilev A.A. Prosecutor's supervision over the execution of laws during the arrest of suspects. Moscow, Institute for Advanced Training of Leading Personnel of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 1999. 36 p. (In Russ.).
5. Grigor'ev V.N. Detention of the suspect by the internal affairs bodies. Tashkent, 1989. 121 p. (In Russ.).
6. Grigor'ev V.N. Detention of a suspect. Moscow, YurInfoR Publ., 1999. 542 p. (In Russ.).

7. Murav'ev K.V. Measures of procedural compulsion – special means of criminal law impact: doctrine, application, optimization. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 226 p. (In Russ.).
8. Rossinskiy S.B. Investigative actions. Moscow, Norma Publ., 2018. 238 [1] p. (In Russ.).
9. Sumin A.A., Himicheva O.V. Detention of a suspect (topical theoretical and legal problems). Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2018. 99 p. (In Russ.).
10. Rossinskiy S.B. Detention of a suspect: a constitutional and intersectoral approach. Moscow, Prospect Publ., 2019. 188 [1] p. (In Russ.).
11. Pobedkin A.V., Yashin V.N. Actual and procedural detention of a suspect: a decision of the legislator is necessary. Izvestia of the Tula State University. Economic and legal sciences, 2018, no. 1-2, pp. 16-24. (In Russ.).
12. Himicheva O.V., Sharov D.V. Some aspects of ensuring the rights of a person in detention on suspicion of committing a crime. Laws of Russia, 2018, no. 5, pp. 56-61. (In Russ.).